БИБЛІОТЕКА
20 3/154

20 3/154

СВЯЩЕННИКЪ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ СВЯЩЕНСТВУ И ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА.

В. Лѣвницкаго.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

КІЕВЪ.
Типографія А. Н. Иванова. Подолъ, Спасская ул. д. № 12 и 13.
1886.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
5.45-05

Печатать дозволяется. Кіевъ, 13-го Декабря 1885 года.

Цензоръ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи

Архимандритъ *Ириней.*

Центральный книгообменный фонд
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина

2005082010

5545-05

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящая книга посвящается пастырямъ православной Церкви, ревнующимъ о благоустроеніи своей жизни.

Изображая идеалъ пастыря Церкви, авторъ поставилъ своею задачею уясненіе такихъ частныхъ вопросовъ, касающихся его жизни, для которыхъ нѣтъ точнаго рѣшенія въ правилахъ соборовъ и отцовъ, но которыхъ нельзя оставлять безъ вниманія при опредѣленіи того, каковъ долженъ быть призываемый къ священному служенію, и какъ онъ долженъ вести себя въ томъ или другомъ положеніи, создаваемомъ для него жизнію. Авторъ далекъ отъ мысли считать свои замѣчанія безусловно вѣрными. Его цѣль будетъ достигнута, если его слово возбудитъ у другихъ вниманіе къ затронутымъ имъ вопросамъ и вызоветъ болѣе опытную и свѣдущую мысль къ болѣе обстоятельному ихъ изслѣдованію.

Все, что найдетъ читатель въ предлагаемой книжицѣ, внушено глубокимъ уваженіемъ къ высокому званію служителей Божіихъ и искреннимъ желаніемъ блага всѣмъ, кого Господь удостоилъ великой благодати священства.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ дѣлѣ пастырскаго служенія личность пастыря не отдѣлима отъ его должности. Священное дѣло, возлагаемое на пастыря Церкви, непремѣнно требуетъ, чтобы онъ своимъ личнымъ характеромъ и поведеніемъ вполнѣ отвѣчалъ своему высокому призванію. Частная жизнь священника и его служебная дѣятельность стоятъ въ неразрывной связи, и при сужденіи о томъ, отвѣчаетъ ли священникъ своему званію, смотрятъ не на то только, какъ онъ исполняетъ свои обязанности и какимъ является въ сферѣ своей служебной дѣятельности, но и на то, каковъ онъ самъ въ себѣ, въ своемъ личномъ нравственномъ характерѣ и въ своемъ поведеніи. Въ другихъ сферахъ и состояніяхъ частная жизнь и служебная дѣятельность могутъ быть отдѣляемы одна отъ другой, и недостатки, замѣчаемые въ первой, не вредятъ существенно достоинству второй. Напримѣръ, можно быть великимъ полководцемъ и въ тоже время дурнымъ семьяниномъ и человѣкомъ сомнительной нравственности; можно быть хорошимъ градоначальникомъ и вообще администраторомъ, и не отличаться ни религіозностію, ни добродѣтелію; можно быть сильнымъ, краснорѣчивымъ адвокатомъ и искуснымъ врачемъ, и въ тоже время въ частной жизни служить предметомъ соблазна и нареканія. Репутація, снисканная профессіональною дѣятельностію въ указанныхъ нами званіяхъ и состояніяхъ и другихъ подобныхъ имъ, не страдаетъ отъ недостатковъ личнаго характера человѣка и его частной жизни. Совершенно

не такія отношенія тамъ, гдѣ является служитель Божій и пастырь душъ. Каждый частный его нравственный недостатокъ—непосредственное противорѣчіе той должности, которую онъ занимаетъ, и что роняетъ его во мнѣніи, какъ частнаго человѣка или семьянина, служитъ къ униженію того званія, которое онъ на себѣ носитъ, и заставляетъ другихъ говорить, что онъ не достоинъ своего мѣста. Напротивъ доброе, честное поведеніе и безупречный личный характеръ священника не только способствуютъ возвышенію его званія, но и требуются отъ него, какъ непремѣнная принадлежность его служебнаго положенія.

Значеніе личности, личнаго характера и поведенія въ дѣлѣ пастырскаго служенія заставляетъ людей, берущихся за это дѣло, быть крайне внимательными къ себѣ въ своей частной жизни, и всѣхъ, думающихъ о возвышеніи пастырскаго званія, побуждаетъ заботиться объ уясненіи того характера и того образа жизни, какой должны осуществлять, или по крайней мѣрѣ къ какому должны приближаться носящіе званіе священника. Святые отцы, писавшіе о пастырскомъ служеніи и желавшіе руководить служителей Церкви на избранномъ ими поприщѣ (св. Іоаннъ Златоустъ, св. Григорій Богословъ, св. Григорій Двоесловъ и св. Амвросій Медіоланскій), изъясняли не только то, что они должны дѣлать въ предѣлахъ своей должности, но и то, каковы они должны быть по своимъ нравственнымъ качествамъ, и каково должно быть ихъ поведеніе, пускаясь иногда въ подробности касательно внѣшняго ихъ благоприличія, выражающагося въ тѣлодвиженіяхъ, одеждѣ, разговорѣ и т. под. Извѣстны тѣ требованія, съ какими они обращаются къ людямъ, призваннымъ къ пастырскому служенію. Мы считаемъ не безъизлишнимъ, руководствуясь ихъ замѣчаніями, нарисовать идеальный портретъ пастыря Церкви и попытаться раскрыть, каковъ онъ долженъ быть въ своей жизни, примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, какія предъявляетъ ему наше время.

Идеальный портретъ священника, какой мы предположили начертить, былъ бы не полонъ, еслибы мы взяли пастыря Церкви

въ одинъ опредѣленный моментъ и раскрыли то, что онъ долженъ дѣлать и чего долженъ избѣгать, чтобы отвѣчать своему званію. Желая показать жизнь пастыря въ свѣтѣ идеи, не образъ его только мы хотимъ написать, а прослѣдить исторію образованія живой личности, достойной пастырскаго служенія, и отмѣтить то, чѣмъ она должна заявлять себя среди разныхъ обстоятельствъ, ею переживаемыхъ.

Лице, избирающее своимъ жребіемъ пастырское служеніе, подпадаетъ нашему вниманію не съ той поры, когда оно, получивъ священное рукоположеніе, является на извѣстномъ приходѣ среди пасомыхъ, а гораздо раньше. Квинтиліанъ, предположивъ въ своихъ „Ораторскихъ наставленіяхъ" начертить идеалъ оратора и указать правило къ надлежащему развитію способностей, данныхъ ему природою, начинаетъ слѣдить за своимъ идеальнымъ ораторомъ, можно сказать, съ самыхъ первыхъ дней раскрытія его самосознанія: онъ говоритъ о томъ, съ чего должно начинаться его ученіе и какъ должно вестись оно въ самые юные годы, чтобы изъ него вышелъ впослѣдствіи дѣятель, полезный и сильный на ораторскомъ поприщѣ. Но служеніе пастыря Церкви гораздо важнѣе, труднѣе и отвѣтственнѣе служенія свѣтскаго оратора. Потому, при мысли объ идеальномъ священникѣ, естественно не опускать изъ вниманія и тѣхъ лѣтъ его жизни, къ какія только намѣчивается и приготовляется будущій дѣятель Церкви. Первый вопросъ, который самъ собою напрашивается, когда вы думаете о томъ, чтобы на постѣ пастыря Церкви являлись лица, вполнѣ достойныя своего званія,—это вопросъ о приготовленіи къ пастырскому служенію.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ КЪ СВЯЩЕНСТВУ.

I.

Необходимость приготовленія къ священству.

Въ виду особенной важности и трудности пастырскаго служенія, казалось, не возможно отрицать нужды тщательнаго приготовленія къ нему со стороны тѣхъ, которые избираютъ его своимъ жребіемъ. Между тѣмъ встрѣчаются люди, и такихъ не мало, которые не считаютъ нужнымъ нарочитаго приготовленія къ священству, и то долговременное ученіе, какое нынѣ проходятъ кандидаты священства, имъ представляется дѣломъ не цѣлесообразнымъ. Благочестіе, говорятъ, требуется прежде всего и болѣе всего отъ пастыря Церкви; а оно не снискивается предварительнымъ образованіемъ, даваемымъ школою. Недостатокъ научнаго знанія можетъ возмѣстить божественная благодать или божественная мудрость, испрашиваемая и подаваемая чрезъ таинственное рукоположеніе. Намъ случалось слышать отъ лицъ, преданныхъ Церкви и полныхъ заботы о ея благѣ, что не ученаго нужно выбирать въ священники, а человѣка ревностнаго, и чтобы быть ему достойнымъ пастыремъ, отвѣчающимъ желаніямъ народа, ему нужны только ноги, голосъ и свой домъ,—ноги для того, чтобы онъ могъ пойти, куда его позовутъ для исправленія какой либо требы, голосъ для того, чтобы онъ могъ совершать богослуженіе, и свой домъ для того, чтобы онъ могъ содержать себя и свое семейство и не былъ

въ тягость своимъ прихожанамъ. Въ первыя времена христіанства въ служители Церкви избирались и поставлялись люди, не получившіе нарочитаго спеціальнаго образованія; напримѣръ въ третьемъ вѣкѣ въ клиръ приняты и почтены саномъ пресвитера Фирмъ купецъ, суконщикъ Северъ и угольщикъ Александръ, между тѣмъ эти и имъ подобные люди въ званіи пресвитеровъ удовлетворяли своему назначенію. И нынѣ въ Америкѣ, въ методистскихъ обществахъ, носильщикъ тяжестей или сторожъ, метущій улицы, вдругъ дѣлается иногда религіознымъ учителемъ народа и производитъ благотворное вліяніе на другихъ.

Подобныя представленія противорѣчатъ исторіи, не находятъ подтвержденія у святыхъ отцовъ, писавшихъ о священствѣ и опредѣлявшихъ условія достойнаго совершенія священническаго служенія, и не сообразны съ существомъ дѣла.

Обстоятельства первенствующей Церкви были исключительныя. То было время первоначальнаго насажденія Церкви, когда не было еще возможности думать о способахъ приготовленія служителей Церкви и организовать институты, въ которыхъ бы приготовлялись эти служители. Сила Божія привлекала новыхъ людей къ созиданію царства Божія, и Господь Іисусъ Христосъ рыбарей и простыхъ людей, полныхъ вѣры въ Него, избралъ апостолами и имъ поручилъ дѣло служенія по устроенію Церкви. То было время гоненій, когда стѣсненная Церковь не могла свободно развивать и совершать свои отправленія и по нуждѣ должна была довольствоваться въ своемъ устроеніи не тѣмъ, чего хотѣла и что считала полезнымъ, но что находила возможнымъ при данныхъ условіяхъ. Трудно, даже невозможно было ожидать, чтобы въ эти исключительныя времена дѣло приготовленія пастырей поставлено было въ Церкви такъ, чтобы въ этомъ отношеніи тѣмъ временамъ подражали послѣдующіе вѣка и съ нихъ брали примѣръ для себя. Между тѣмъ необходимость приготовленія достойныхъ служителей Церкви всегда сознавалась въ христіанствѣ, и всегда мы видимъ,

что стоящіе во главѣ христіанскаго общества заботятся о томъ, чтобы найти и приготовить для священнаго служенія лицъ, къ тому способныхъ, и снабдить ихъ знаніемъ, необходимымъ для пастыря Церкви.

Господь Іисусъ Христосъ изъ простыхъ и неученыхъ людей избралъ себѣ апостоловъ. Но они не тотчасъ же отъ своихъ прежнихъ занятій перешли къ трудамъ апостольства. По зову Господа и Учителя, они оставили все и послѣдовали за Нимъ, и это съ тою цѣлію, чтобы приготовиться къ будущему служенію, какое указывалъ имъ Господь. И вотъ, въ теченіе болѣе чѣмъ трехъ лѣтъ, они были въ ближайшемъ общеніи съ Господомъ Іисусомъ Христомъ, слышали всѣ Его бесѣды, въ какихъ Онъ раскрывалъ Свое ученіе народу, и получали отъ Него особыя наставленія, которыми Онъ хотѣлъ освятить ихъ сознаніе и укрѣпить ихъ вѣру. Не напрасно они называли Его словомъ: „равви“, что значитъ учитель. Не напрасно Онъ Самъ называлъ ихъ своими учениками, и такими считалъ ихъ весь народъ. Многія изъ тѣхъ наставленій, какія сообщалъ Господь своимъ ученикамъ, записаны въ Евангеліи, но гораздо больше такихъ, какія слышали они отъ Него устно, и какихъ они не записали въ Евангеліи, слагая ихъ въ сердцѣ своемъ. Явившись имъ по воскресеніи, Онъ напомнилъ имъ о томъ, о чемъ говорилъ имъ, еще бывъ съ ними,—именно, что надлежитъ исполниться всему, написанному о Немъ въ законѣ Моисеевомъ, и въ пророкахъ и въ псалмахъ (Лук. 24, 44). Видно отсюда, что въ своихъ частныхъ бесѣдахъ съ учениками Господь разъяснялъ имъ все ветхозавѣтное Писаніе, вводилъ ихъ въ духъ его и старался довести ихъ до яснаго пониманія его. Но эти частныя бесѣды не сохранены до насъ, равно какъ не сохранены и тѣ бесѣды, какія Онъ имѣлъ съ ними о царствіи Божіемъ, являясь имъ въ теченіе сорока дней послѣ своего воскресенія (Дѣян. 1, 3). Видно, что ученіе, и ученіе продолжительное считалось необходимымъ для апостоловъ со стороны Господа, избравшаго ихъ служителями и строителями Церкви своей.

Апостолы, вѣрные завѣтамъ своего Учителя и Господа, въ управленіи вверенною имъ Церковію шли путемъ, указаннымъ имъ ея Основателемъ. Подобно Ему, они болѣе или менѣе продолжительнымъ ученіемъ приготовляли избранныхъ изъ общества вѣрующихъ къ служенію слова, и званіемъ пастырей Церкви облекали тѣхъ, кого находили наиболѣе искусными въ вѣрѣ и лучше приготовленными къ выполненію пастырскаго служенія. Напримѣръ Тимоѳея апостолъ Павелъ избралъ въ служители Церкви послѣ того, какъ онъ „наученъ“ былъ всему, нужному ко спасенію (2 Тим. III, 14), и вниманіе Апостола на немъ остановилось потому, что онъ *изъ дѣтства зналъ священныя Писанія, могущія умудрить во спасеніе вѣрою во Христа Іисуса* (2 Тим. III, 15), и потому, что ему извѣстна была *нелицемѣрная вѣра* и благочестіе бабки Тимоѳея Лоиды и матери Евникіи, которыя ручались за доброе и тщательное воспитаніе избранника Павлова (2 Тим. 1, 5). И не одного Тимоѳея приготовлялъ онъ къ достойному совершенію высокаго служенія пастырскаго. Въ рѣчи пресвитерамъ ефесскимъ, которыхъ онъ созвалъ въ Милитъ предъ послѣднимъ отправленіемъ въ Іерусалимъ, онъ ихъ самихъ призываетъ въ свидѣтели того, *какъ онъ не пропустилъ ничего полезнаго, чему бы не училъ ихъ, и старался возвѣстить имъ всю волю Божію*, и призываетъ ихъ бодрствовать въ дѣлѣ своего служенія, *памятуя то, что онъ три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждаго изъ нихъ* (Дѣян. 20, 20. 27. 31). Смыслъ рѣчи и тѣ обстоятельства, среди которыхъ сказана она, даютъ намъ право видѣть въ этомъ свидѣтельствѣ апостола объ ученіи, такъ тщательно и полно сообщенномъ имъ окружавшимъ его пресвитерамъ, ясное указаніе не на общее наставленіе въ вѣрѣ, какое давалъ онъ вездѣ вѣрующимъ, благовѣствуя о Христѣ Іисусѣ, а особенное и нарочитое, приспособленное къ потребностямъ избранныхъ служителей Божіихъ и руководителей вѣрующаго общества. Какъ апостолъ Павелъ поступалъ по отношенію къ Тимоѳею и къ пресвитерамъ ефесскимъ,

такъ точно поступали и другіе апостолы, избирая и приготовляя споспѣшниковъ и преемниковъ своего служенія. Что дѣлали апостолы сами при устроеніи Церкви, тоже самое исполнять они внушали своимъ преемникамъ. Тимоѳею апостолъ Павелъ пишетъ: *руки скоро не возлагай ни на кого же* (1 Тим. 5. 22). Опредѣляя тѣ свойства, какими долженъ отличаться желающій пресвитерскаго сана, и на какія нужно обращать вниманіе при выборѣ служителей Церкви, Апостолъ въ посланіи и къ Тимоѳею (1 Тим. 14, 2), и къ Титу (1, 3) указываетъ на то, что такому *подобаетъ быть учительну, держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати въ здравомъ ученіи и противящіяся обличати.* Само собою понятно, что для снисканія учительной способности, для пріобрѣтенія силы сообщать другимъ здравое ученіе и обличать заблуждающихся и противляющихся слову вѣры нужно время,—нужно, если не формальное школьное приготовленіе, то все таки нарочитое приготовленіе посредствомъ человѣческихъ средствъ, и апостолъ, очевидно, имѣетъ въ виду это приготовленіе, когда указываетъ выше приведенными словами Тимоѳею и Титу, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ другимъ правителямъ Церкви, кого они должны избирать въ пресвитеры. *И сіи* (прибавляетъ Апостолъ) *да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще* (1 Тим. 3, 10).

Послѣ временъ апостольскихъ, предстоятели Церкви руководились тѣми наставленіями, какія оставили своимъ преемникамъ святые апостолы. Практика Церкви первыхъ вѣковъ христіанства, какъ видно изъ Апостольскихъ Постановленій [1]), установила и требовала, чтобы пастырь былъ, „если возможно, образованный“, т. е. надлежащимъ образомъ приготовленъ къ своему высокому служенію, „а если онъ будетъ не ученъ, то да будетъ по крайней мѣрѣ искусенъ въ словѣ (въ ученіи христіанскомъ)“. Трудно было во времена гоненій всякій разъ находить надлежащимъ образомъ

---

[1]) Кн. 2, гл. 1.

приготовленнаго кандидата для несенія тяжелаго пастырскаго долга; но выборъ и епископа и общины всегда останавливался на тѣхъ, въ комъ замѣчали и знаніе Писанія, и ясное пониманіе предметовъ вѣры, и въ комъ предполагали умѣнье утверждать другихъ въ здравомъ ученіи. Угольщикъ Александръ, напримѣръ, не по одной прихоти или случайности, призванъ былъ къ пастырскому служенію,—но потому, что видѣли въ немъ человѣка, болѣе другихъ просвѣщеннаго въ вѣрѣ. И его избрали въ пресвитеры послѣ того, какъ онъ держалъ общинѣ христіанской разумную и внечатлительную рѣчь. При стѣснительныхъ обстоятельствахъ Церкви, не было въ обществахъ христіанскихъ организованныхъ институтовъ для нарочитаго приготовленія пастырей—руководителей вѣрующаго народа. Но на мысли предстоятелей Церкви лежала забота объ устроеніи этого дѣла, и мы не можемъ сказать, чтобы эта забота изъ области желаній не переходила въ практику. Нынѣшнія школы, въ которыхъ получаютъ образованіе будущіе кандидаты священства, тогда замѣняло воспитаніе въ клирѣ епископа. Въ клиръ епископа въ древнее время привлекались многіе молодые люди, обѣщающіе быть достойными служителями Церкви, и между ними часто видны были получившіе широкое свѣтское образованіе. Состоя на низшихъ степеняхъ епископскаго клира, они какъ бы проходили приготовительную школу къ пастырскому служенію. Они поручались ближайшему попеченію образованнѣйшихъ и опытнѣйшихъ изъ пресвитеровъ, состоявшихъ при епископѣ, и эти были ихъ руководителями въ пріобрѣтеніи ими необходимыхъ для нихъ христіанскихъ знаній,—читали съ ними священное Писаніе, раскрывали предъ ними смыслъ его и вводили ихъ въ духъ его пониманія, вели съ ними бесѣды о разныхъ предметахъ вѣры и нравственности и вообще сообщали имъ науку благочестія въ дополненіе къ тѣмъ знаніямъ, съ какими они вступали въ составъ клира. Усерднѣйшіе изъ епископовъ сами приближали къ себѣ этихъ молодыхъ клириковъ, и изъ ихъ устъ будущіе пастыри слышали слово опытности, знанія и вѣры, подкрѣпленное ихъ

высокимъ авторитетомъ и потому глубоко западавшее въ ихъ душу. Къ этимъ словеснымъ наставленіямъ, получаемымъ молодыми клириками отъ епископа и его пресвитеровъ, нужно присоединить живое назиданіе примѣра. Постоянно обращаясь съ опытными, искусными и просвѣщенными служителями Церкви, они изъ образа ихъ дѣятельности получали для себя такіе впечатлительные уроки, которые дѣйствовали не менѣе сильно, какъ и мудрыя наставленія, имъ сообщавшіяся.

Въ четвертомъ вѣкѣ, когда настали мирныя времена для Церкви, заботы о достойномъ приготовленіи пастырей заявляются больше и яснѣе. Способы приготовленія, практиковавшіеся прежде, получили болѣе широкое примѣненіе, и, при важнѣйшихъ епископскихъ каѳедрахъ, увеличивалось число клириковъ, готовящихся къ будущему священническому служенію. Напримѣръ въ клирѣ Мелетія антіохійскаго въ одно время мы видимъ и Іоанна Златоуста, впослѣдствіи архіепископа константинопольскаго, и Василія, впослѣдствіи епископа Рафаны сирской, Максима, впослѣдствіи епископа селевкійскаго, Ѳеодора, впослѣдствіи епископа мопсуестскаго, и многихъ другихъ. Они были уже юноши образованные, прошедшіе свѣтскую школу. Но съ ними нарочито занимаются въ видахъ ихъ будущаго служенія пресвитеры: Діодоръ, *впослѣдствіи епископъ тарскій*, Картерій и Флавіанъ, поставленный на второмъ вселенскомъ соборѣ преемникомъ Мелетія на антіохійской каѳедрѣ: къ ихъ широкому свѣтскому образованію они присоединяютъ образованіе христіанское, духовно-религіозное, и св. Іоаннъ Златоустъ многимъ былъ обязанъ въ особенности Діодору въ своемъ разумѣніи священнаго Писанія; подъ его вліяніемъ въ немъ утвердилась та нравственно-практическая метода толкованія Писанія, которая, при его талантѣ, сдѣлалась такъ плодотворною для цѣлей гомилетическихъ. Замѣчательный примѣръ изъ исторіи Церкви четвертаго вѣка представляетъ изъ себя св. Амвросій медіоланскій. Онъ неожиданно для самаго себя попалъ въ епископы, не готовясь предварительно къ этому званію. Но именно это обстоятельство послужило для

него побужденіемъ къ тому, чтобы не пренебречь дѣломъ приготовленія достойныхъ служителей Церкви. Очутившись на такомъ постѣ, о какомъ прежде не думалъ, святой отецъ увидѣлъ большіе пробѣлы въ своемъ знаніи и не находилъ въ себѣ ни силъ, ни опытности, чтобы безъ стѣсненія совершать съ успѣхомъ возложенное на него служеніе. Онъ усиленно началъ заниматься священною наукою на первыхъ порахъ своего пастырскаго служенія и даже пригласилъ къ себѣ пресвитера Симпликіана, чтобы тотъ давалъ ему наставленія въ вѣрѣ, желая пріобрѣсть и восполнить то необходимое, безъ знанія чего нельзя приступать къ служенію Церкви. Испытавъ на себѣ невыгодныя послѣдствія приступленія къ священству безъ достаточнаго приготовленія, онъ не желаетъ, чтобы другіе оказывались въ такомъ же положеніи, въ какомъ онъ себя видѣлъ, и для устраненія этого собираетъ при своей каѳедрѣ молодыхъ людей и, зачисливъ ихъ въ клиръ, и самъ и чрезъ другихъ наставляетъ ихъ въ вѣрѣ, бесѣдуетъ съ ними о всемъ, касающемся ихъ будущаго служенія и заблаговременно пріучаетъ ихъ ходить достойно будущаго своего званія. Каковы были эти наставительныя бесѣды, какія велъ ревностный епископъ съ молодыми клириками, будущими пастырями Церкви,—показываетъ его книга „О должностяхъ священнослужителей (de officiis ministrorum)“. Она составлена именно изъ тѣхъ наставленій, какія въ разные годы считалъ нужнымъ преподать св. Амвросій людямъ, предназначавшимся къ служенію Церкви. Содержаніе ея показываетъ, что святой отецъ, кромѣ общаго разъясненія предметовъ вѣры и нравоученія христіанскаго, сообщалъ будущимъ пастырямъ много подробностей касательно вопросовъ практическаго свойства, опредѣляющихъ лучшую постановку пастырскаго дѣла и составляющихъ предметъ науки, нынѣ извѣстной подъ именемъ „Пастырскаго богословія“. Онъ говорилъ съ ними и о тѣхъ обязанностяхъ, какія Церковь возлагаетъ на своихъ служителей, говорилъ и о томъ нравственномъ характерѣ, какой они должны осуществлять въ своей жизни, и указывалъ имъ, въ чемъ должны выражаться

у нихъ требованія главныхъ добродѣтелей, составляющихъ сущность нравственнаго закона, опредѣлялъ и разъяснялъ ихъ отношенія къ обществу людей и къ міру внѣшнему, и даже находилъ умѣстнымъ дѣлать замѣчанія касательно ихъ внѣшняго благоповеденія и соблюденія приличія въ походкѣ и тѣлодвиженіяхъ вообще, разговорѣ и голосѣ, въ выборѣ знакомствъ, и въ отношеніи къ пиршествамъ и разнаго рода забавамъ и увеселеніямъ.

Отцамъ четвертаго и послѣдующихъ вѣковъ не разъ приходилось касаться вопроса о приготовленіи къ пастырскому служенію, и лучшіе изъ нихъ, бывшіе руководителями общественнаго мнѣнія Церкви, настоятельно требовали самаго тщательнаго приготовленія къ своей должности отъ лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, и считали большимъ дерзновеніемъ со стороны не приготовленныхъ брать на себя бремя священническаго служенія. Дѣло пастырскаго служенія они находили дѣломъ слишкомъ труднымъ, важнымъ, отвѣтственнымъ, чтобы зря, безъ всякаго приготовленія, приступать къ нему, и потому многіе изъ нихъ уклонялись отъ него изъ боязни, что они не могутъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, какія налагаетъ на человѣка званіе пастыря. Были примѣры въ ихъ время, что иные люди прямо отъ свѣтскихъ занятій вступали на высокія степени клира, но они отнюдь не находили, чтобы это было въ порядкѣ вещей; напротивъ видѣли и указывали въ этомъ злоупотребленіе и не находили словъ, чтобы достойно осудить это злоупотребленіе. „Нѣтъ ни врача (читаемъ мы въ надгробномъ словѣ св. Григорія Богослова св. Василію Великому), ни живописца, который бы прежде не вникалъ въ свойства недуговъ, или не смѣшивалъ разныхъ красокъ, или не рисовалъ. А предсѣдатель въ Церкви удобно выскакивается; не трудившись, не готовившись къ сану, едва посѣянъ, какъ уже и выросъ, подобно исполинамъ въ баснѣ. Въ одинъ день производимъ мы въ святые, и велимъ быть мудрыми

тѣмъ, которые ничему не учились, и, кромѣ одного произволенія, ничего не имѣютъ, восходя на степень“ [1]).

Самое обстоятельное разсужденіе объ этомъ предметѣ мы встрѣчаемъ въ словѣ св. Григорія Богослова, въ которомъ онъ оправдываетъ свое удаленіе въ Понтъ послѣ рукоположенія своего противъ воли въ пресвитера [2]).

У насъ требуютъ благочестія отъ кандидатовъ священства, и иные въ этомъ требованіи сосредоточиваютъ всѣ условія, какимъ долженъ удовлетворять желающій священства. Лишь бы былъ благочестивый человѣкъ (говорятъ): такой будетъ отвѣчать своему званію, если нѣтъ у него чего другаго, требуемаго отъ священника. Конечно, благочестіе—чрезвычайно важная вещь, и оно весьма необходимо для человѣка, избирающаго для себя священнѣйшее изъ служеній. Но и съ этой стороны требуется приготовленіе для преуспѣянія въ благочестіи отъ желающаго занять мѣсто священника. „Мнѣ стыдно за другихъ (говоритъ св. Григорій Назіанзинъ), которые, будучи ничѣмъ не лучше прочихъ (если еще не хуже), съ неумытыми, какъ говорится, руками, съ нечистыми душами берутся за святѣйшее дѣло и прежде, нежели сдѣлались достойными приступить къ священству, врываются во святилище, тѣснятся и толкаются вокругъ святой трапезы, какъ бы почитая сей санъ не образцомъ добродѣтели, а средствомъ къ пропитанію, не служеніемъ, подлежащимъ отвѣтственности, но начальствомъ, не дающимъ отчета“ [3]).

Но по сужденію св. Григорія Богослова, одного благочестія далеко недостаточно для достойнаго приступленія къ священству: онъ требуетъ отъ кандидата священства еще значительнаго приготовленія теоретическаго, основывая свое требованіе на томъ, что

---

[1]) Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ. Т. V, стр. 83.

[2]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I. Григ. Бог. арх. конст. слово 3, стр. 16—93.

[3]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 21.

священническое служеніе труднѣйшее изъ служеній. „Положимъ (говоритъ онъ), что иной не порочевъ и взошелъ на самый верхъ добродѣтели; все еще не вижу, какимъ запасшись знаніемъ, на какую понадѣявшись силу, отважится онъ на такое начальство. Ибо править человѣкомъ, самымъ хитрымъ и измѣнчивымъ животнымъ, по моему мнѣнію, дѣйствительно есть искусство изъ искусствъ и наука изъ наукъ, въ чемъ всякій можетъ удостовѣриться, если врачеваніе души сравнитъ съ леченіемъ тѣлъ,—извѣдаетъ, сколько трудно послѣднее, и разберетъ, сколько паше врачеваніе еще труднѣе, а вмѣстѣ и предпочтительнѣе и по свойству врачуемаго, и по силѣ знанія, и по цѣли врачеванія“ [1]). Кромѣ врачеванія духовныхъ болѣзней, на пастырѣ Церкви лежитъ долгъ учительства, или, какъ выражается св. Григорій, раздаянія слова, что, по его указанію, составляетъ первую „нашу“ (пастырскую) обязанность. А чтобы быть учителемъ, для этого необходимо долгое предварительное ученіе. „Ежели другой кто (говоритъ онъ) приступаетъ къ сему дѣлу съ дерзновеніемъ и почитаетъ оное доступнымъ для всякаго ума, я дивлюсь многоумію (чтобы не сказать: малоумію) такого человѣка. Для меня кажется не простымъ и не малаго духа требующимъ дѣломъ—каждому *дати во время житомѣріе* (Лук. 12, 42) слова и съ разсужденіемъ вести домостроительство истинъ нашихъ догматовъ... Брать на себя трудъ учить другихъ, пока самъ еще не научился достаточно, и по пословицѣ на большомъ глиняномъ сосудѣ учиться дѣлать горшки, то есть надъ душами другихъ упражняться въ благочестіи, по моему мнѣнію, свойственно только людямъ, крайне неразумнымъ и дерзкимъ,—неблагоразумнымъ, если они не чувствуютъ своего невѣжества,—дерзкимъ, если, сознавая оное, отваживаются на дѣло“... Проникнутый сознаніемъ высокихъ требованій отъ пастыря Церкви, какъ учителя, онъ сильнымъ словомъ поражаетъ тѣхъ, которые возлагаютъ на себя пастырство, вовсе не помышляя объ этихъ требованіяхъ, и не мало

---

[1]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 26—7.

изумляется тому, что находятся люди, не считающіе нужнымъ предварительнаго ученія для предназначаемаго въ учители другихъ. „Мы такъ худо поступаемъ (замѣчаетъ онъ), что большая часть изъ насъ (чтобъ не сказать: всѣ) почти прежде, чѣмъ острижемъ у себя первые волосы и оставимъ дѣтскій лепетъ, прежде, нежели войдемъ во дворы Божіи, узнаемъ наименованіе священныхъ книгъ, научимся распознавать письмена и писателей Ветхаго и Новаго Завѣта..., если только затвердимъ два или три слова о благочестіи, и то по наслышкѣ, а не изъ книги, если хотя мало ознакомимся съ Давидомъ, если умѣемъ ловко надѣть плащъ, или до пояса походить на философа.... мы уже и мудры, и учители, и высоки въ божественномъ, первые изъ книжниковъ и законниковъ, сами себя посвящаемъ въ небесные, желаемъ *зватися отъ человѣкъ: учителю!* нимало не смотримъ на букву, все хотимъ разумѣть духовно (сколько грезъ! какое обширное поле пустословія!), и мы стали бы негодовать, еслибы насъ не очень хвалили. Таковы тѣ изъ насъ, которые еще скромнѣе и простѣе другихъ: каковы же болѣе духовные и благороднѣйшіе? Они, если заблагоразсудится имъ, подвергнувъ насъ многимъ осужденіямъ и испытаніямъ и поставивъ ни во что, удаляются отъ насъ съ презрѣніемъ даже къ сообществу съ нами, какъ съ людьми неблагочестивыми. Но если, обратясь къ кому изъ нихъ, спокойно и въ логическомъ порядкѣ спросимъ такъ: скажи мнѣ, дивный мужъ, ты почитаешь за что нибудь пляску и игру на свирѣли? Отвѣтятъ, можетъ быть: конечно, почитаемъ.— А также почитаешь за что нибудь мудрость и быть мудрымъ, то есть, какъ мы полагаемъ, имѣть вѣдѣніе о божественномъ и человѣческомъ?—И въ семъ уступятъ намъ.—Что же назовешь лучшимъ и высшимъ? Пляска ли и игра выше мудрости, или мудрость несравненно выше сихъ искусствъ? Очень знаю, они будутъ столько добросовѣстны, что даже скажутъ: мудрость выше и всѣхъ искусствъ.—Но для пляски и игры на свирѣли есть наука, и имъ учатся, и на то нужны время, непрерывные труды

и усилія, иногда надобно тратить деньги, пріискивать людей, которые бы объяснили науку, предпринимать дальнія путешествія, а также дѣлать и терпѣть все, чѣмъ пріобрѣтается опытность. А мудрость, которая все превосходитъ и заключаетъ въ себѣ всѣ блага... ужели почтемъ для себя столь легкимъ и не затруднительнымъ дѣломъ, что всякому стоитъ только захотѣть,—и будетъ мудрымъ? Большое невѣжество такъ думать.—Но если мы (или кто другой ученѣе и умнѣе насъ) начнемъ говорить съ ними такимъ образомъ, чтобы поелику разсѣять ихъ заблужденіе; то все сіе будетъ тоже, что и сѣять на камнѣ, или говорить въ уши глухому. Такъ мало въ нихъ мудрости даже на то, чтобы сознать свое невѣжество! И мнѣ кажется, прилично сказать о нихъ Соломоново слово: *есть лукавство, еже видѣхъ подъ солнцемъ, мужа непщевавша себе мудра быти* (Екил. 10, 5. Притч. 26, 2), и, что еще хуже, получившаго право учить другихъ, когда не чувствуетъ собственнаго невѣжества. Если какой недугъ, то сей именно достоинъ слезъ и рыданія“ [1]).

Но довольно. Изъ приведенныхъ нами выдержекъ изъ слова св. Григорія Назіанзина, полагаемъ, достаточно ясна мысль святаго отца, настаивающая на необходимости болѣе или менѣе долговременнаго и обстоятельнаго приготовленія къ священству. Желающіе видѣть болѣе подробное и доказательное развитіе его мысли могутъ обратиться къ самому его слову и изъ него убѣдиться въ той важной истинѣ, какую онъ защищаетъ.

Св. Григорій Назіанзинъ не единственный отецъ, такъ разсуждавшій о необходимости тщательнаго приготовленія къ священству людей, желающихъ взять на себя это званіе. Вы найдете подобныя замѣчанія въ словахъ св. Златоуста о священствѣ. Или раскрывайте „Правило пастырское“ или книгу „О пастырскомъ служеніи“ св. Григорія Двослова, папы римскаго, имѣвшую долгое время руководственное значеніе для пастырей Церкви всего

---

[1]) Твор. св. отцовъ въ русск. переводѣ. Т. I, стр. 36—48.

Запада, и нынѣ пользующуюся большимъ авторитетомъ не только въ западной, но и въ восточной Церкви. Первыя слова первой главы этой книги говорятъ о томъ, что безъ приготовленія никто да не дерзаетъ принимать на себя бремя пастырскаго служенія. „Никто (такъ начинаетъ свою книгу „О пастырскомъ служеніи“ св. Григорій Двоесловъ) въ мірѣ не берется учить другихъ какому либо искусству, не изучивъ его самъ напередъ съ самою тщательною подготовкою. Какъ же безразсудно поступаютъ тѣ, которые дерзаютъ принимать на себя пастырское служеніе, нисколько не приготовившись къ этому служенію, между тѣмъ какъ управленіе душами человѣческими есть искусство изъ искусствъ“!...

Нужно ли прибавлять что къ тѣмъ вѣскимъ доказательствамъ необходимости тщательнаго приготовленія къ священству, какія мы встрѣчаемъ у отцовъ, и въ частности у св. Григорія Богослова? У насъ въ обществѣ существуетъ фальшивое представленіе: въ священникѣ нынѣ хотятъ видѣть не болѣе, какъ простаго совершителя церковно богослужебныхъ требъ, какимъ можетъ быть человѣкъ и безъ особеннаго образованія. Но совершеніе богослуженія и церковныхъ требъ только одна сторона пастырскаго дѣла, далеко не обнимающая всей широты его обязанностей, хотя и для разумнаго совершенія требъ необходимо пониманіе таинъ вѣры, пріобрѣтаемое образованіемъ. Пастырь Церкви, по долгу своего званія, есть учитель народа, долженствующій ввести его въ познаніе вѣры и научить его всѣмъ тайнамъ благочестія. Онъ высшій руководитель ввѣренныхъ ему душъ на путяхъ спасенія. Ввѣряя ему пасеніе духовныхъ овецъ, Церковь ожидаетъ отъ него, что онъ съумѣетъ преподать имъ все полезное для нихъ и предохранить ихъ отъ такихъ путей, гдѣ они могутъ найти для себя погибель. Если же отъ его небреженія или отъ его неумѣлости загрязнетъ во тьмѣ невѣдѣнія и погибнетъ какая либо изъ нихъ, онъ будетъ отвѣчать за нее предъ Богомъ, и

кровь ея будетъ взыскана отъ руки его. Само собою понятно, что это служеніе учителя и руководителя людей ко спасенію одно изъ самыхъ высокихъ по цѣли, одно изъ самыхъ трудныхъ по свойству и назначенію занятій, съ нимъ соединенныхъ, требующее отъ приступающаго къ нему, для успѣха въ дѣлѣ, большаго, точнаго знанія, практическаго благоразумія и значительной опытности. У насъ въ обществѣ готовятся заблаговременно и часто довольно продолжительное время ко всѣмъ профессіямъ, ко всѣмъ разнообразнымъ отправленіямъ, какихъ требуетъ полнота гражданской жизни. Ужели же къ самому трудпѣйшему и самому высокому изъ нихъ, къ служенію высшаго учительства и руководительства людей ко спасенію, можно приступать прямо, безъ приготовленія, лишь бы захотѣть? Такъ думать значитъ показывать крайнее легкомысліе и вмѣстѣ съ тѣмъ пренебреженіе къ тѣмъ высокимъ обязанностямъ, какія налагаетъ на человѣка званіе пастыря Церкви, если не прямое не пониманіе ихъ.

Можно поступать въ сословіе пастырей Церкви въ зрѣлые годы, отъ другихъ должностей и занятій, и изъ таковыхъ людей, перемѣняющихъ какое либо мірское служеніе на служеніе Церкви, часто выходятъ усердпѣйшіе и вліятельнѣйшіе пастыри. Не оспариваемъ, что это вещь возможная; благодать можетъ избирать и уготовлять достойныхъ служителей Церкви среди разныхъ общественныхъ положеній. Но не можемъ не замѣтить, что по обыкновеннымъ человѣческимъ соображеніямъ подобныя явленія принадлежатъ къ разряду чрезвычайныхъ. Странно и трудно ожидать лучшихъ дѣятелей для церковнаго служенія изъ среды людей, готовившихся быть адвокатами, врачами, чиновниками, земледѣльцами или агрономами, купцами, военными и т. под., и начавшихъ уже избранную ими карьеру. Изъ такихъ будутъ избирать пастырское служеніе тѣ, которые испытаютъ неудачу на томъ поприщѣ, къ которому прежде стремились: не имѣя успѣха въ одномъ родѣ дѣятельности, къ которому они готовились, едва ли могутъ они обѣщать успѣхъ въ другомъ родѣ служенія, для

котораго, кромѣ желанія испробовать его, они ничего не принесли съ собою. Могутъ они усиленно заняться предметами, необходимыми для пастыря Церкви, въ зрѣлые годы, задумавъ перемѣнить избранный ими родъ служенія, или уже поступивъ въ священники. Но не легко наверстать и восполнить опущенное въ юности,—въ тѣ годы, когда люди запасаются знаніями, наиболѣе необходимыми и полезными для того рода жизни, какой они имѣютъ въ виду для себя. Не всѣ же могутъ съ успѣхомъ послѣдовать примѣру св. Амвросія Медіоланскаго и, подобно ему, въ относительно короткій срокъ покрыть тѣ пробѣлы знанія, какіе неизбѣжно окажутся у нихъ, если они перейдутъ къ пастырскому служенію отъ другихъ родовъ дѣятельности, прежде ими изученныхъ и извѣданныхъ.

II.

Лица, готовящіяся къ священству.

Если къ священству необходимо приготовленіе болѣе или менѣе продолжительное, начинаемое съ раннихъ лѣтъ, то кто же долженъ готовиться къ этому званію?

Вопросъ этотъ обращаетъ нашу мысль къ семействамъ. Здѣсь, въ семействахъ, растутъ и отсюда выходятъ общественные дѣятели для разныхъ сферъ и для всѣхъ служеній, существующихъ въ общественно-государственномъ организмѣ. Карьера человѣка намѣчивается обыкновенно въ годы юности,—въ годы воспитанія. Воля родителей большею частію предрасполагаетъ молодыхъ членовъ семейства къ избранію того или другаго рода будущей дѣятельности или будущаго служенія, и соотвѣтственно этому избранію, опредѣляемому волею родителей, дается дѣтямъ и вообще членамъ подростающихъ поколѣній такое или иное воспитаніе и образованіе. Начавъ образованіе, по указанію родителей, дѣти въ большинствѣ случаевъ подчиняются ихъ волѣ, указующей имъ соотвѣтственный родъ служенія, а иногда, съ достиженіемъ возраста, способнаго къ самостоятельнымъ сужденіямъ, подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ, съ развитіемъ въ нихъ извѣстныхъ расположеній и способностей, уклоняются отъ пути, указаннаго имъ родителями, и готовятся къ новому роду служенія, кажущемуся имъ болѣе согласнымъ съ ихъ настроеніемъ и способностями.

1. Побужденія къ избранію священническаго служенія.

Какого рода мотивами или побужденіями руководятся родители, когда предназначаютъ для своихъ дѣтей въ будущемъ служеніе пастыря Церкви,—или сами эти дѣти, приходящія въ возрастъ, когда склоняются къ избранію для себя этого рода служенія?

Первое побужденіе житейскаго или матеріальнаго свойства. Избираютъ родители для своихъ дѣтей или сами молодые люди для себя священническое служеніе потому, что оно доставляетъ вѣрный, хотя не роскошный, кусокъ хлѣба, что принявъ на себя это служеніе, человѣкъ всегда будетъ имѣть болѣе или менѣе достаточное обезпеченіе для себя и для своего семейства. Не высокой цѣны нравственное достоинство такого побужденія къ избранію священническаго званія. Священническое званіе—званіе духовное, возвышающееся надъ обыкновенными мірскими званіями, и занятія, съ нимъ соединенныя, имѣющія въ виду спасеніе братій, не должны бы быть разсматриваемы, какъ средства къ пріобрѣтенію внѣшнихъ, житейскихъ выгодъ. Неблаговидно, когда должность пастыря ставятъ на одной доскѣ съ занятіями по сельскому хозяйству, съ какими нибудь ремеслами и другими, болѣе или менѣе прибыльными, профессіями. Чувствуется при этомъ нѣкоторое униженіе и, такъ сказать, оземлененіе этого священнѣйшаго и духовнѣйшаго изъ званій, учрежденнаго божественнымъ Основателемъ Церкви. Нельзя говорить и утверждать, что выйдетъ дурной священникъ изъ такого человѣка, котораго родители предназначаютъ къ этому званію по житейскимъ разсчетамъ, или который самъ выберетъ для себя это служеніе, руководясь побужденіями матеріальнаго свойства. Но изъ уваженія къ званію священника нужно желать, чтобы люди руководились лучшими, высшими побужденіями для выбора этого званія.

Высказывая такое желаніе, мы затрудняемся выразить его въ формѣ обязательнаго требованія. При настоящихъ условіяхъ жизни, человѣку, думающему объ устроеніи своей будущности

или будущности своихъ дѣтей, трудно отрѣшиться своею мыслію отъ всякихъ видовъ на внѣшнія выгоды, съ какими соединено то или другое званіе, когда предлежитъ ему избрать занятіе на всю жизнь. Насъ назвали бы не практичными идеалистами, насъ могли бы упрекнуть въ излишнемъ увлеченіи и въ незнакомствѣ съ жизненнымъ опытомъ, еслибы, при мысли о замѣщеніи священническихъ вакансій, мы разсчитывали только на чистыя, апостольскія души, равнодушныя ко внѣшнимъ средствамъ жизни и матеріальнымъ выгодамъ. Такихъ людей гораздо меньше, чѣмъ сколько дѣятелей нужно Церкви для несенія пастырскаго долга. Скудное содержаніе, доставляемое священническимъ служеніемъ, способъ полученія доходовъ, практикуемый у насъ, тяжелый для нѣжныхъ и деликатныхъ натуръ, имѣютъ своимъ слѣдствіемъ то, что дѣти хорошихъ семействъ устраняются отъ священства, въ другихъ сферахъ ищутъ служенія себѣ и приготовляются къ такимъ профессіямъ, отъ которыхъ надѣются получить больше внѣшнихъ выгодъ и лучшее обезпеченіе для себя и семейства. Въ числѣ лицъ, изъ-за внѣшнихъ выгодъ устраняющихся отъ священства, могутъ быть люди талантливые, благопастроенные и весьма полезные для Церкви. Церковь, бѣдная имуществомъ и средствами, всегда бѣднѣе талантливыми людьми и энергическими дѣятелями, чѣмъ Церковь богатая, могущая доставить внѣшнія выгоды своимъ служителямъ. Это человѣческій взглядъ, но онъ имѣетъ свое право. И въ духовныхъ дѣлахъ нужно смотрѣть на вещи и людей, каковы они въ дѣйствительности, а не какими желаемъ мы видѣть ихъ съ идеалистической точки зрѣнія. Господь, скажутъ, взыщетъ людей, и недостатокъ таланта у людей, призываемыхъ къ служенію Церкви, замѣнится усердіемъ и восполнится благодатною силою. Господь, конечно, все можетъ сдѣлать, если то будетъ Ему угодно, и мы вѣруемъ, что Онъ всегда хранитъ и до конца будетъ хранить созданную Имъ Церковь, и всегда будетъ воздвигать въ ней и посылать ей благопотребныхъ дѣятелей. Но организованныя общества, въ своихъ заботахъ о

лучшемъ способѣ удовлетворенія своихъ существенныхъ потребностей, не могутъ успокоивать себя одною этою вѣрою: они не должны опускать изъ вида того, что необходимо по-человѣчески, чего требуетъ естественное соображеніе, чтобы привлечь къ Церкви и удержать при ней даровитыхъ и благонастроенныхъ людей, обѣщающихъ изъ себя вліятельныхъ и плодотворныхъ руководителей народа. Разсчеты на хорошее обезпеченіе въ жизни всегда будутъ въ числѣ самыхъ обычныхъ мотивовъ, склоняющихъ волю человѣка къ избранію для себя такого или иного рода служенія.

Другимъ побужденіямъ, располагающимъ людей къ принятію священства и заставляющимъ ихъ готовиться къ этому званію, служатъ семейныя преданія и привычки. Порядокъ жизни и занятій, унаслѣдованный тѣмъ или другимъ семействомъ отъ прежнихъ временъ, опредѣляющимъ образомъ дѣйствуетъ на настроеніе и волю молодыхъ, подростающихъ членовъ извѣстнаго семейства, и на глазахъ людей, живущихъ сложившимися семейными преданіями, стоитъ знакомая, проторенная дорога, на которую вступать и новымъ членамъ семействъ легче и сподручнѣе, чѣмъ на дорогу, старшими членами семействъ не извѣданную. Складъ мыслей и расположеній по отношенію къ тому или другому роду практической дѣятельности у подростающаго человѣка образуется прежде, чѣмъ онъ начнетъ давать отчетъ въ своемъ выборѣ. Вслѣдствіе опредѣляющаго дѣйствія семейныхъ преданій, люди военные располагаютъ своихъ дѣтей къ избранію военной карьеры; дѣти купцовъ большею частію готовятся продолжать занятія своихъ отцовъ; дѣти людей, живущихъ сельскимъ хозяйствомъ, обыкновенно имѣютъ въ виду для себя тѣ занятія, отъ какихъ получаютъ средства жизни, и въ какихъ имѣютъ опытность ихъ отцы и т. дал. Подобно тому и дѣти людей, служащихъ Церкви, скорѣе всего избираютъ для себя то служеніе, къ какому привыкли и какое несутъ ихъ отцы. Тѣмъ естественнѣе и удобнѣе для дѣтей духовенства это избраніе, что для нихъ всего доступнѣе школа, дающая образованіе, необходимое для служителей Церкви.

Многіе смотрятъ неблагопріятно на такой порядокъ вещей. Онъ создалъ, говорятъ, въ нашей Церкви левитизмъ,—замкнутое духовное сословіе, котораго не должно бы быть. Мѣста священниковъ должны принадлежать желающимъ послужить Церкви, изъ какого бы сословія они ни происходили, а не происходящимъ отъ духовныхъ родителей. Нашъ порядокъ, создавшій нѣчто, подобное іудейскому левитизму, противенъ-де, какъ замѣчаютъ иные, соборнымъ узаконеніямъ вселенской Церкви. Именно, противъ него выставляютъ 33-е правило шестаго Вселенскаго (Трулльскаго) собора. Правило это гласитъ такъ; *Понеже мы увѣдали, что въ армянской странѣ пріемлются въ клиръ токмо тѣ, кои суть изъ священническаго рода, въ чемъ іудейскимъ обычаямъ послѣдуютъ тако творити предпріемлющіи: нѣкоторые же изъ таковыхъ, и не получивъ церковнослужительскаго постриженія, поставляются священнопѣвцами и чтецами божественнаго храма: то полагаемъ, да не будетъ отнынѣ позволено желающимъ возвести нѣкоторыхъ въ клиръ, впредь взирати на родъ производимаго: но испытывая, достойны ли они, по изображеннымъ въ священныхъ правилахъ опредѣленіямъ, быть сопричисленными къ клиру, да производятъ ихъ въ служителей Церкви, хотя бы они происходили отъ посвященныхъ предковъ, хотя бы нѣтъ.*

Мы отнюдь не желаемъ, чтобы къ священному служенію готовились одни дѣти духовныхъ лицъ. Напротивъ намъ, какъ, вѣроятно, и всѣмъ, ревнующимъ о благѣ Церкви, было бы весьма пріятно, еслибы являлись на служеніе Церкви достойные дѣятели изъ другихъ сословій, еслибы дѣти не духовныхъ лицъ рѣшались посвящать свои силы трудамъ пастырства,—и чѣмъ больше будетъ такихъ, достойно приготовленныхъ къ священному служенію, лицъ, тѣмъ лучше. Но желая отворить двери въ церковную ограду дѣтямъ свѣтскихъ лицъ, желающимъ послужить Церкви, мы въ тоже самое время не хотѣли бы и считали бы не справедливымъ запирать ихъ для дѣтей духовенства. И мы весьма далеки отъ

того, чтобы осуждать тотъ обычай, по которому дѣти священниковъ предрасполагаются къ избранію служенія отцовъ своихъ и къ нему готовятся въ годы юности своей. Такой порядокъ вещей весьма естественъ, тѣмъ болѣе, что аналогичныя явленія ему мы находимъ и въ другихъ сферахъ или сословіяхъ. Естественно отцу—священнику, полагающему въ своемъ служеніи высокое дѣло Божіе, указать своему сыну лучшую карьеру въ жизни въ томъ званіи, какое онъ самъ носитъ, и къ какому относится съ почтеніемъ. (А какой достойный священникъ можетъ не чтить своего званія?). Естественно и сыну, съ дѣтства видящему отца въ деревнѣ уважаемымъ, съ благоговѣніемъ смотрящему на то, какъ его отецъ предъ престоломъ Божіимъ возноситъ за себя и другихъ молитвы къ Богу, естественно (говоримъ) и сыну привыкнуть къ мысли видѣть себя на мѣстѣ отца въ томъ положеніи, какое снискиваетъ ему уваженіе отъ другихъ, и готовиться къ тому служенію, какое несетъ его отецъ. И если поддерживается порядокъ вещей, располагающій дѣтей духовенства къ исканію служенія Церкви, это служитъ признакомъ, что въ духовенствѣ поддерживаются добрые, строгіе нравы, и что въ немъ цѣлъ и силенъ духъ благочестія, дающій дѣтямъ церковное воспитаніе. Когда въ недавнее время, вслѣдствіе облегченнаго доступа въ университетъ и другія свѣтскія учебныя заведенія воспитанникамъ духовныхъ семинарій до окончанія ими семинарскаго курса, замѣчено было бѣгство дѣтей духовенства цѣлыми массами отъ служенія Церкви, къ которому ихъ прежде болѣе всего располагали и приготовляли, благомыслящая часть нашего общества, не духовнаго только, но и свѣтскаго, не съ сочувствіемъ встрѣтила это явленіе; напротивъ она съ прискорбіемъ смотрѣла на него и готова была заключать изъ него, что въ духовенствѣ и въ дѣтяхъ духовенства, воспитывающихся въ семинаріи, оскудѣлъ духъ благочестія, прежде привязывавшій ихъ къ Церкви и заставлявшій ихъ высоко цѣнить званіе пастыря Церкви и дѣлать его предметомъ своихъ желаній. То правило Трулльскаго собора, которое

выставляютъ противъ такъ называемаго левитизма или наслѣдственной сословности духовенства, вовсе не направлено къ тому, чтобы стѣснять и затруднять дѣтямъ духовныхъ лицъ доступъ къ служенію Церкви. Оно только не велитъ взирать на родъ производимаго въ какую либо степень церковнаго клира, осуждаетъ то, что нѣкоторые изъ дѣтей духовныхъ лицъ поставляются священноцѣвцами и чтецами божественнаго храма, *не получивъ церковнослужительскаго пострижения*, а повелѣваетъ напередъ испытывать, достойны ли желающіе быть служителями Церкви тѣхъ степеней церковнаго клира, какихъ ищутъ, и если достойны, то производить ихъ,—производить одинаково какъ происходящихъ отъ посвященныхъ предковъ, такъ происходящихъ и отъ свѣтскихъ или мірскихъ родителей.

Никто не можетъ желать насильственнаго закрѣпощенія дѣтей лицъ, служащихъ Церкви, въ духовномъ сословіи или невольнаго обращенія ихъ къ тому служенію, какое несутъ ихъ отцы. И мы не одобряемъ, если молодой человѣкъ, происходящій отъ посвященныхъ предковъ, безъ особенной охоты, въ силу однихъ роковыхъ обстоятельствъ, поступаетъ въ священники,—поступаетъ просто потому, что нѣтъ для него другой дороги въ жизни. Нѣтъ, пусть не чувствующіе склонности или призванія къ духовному служенію не готовятся къ нему и не берутся за него; пусть они избираютъ для себя родъ жизни и дѣятельности, болѣе отвѣчающій ихъ расположеніямъ. Для такихъ открыты и должны быть открыты многіе другіе пути. Но если человѣкъ, происходящій отъ родителей духовнаго званія, по нравственнымъ побужденіямъ, по движенію духа благочестія и по уваженію къ высокому служенію пастыря Церкви располагается другими, напримѣръ, своими родителями, или самъ рѣшается избрать для себя это служеніе,—къ этому относиться можно только съ сочувствіемъ. Мы надѣемся, что эти нравственныя побужденія, склоняющія дѣтей духовенства къ избранію священническаго служенія, долгое время будутъ заявлять свое дѣйствіе въ семействахъ

лицъ, служащихъ Церкви, и полагаемъ, что въ будущемъ, не смотря на разныя перемѣны, какія могутъ случиться въ системѣ воспитанія и устройствѣ духовной школы, главный контингентъ кандидатовъ священства или самое большее число лицъ, готовящихся къ занятію священническихъ мѣстъ, будутъ доставлять семейства духовныхъ отцовъ. Нынѣ открыты двери семинарій, гдѣ приготовляются и воспитываются будущіе священники, для дѣтей всѣхъ сословій, равно какъ облегченъ доступъ и въ духовныя академіи свѣтскимъ лицамъ, прошедшимъ гимназическую школу. Между тѣмъ изъ другихъ сословій только немногія единицы рѣшаются поступать въ духовныя семинаріи, предназначенныя для приготовленія пастырей Церкви, и изъ этихъ немногихъ большая половина, по окончаніи семинарскаго курса, воспользовавшись правами, доставляемыми семинарскимъ образованіемъ, избираетъ для себя не священническое служеніе, а какое либо другое, или поступая въ свѣтское высшее заведеніе, или прямо ища службы въ свѣтскомъ вѣдомствѣ. А въ академіяхъ такъ мало лицъ съ гимназическимъ образованіемъ, что ихъ и считать нельзя, хотя имъ даются разныя льготы при пріемныхъ экзаменахъ въ академію; да и тѣ, какіе поступаютъ въ академію изъ гимназій, большею частію дѣти духовныхъ лицъ. Не у насъ только въ Россіи, но и на востокѣ, въ православной Церкви, и въ инославныхъ обществахъ на западѣ, гдѣ дозволяется брачная жизнь служителямъ религіи, ряды духовенства пополняются болѣе всего дѣтьми лицъ, служащихъ религіи, и такъ будетъ всегда. Въ протестантскихъ обществахъ случалось, что иногда цѣлое столѣтіе и даже болѣе, извѣстное пасторское мѣсто удерживалось въ одномъ родѣ, и въ этомъ не находили ничего дурнаго, а напротивъ цѣнили силу тѣхъ нравственныхъ связей, которыя неразрывно связывали представителей рода съ однимъ приходомъ. Отецъ приготовлялъ сына въ преемники себѣ на приходскомъ мѣстѣ, и сынъ, приготовившись къ служенію пастора, поступалъ не къ чужимъ, не знаемымъ людямъ, съ которыми еще ему нужно зна-

комиться, а къ своимъ, которыхъ онъ хорошо знаетъ, и которые его хорошо знаютъ. Довѣріе и уваженіе, какимъ пользовался въ приходѣ его отецъ, съ-разу переносится на его сына. И если нажиты какія либо добрыя преданія въ приходѣ, они скорѣе сохранятся при удержаніи мѣста за однимъ родомъ, чѣмъ при смѣнѣ одного лица другимъ, совершенно ему чуждымъ. Вообще чувствовалось пріятное вѣяніе добраго духа патріархальной семейственной любви и простоты въ отношеніяхъ, когда приходъ желалъ, чтобы нравственно-церковное руководство его не выходило изъ рукъ излюбленнаго имъ рода, и когда представители этого рода дорожили этою привязанностію къ нимъ своего прихода и не хотѣли устранять себя отъ того мѣста и служенія, къ которому влекло ихъ столько привязанностей и дорогихъ воспоминаній. Бывало такъ и у насъ, и нельзя не согласиться, что въ этомъ было немало добрыхъ сторонъ.

Самое достойное побужденіе къ избранію священническаго служенія нужно искать въ расположеніяхъ благочестивой, преданной Церкви, души, благоговѣющей предъ высокимъ званіемъ молитвенника и служителя Божія и видящей въ принятіи этого званія священное дѣло, наиболѣе приближающее человѣка къ Богу, или наиболѣе благоугодную жертву Господу. Самые благонадежные кандидаты священства—это тѣ, которыхъ родители предрасполагаютъ къ избранію духовнаго званія, или которые сами избираютъ его въ благочестивомъ чаяніи оказать тѣмъ угодное Богу, безъ особеннаго разсчета на какія либо внѣшнія выгоды, или которые рѣшаются посвящать себя на служеніе Церкви съ готовностію на самопожертвованіе, потому что въ этомъ служеніи они видятъ одно изъ самыхъ лучшихъ и высшихъ званій, доступныхъ для человѣка во время его земнаго поприща. Подобныя побужденія вполнѣ отвѣчаютъ достоинству того званія, какое берутъ на себя пастыри Церкви, и они сами по себѣ служатъ немалымъ ручательствомъ за то, что руководимый ими

постарается со всею тщательностію приготовиться къ тому служенію, которое онъ избираетъ изъ сердечнаго благоговѣнія предъ его высотою, и по принятіи его употребитъ всѣ свои заботы о томъ, чтобы приблизиться къ тому идеалу пастыря Церкви и служителя Божія, какой начертанъ въ Писаніи и какой носится въ богопросвѣщенномъ сознаніи благочестивыхъ людей. Только въ благочестивыхъ и богобоязненныхъ семействахъ можно встрѣчать проявленіе подобныхъ расположеній. Тамъ, гдѣ дѣйствуютъ и проявляются такія расположенія, тамъ, можно надѣяться, родители позаботятся дать доброе воспитаніе своимъ дѣтямъ, потребное будущимъ служителямъ Божіимъ, посѣять въ юныхъ душахъ сѣмена вѣры и благочестія, которыя, съ теченіемъ времени, подъ ихъ теплымъ руководствомъ и сердечною охраною возрастутъ, распустятся и принесутъ плоды, и утвердятъ въ нихъ такое христіанское настроеніе, какое сдѣлаетъ ихъ непреклонными и горячими борцами за дѣло вѣры и за спасеніе своихъ братій. О, еслибы больше было такихъ семействъ, изъ которыхъ Церковь могла бы воспринимать на служеніе себѣ людей по сердцу Божію, горящихъ желаніемъ посвятить свои силы на дѣло молитвы, на дѣло благодатнаго освященія и просвѣщенія ближнихъ! Мы не отрицаемъ, что есть такія семейства, но выходящихъ отъ нихъ благопотребныхъ дѣятелей, готовыхъ посвятить себя на служеніе Богу и Церкви, слишкомъ и слишкомъ мало въ сравненіи съ тѣмъ запросомъ, какой предъявляютъ нужды многомилліоннаго православнаго народонаселенія. Каждый благочестивый сынъ Церкви долженъ желать и содѣйствовать тому, чтобы въ ней выростали и умножались добрые и вѣрные рабы, съ дѣтства посвященные на служеніе Богу и съ дѣтства готовящіеся къ нему. Дѣти обѣтовъ и молитвъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія,—самые лучшіе и благоплодные служители Божіи. Таковы были въ Ветхомъ Завѣтѣ великій пророкъ Самуилъ, испрошенный своею матерію Анною отъ Бога, съ обѣщаніемъ посвятить его Богу на всю его жизнь, и во исполненіе обѣта воспитанный

при скиніи съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ. Таковъ былъ въ христіанской Церкви св. Григорій Богословъ. Мать его Нонна нѣкоторое время, по вступленіи въ супружество, не имѣла дѣтей. Подобно матери Самуила, она просила Бога разрѣшить ея неплодство и, въ случаѣ исполненія ея молитвы, дала обѣтъ Богу приготовить изъ дарованнаго ей сына служителя Церкви. И вотъ, когда исполнилось ея молитвенное желаніе и ей дарованъ былъ сынъ, она, окруживъ его своими попеченіями, постаралась напитать его тѣмъ духомъ благочестія, какимъ было полно ея сердце, и болѣе всего заботилась о томъ, чтобы изъ него вышелъ человѣкъ, преданный вѣрѣ и Церкви, могущій исполнить своею дѣятельностію тѣ обѣты, какіе носила она въ своемъ сердцѣ съ той поры, какъ почувствовала, что не напрасны были ея молитвы предъ Богомъ о дарованіи ей сына. И вотъ изъ ея сына, при его глубокомъ благочестіи, наслѣдованномъ отъ матери, и при его высокомъ образованіи, вышелъ одинъ изъ первыхъ богослововъ вселенской Церкви, великій святитель, чествуемый и прославляемый изъ рода въ родъ за свою святость и за свои безсмертные труды на пользу вѣры православной. Исторія Церкви указываетъ намъ одно чудное семейство, всѣ члены котораго прославились святостію, и изъ котораго вышли такіе великіе свѣтильники Церкви, какъ св. Василій Великій, св. Григорій Нисскій и св. Петръ Севастійскій. Строгіе благочестивые нравы господствовали въ этомъ семействѣ, и жилъ въ немъ крѣпкій духъ вѣры и благочестія, который приготовилъ и воспиталъ въ лицѣ нѣсколькихъ братьевъ славныхъ дѣятелей, съ великою ревностію и силою служившихъ на пользу вѣры и Церкви. Благочестивая и сильная духомъ бабка св. Василія Великаго до начала школьнаго образованія при себѣ держала старшихъ внуковъ—дѣтей своего сына, учила ихъ молиться, заставляла ихъ въ точности выполнять то, чего требуетъ долгъ христіанина и полагала въ ихъ воспріимчивыхъ сердцахъ твердыя, неизгладимыя начала вѣры и преданности Церкви и Богу. Когда ея не

стало,—по отношенію къ младшимъ братьямъ и сестрамъ св. Василія Великаго заботы о воспитаніи ихъ въ духѣ благочестія приняла на себя старшая сестра ихъ св. Макрина, одна изъ первыхъ дѣвственницъ христіанскихъ, устроившая общежитіе и прославившаяся святостію. И вотъ, благодаря этому семейному воспитанію, каждый членъ этого благочестиваго семейства, гдѣ ни являлся,—въ школѣ или въ жизни,—вездѣ отличался строгою добродѣтелію, и всѣ братья рѣшились посвятить свои силы на служеніе Церкви и явились избранными пастырями, подобныхъ которымъ немного представляетъ исторія.

2. Вопросъ о призваніи къ священству.

Въ ряду побужденій, влекущихъ человѣка къ избранію пастырскаго служенія, ставятъ обыкновенно внутреннее призваніе. Говорятъ часто въ обществѣ: „пусть тотъ только готовится къ принятію священническаго служенія, кто чувствуетъ внутреннее призваніе къ нему. А готовить къ священству людей не призванныхъ—дѣло напрасное, не обѣщающее добрыхъ плодовъ: или они откажутся отъ того служенія, къ которому готовятся, не чувствуя призванія, и такимъ образомъ даромъ пропадетъ трудъ приготовленія, или изъ нихъ, когда они примутъ это служеніе, выйдутъ не пастыри, а наемники“. О необходимости призванія къ священству считаютъ долгомъ говорить многія и изъ тѣхъ сочиненій, которыя излагаютъ болѣе или менѣе полное ученіе о пастырскомъ служеніи, напримѣръ: пастырское богословіе Антонія, впослѣдствіи архіепископа казанскаго [1]), и пастырское богословіе Бенгера [2]).

Призваніе къ священству—великое дѣло. И кто бы не желалъ, чтобы въ числѣ лицъ, готовящихся къ пастырскому служенію, были только званные отъ Бога или чувствующіе непре-

---

[1]) Pastoral theologie, Benger. 1861. Erstes Buch. §§ 5—30.

[2]) Кіевъ. 1851. Ч. I, § 44.

одолимое влеченіе къ избранію этого рода служенія? Но въ толкахъ объ этомъ призваніи много неопредѣленности, и трудно изъ этихъ толковъ вывести ясныя и твердыя правила для практическаго руководства въ жизни. Какъ скоро мы изъ области отвлеченныхъ представленій о призваніи къ священству переходимъ на практическую, житейскую почву, то встрѣчаемъ большія, почти непреодолимыя затрудненія къ тому, чтобы возвести эти представленія на степень закона, требующаго непремѣннаго приложенія къ жизни. Дѣло въ томъ, что чрезвычайныя призванія, съ непобѣдимою силою влекущія человѣка къ служенію, исполняемому пастырями Церкви, весьма рѣдки. Только въ особенныхъ случаяхъ и для цѣлей особенно важныхъ Богу угодно бываетъ чрезвычайнымъ образомъ открывать свою волю, призывающую того или другаго избранника къ принятію на себя указуемаго ему служенія, какъ это было напримѣръ при избраніи Самуила, пророка Іереміи или апостола Павла. Что касается обыкновеннаго призванія, какъ его разумѣютъ въ обыденномъ языкѣ, то это вещь не легко узнаваемая. Какъ увѣриться въ призваніи того или другаго лица къ священству людямъ постороннимъ, хотя и близко поставленнымъ къ этому лицу? Какъ увѣриться въ немъ самому призываемому, особенно въ годы юности, когда начинается приготовленіе молодаго человѣка къ тому или другому роду служенія? Признать ли свидѣтельствомъ призванія желаніе извѣстнаго лица принять священническое служеніе? Но простое желаніе само по себѣ еще не есть признакъ призванія: въ немъ могутъ совмѣщаться разнородные элементы,—представленіе удобствъ жизни, соединенныхъ съ священническимъ служеніемъ, спокойствія, чести, имъ доставляемыхъ; оно можетъ выростать изъ разсчетовъ тщеславія или матеріальнаго обезпеченія. Тѣмъ болѣе затруднительно придавать вѣсъ и большое значеніе этому желанію въ годы юношескаго броженія, когда желанія еще не успѣли отвердѣть и опредѣлиться и могутъ быть крайне неустойчивы и измѣнчивы. Гораздо больше основанія видѣть признакъ призванія къ священству въ

благочестивомъ настроеніи извѣстнаго юноши. Но и благочестивое настроеніе не можетъ служить непремѣннымъ признакомъ призванія къ священству того или другаго лица. Во-первыхъ трудно вѣрить его неизмѣнной твердости въ годы юности; во-вторыхъ искреннее, глубокое благочестіе сколько можетъ возбуждать въ человѣкѣ желаніе священства, столько же можетъ и отвлекать отъ него, представляя трудность и тяжелую отвѣтственность этого званія, какъ это мы видимъ на примѣрѣ св. Іоанна Златоуста, св. Григорія Богослова, св. Ефрема Сирина и другихъ, старавшихся уклониться отъ священства; въ-третьихъ настоящее благочестіе не любитъ выставлять себя на показъ, и людямъ, заправляющимъ волею юноши или власть имѣющимъ, нельзя руководиться разсчетами на благочестіе, которое можетъ быть кажущимся, при опредѣленіи того, кого считать призваннымъ къ священству, и кого не призваннымъ. А между тѣмъ благочестіе—наиболѣе подходящая и замѣтная черта, могущая свидѣтельствовать о томъ, что обыкновенно называютъ призваніемъ къ священству. И жаль, что на эту черту въ нашей практикѣ не обращаютъ подобающаго вниманія, когда судятъ о людяхъ, способныхъ быть достойными служителями Божіими. Обращаютъ вниманіе на теоретическія способности и знанія лицъ, предназначаемыхъ къ священству, а о ихъ благочестіи почти не спрашиваютъ,—отъ кандидатовъ священства требуютъ объективнаго, теоретическаго знанія религіи, а не субъективнаго воплощенія закона вѣры и жизни, и это отъ того, что благочестіе не можетъ быть предметомъ испытанія.

Системы пастырскаго богословія, когда говорятъ о призваніи къ священству, не указываютъ никакихъ признаковъ внутренняго призванія, какъ силы, опредѣляющей волю человѣка къ избранію священнаго сана. Преосвященный Антоній въ § о необходимости призванія къ священству выставляетъ положеніе, по которому „пастырь Церкви долженъ быть непремѣнно свыше призванъ и законно избранъ и посвященъ Церковію на сіе служеніе: и это

составляетъ необходимѣйшее условіе къ полученію священнаго сана“ [1]), Но вся суть его разсужденій и опредѣленій по этому предмету заключается во второмъ пунктѣ этого положенія и, минуя призваніе, какъ внутреннее дѣло, сводится къ рѣчи о внѣшнемъ призваніи, т. е. о законномъ посвященіи отъ архіерея, Правда, у него есть § (47) о „признакахъ призванія (къ священству) въ настоящее время“ [2]). Но эти признаки опредѣлены далеко не мѣтко, и въ рѣчи о нихъ смѣшано призваніе внѣшнее съ призваніемъ внутреннимъ. Этими признаками у него считаются: „а) происхожденіе изъ духовнаго званія, б) образованіе во всѣхъ наукахъ, преподаваемыхъ въ духовныхъ училищахъ, и надлежащее одобреніе въ способностяхъ, успѣхахъ и поведеніи, в) внутреннее расположеніе и любовь къ священству и г) воля мѣстнаго епископа, который окончательно испытываетъ кандидата священства, одобряетъ, и призваніе и избраніе запечатлѣваетъ торжественнымъ рукоположеніемъ“. Само собою понятно, что здѣсь не исчерпанъ и не уясненъ вопросъ о призваніи, какъ силѣ, располагающей человѣка готовиться къ священническому служенію и искать его. И если какой признакъ можетъ относиться къ указанію присутствія въ человѣкѣ этой силы, то развѣ третій, то есть внутреннее расположеніе и любовь къ священству. Но по нему одному нельзя судить о дѣйствительности призванія.

У Бенгера цѣлая книга о призваніи къ священству, но при всей длинпотѣ разсужденія объ этомъ предметѣ нѣтъ ясныхъ указаній признаковъ призванія, по которымъ бы самъ призванный или другіе могли увѣриться въ дѣйствительности призванія. Онъ говоритъ въ трактатѣ о призваніи о томъ, что рѣшеніе Божіе о призваніи къ духовному служенію 1) полезно для общаго блага Церкви, 2) полезно для частнаго человѣка, или для самаго призываемаго лица, 3) и не только спасительно, но и необхо-

---

[1]) Паст. богосл., ч. I, стр. 61—2.

[2]) Стр. 66—7.

димо, 4) о необходимости призванія учатъ отцы, и его легко узнать изъ высоты и трудности священническаго служенія, и 5) вступленіе въ духовное званіе безъ призванія опасно для этой жизни и для жизни вѣчной. Все это вѣрно. Но какъ открывается божественное призваніе? Какъ безошибочно узнать его? На это нѣтъ положительнаго, опредѣленнаго отвѣта, и вмѣсто уясненія внутренняго призванія все сводится къ слову о томъ внѣшнемъ призваніи, которое узаконено Церковію и которое состоитъ въ избраніи и рукоположеніи ищущаго священства чрезъ высшую епископскую власть Церкви.

Не для укоризны и порицанія мы указали на неопредѣленность разсужденій о призваніи къ священству въ системахъ пастырскаго богословія, заслуживающихъ всякаго уваженія, а въ подтвержденіе того, что призваніе къ священству, какъ внутреннее возбужденіе души,—вещь трудная и болѣе или менѣе сокровенная, не легко отличимая даже такими лицами, которыя нарочито думали о немъ и нарочито старались опредѣлить его признаки. Мы желаемъ, чтобы къ священству готовились и принимали священный санъ одни призванные къ тому. Но кто укажетъ намъ этихъ призванныхъ, и кто отличитъ ихъ отъ непризванныхъ? И гдѣ несомнѣнное свидѣтельство этого призванія для самаго человѣка, желающаго готовиться къ служенію священника? Тѣмъ труднѣе предназначать людей готовиться къ священству, что приготовленію естественно начинаться въ юные годы, когда у человѣка бродятъ разныя желанія, и онъ не можетъ дать яснаго отчета въ томъ, къ чему болѣе склонна его природа.

3. Нравственныя качества, желательныя въ кандидатѣ священства.

Но если нельзя точно и безошибочно узнавать призваніе человѣка къ священству въ юные годы, то нельзя совершенно отказаться отъ мысли— замѣчать въ томъ или другомъ юношѣ

годность и предрасположенность къ духовному служенію и соотвѣтственно тому направлять его волю. Родители и воспитатели юношества должны быть крайне внимательны къ настроенію и свойствамъ характера того или другаго лица, и если въ комъ либо замѣчаютъ склонности, не совсѣмъ гармонирующія съ строгимъ служеніемъ священника, ихъ долгъ не привлекать ихъ къ священству, а отклонять ихъ отъ него; а если они уже вступили на путь приготовленія къ служенію пастыря Церкви, для ихъ пользы и для пользы Церкви нужно заблаговременно указывать имъ, что они вступаютъ не на свою дорогу, что имъ лучше избрать другой родъ служенія и дѣятельности, болѣе соотвѣтственный ихъ характеру и склонностямъ. Такъ напримѣръ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ отклонять отъ священства тѣхъ юношей, у которыхъ замѣчается слишкомъ рѣзвый и вѣтренный характеръ, которые заявляютъ чувственный цинизмъ въ бесѣдѣ, любятъ разгулъ въ жизни и обнаруживаютъ предрасположеніе къ спиртнымъ напиткамъ, у которыхъ замѣтна склонность къ свѣтскимъ развлеченіямъ и увеселеніямъ, у которыхъ нѣтъ охоты и усердія къ молитвѣ, которые удаляются отъ богослуженія, не любятъ чтенія богословскихъ и религіозныхъ книгъ и т. под. У насъ часто въ семинаріяхъ, особенно въ прежнее время, принудительными и крутыми мѣрами старались дѣйствовать на преобразованіе характера юноши, поставляемаго на дорогѣ, ведущей къ священству, если замѣчали въ немъ склонности, не желательныя или мало терпимыя въ кандидатѣ священства, и не рѣдко доводили до конца курса людей, не предрасположенныхъ къ пастырскому служенію, и тѣмъ давали имъ право просить себѣ священническаго мѣста. Едва ли это согласно съ требованіями здравой педагогіи. Конечно, умный и внимательный воспитатель испробуетъ благія мѣры, предписываемыя ему его благоразуміемъ и любовію къ юношѣ, чтобы подавить въ немъ зачатки дурныхъ расположеній и навыковъ и образовать характеръ, достойный служителя Церкви. Но если эти мѣры не дѣйствуютъ, онъ посовѣтуетъ имъ

оставить мысль о священствѣ и готовиться къ другому поприщу жизни, на которомъ ихъ характеръ и расположенія не будутъ подавать повода къ соблазнамъ, и на которомъ они больше принесутъ пользы. Пусть люди съ такими расположеніями заявятъ отличныя теоретическія способности и по успѣхамъ будутъ считаться въ числѣ лучшихъ учениковъ; это не должно побуждать умнаго воспитателя насильно удерживать ихъ на томъ поприщѣ, для достойнаго прохожденія на которомъ требуется не одно теоретическое знаніе, не одинъ умственный талантъ, но и строгая нравственная выдержка. По свидѣтельству неоднократнаго опыта, когда выходили въ священники люди съ указанными свойствами,—они и сами тяготились тѣмъ званіемъ, какое на себя приняли, роптали на тѣ ограниченія, какія налагаетъ на нихъ это званіе, безъ усердія исполняли свои пастырскія обязанности, въ священное дѣло не влагали требуемаго теплаго, церковно-религіознаго духа, и въ жизни своей дозволяли себѣ вещи, унижающія санъ священника.

Къ приготовленію къ священству должны быть предрасполагаемы тѣ юноши, у которыхъ замѣчается строгій, степенный характеръ, избѣгающій всякой пошлости и вольности въ обращеніи, всякаго неприличія и цинизма въ бесѣдѣ и поведеніи,—которые выказываютъ благоговѣйное уваженіе ко всему священному и не позволяютъ себѣ отрицательно и критически относиться къ великимъ дѣламъ и подвигамъ, о которыхъ повѣствуютъ намъ церковныя сказанія и гражданскія лѣтописи,—которыхъ трогаютъ несчастія и страданія людей, и у которыхъ проявляется теплая любовь къ своимъ близкимъ и товарищамъ, готовая на всякія услуги и самопожертвованіе, и которые владѣютъ болѣе или менѣе стойкою и энергическою волею: въ юношѣ, правильно настроенномъ, эта энергія воли обнаруживается не въ своеволіи, которое есть признакъ слабости и нетвердости воли, а въ строгомъ соблюденіи дисциплины, въ неуклонномъ повиновеніи тому закону, который выставляется для него, какъ правило жизни,

Церковію ли, гражданскимъ ли обществомъ или предписаніями непосредственнаго начальства. Мы не говоримъ уже объ усердіи въ церкви, богослуженію и молитвѣ и о расположеніи къ занятію религіозными предметами, какъ первомъ необходимомъ признакѣ, обѣщающемъ благонадежнаго кандидата священства, на который нужно обращать особенное вниманіе при выборѣ людей, располагаемыхъ къ принятію священнаго сана. Это разумѣется само собою и предполагается самымъ существомъ дѣла. Но мы допустили бы преувеличеніе, еслибы стали требовать отъ юноши, только зачисляемаго въ кандидаты священства, исключительнаго сосредоточенія на религіозныхъ предметахъ и аскетическаго благочестія, пренебрегающаго всѣми житейскими интересами для угожденія Богу. Исключительное сосредоточеніе на религіозныхъ предметахъ—слѣдствіе высшей духовной зрѣлости, и оно не можетъ принадлежать годамъ развитія и воспитанія еще не сложившагося ума и характера: въ эти годы оно можетъ быть преждевременною и опасною односторонностію, которая не выдержитъ испытанія времени и давленія случайныхъ противодѣйствующихъ вліяній и легко можетъ исчезнуть или превратиться въ противоположную крайность, какъ показываетъ опытъ. Равнымъ образомъ и высшее благочестіе, въ Богѣ сосредоточивающее всѣ свои помыслы и думающее только о благоугожденіи Ему,—подвигъ избранныхъ и утвердившихся натуръ, выдержавшихъ болѣе или менѣе продолжительный искусъ. Въ молодые годы, годы воспитанія, пусть дѣйствуютъ и развиваются всѣ добрыя естественныя стремленія, и если среди разнообразія ихъ видное мѣсто занимаетъ религіозная потребность, которая побуждаетъ юношу охотно и свято исполнять то, что велитъ Церковь,—этого достаточно для того, чтобы съ болѣе или менѣе вѣрнымъ разсчетомъ держать юношу на пути, ведущемъ къ священству и сообщать ему образованіе, необходимое для пастыря Церкви.

4. Тѣлесные недостатки, препятствующіе принятію священства.

При выборѣ кандидатовъ священства нельзя совершенно опускать изъ вида и тѣлесныя качества избираемаго. Въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ священника требовалось нѣкоторое внѣшнее благообразіе, и къ служенію въ скиніи или къ исполненію священническихъ обязанностей не допускался тотъ изъ сыновъ Левіинихъ, который имѣлъ на тѣлѣ видимый тѣлесный порокъ. Въ книгѣ Левитъ мы читаемъ: *рече Господь къ Моисею, глаголя: рцы ко Аарону, глоголя: человѣкъ отъ рода твоего въ родѣхъ вашихъ, аще коему будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ приносити дары Бога своего. Всякъ человѣкъ, ему же аще будетъ на немъ порокъ, да не приступитъ: человѣкъ слѣпъ, или хромъ, или корносый, или ухорѣзанъ, или человѣкъ, ему же есть сокрушеніе руки, или сокрушеніе ноги, или горбатъ, или гноеточивъ очима, или вельмооченъ, или человѣкъ, на немже суть красты дивія, или лишаи, или единоятрный. Всякъ, ему же аще будетъ на немъ порокъ отъ сѣмене Аарона жерца, да не приступитъ принести жертвъ Богу твоему, зане порокъ на немъ: даровъ Божіихъ да не приступитъ приносити. Дары Бога своего святая святыхъ, и отъ святыхъ да снѣстъ. Обаче къ завѣсѣ да не приступитъ, и ко олтарю да не приближится, яко порокъ имать: и да не осквернитъ святилища Бога своего* (Лев. XXI, 16—23). Новый Завѣтъ снисходительнѣе смотритъ на тѣлесные недостатки, замѣчаемые въ томъ или другомъ человѣкѣ. По воззрѣніямъ новозавѣтной Церкви, тѣлесный порокъ или недостатокъ, не зависящій отъ воли человѣка, не можетъ считаться скверною, не допускающею человѣка до принятія священнаго сана. *Аще кто лишенъ ока, или въ ногахъ поврежденъ* (говоритъ 77-е апостольское правило), *но достоинъ быти епископъ: да будетъ. Ибо тѣлесный недостатокъ его не осквернятъ, но душевная скверна.* Тѣлесный порокъ или недостатокъ

церковными правилами тогда только поставляется въ числѣ условій, препятствующихъ къ достиженію священнаго сана, когда онъ мѣшаетъ или не даетъ возможности человѣку совершать, какъ слѣдуетъ, то или другое изъ дѣйствій, возлагаемыхъ на служителя Божія. Когда Церковь ограничиваетъ пріемъ людей съ тѣлесными недостатками въ составъ церковнаго священноначалія, она имѣетъ въ виду не внѣшнее благообразіе, а удобство или совершенство выполненія всѣхъ обязанностей и дѣйствій, возлагаемыхъ на священника. *Глухій же и слѣпый* (постановляетъ 78-е апостольское правило) *да не будетъ епископъ, не яко бы осквернѣнъ былъ, но да не будетъ препятствія въ дѣлѣхъ церковныхъ.* По смыслу этого правила, не можетъ быть допускаемъ къ священству человѣкъ, у котораго повреждены члены тѣла и органы чувствъ, необходимые для совершенія таинствъ и вообще богослужебныхъ дѣйствій. Не только слѣпой или глухой не долженъ быть включаемъ въ списокъ кандидатовъ священства, но и тотъ, у котораго повреждена правая рука и нѣтъ хотя одного изъ пальцевъ, слагаемыхъ для преподаванія обыкновеннаго священническаго благословенія, а также и тотъ, у котораго запкающійся или слишкомъ картавый языкъ, не могущій внятно произносить слова, какія влагаетъ въ уста священника Церковь при богослуженіи, и какія могъ бы внушить ему долгъ пастыря—учителя. Нельзя допускать къ священническому служенію человѣка, одержимаго падучею болѣзнію: хронической припадокъ этой болѣзни можетъ случиться во время совершенія литургіи или другаго таинства, и тогда невольно нарушается чинъ таинства; застигнутый внезапно болѣзненнымъ припадкомъ можетъ выбросить изъ рукъ св. чашу и разлить св. дары, и этимъ будетъ оскорблена святыня, предъ которою съ благоговѣніемъ преклоняется всякій вѣрующій. Бываютъ люди (хотя такихъ не много), которые не могутъ выносить куренія ладана, и у которыхъ кружится голова отъ ѳиміама кадильнаго, особенно при обильномъ его употребленіи; бываютъ и такіе, которымъ не пріятенъ и противенъ вкусъ виноградпаго вина. Эти

недостатки сами по себѣ не значительны; но отъ нихъ можетъ быть препятствіе въ служеніи для того, въ комъ они замѣчаются. Потому имѣющему ихъ не слѣдуетъ искать священства. Мы не имѣемъ въ виду со всею полнотою и точностію перечислять всѣ тѣлесные недостатки, могущіе служить препятствіемъ къ достиженію священническаго служенія. Но мы считали неизлишнимъ нѣсколькими примѣрами разъяснить то начало, какимъ руководится Церковь, когда предписываетъ обращать вниманіе и на тѣлесную сторону предъизбираемаго въ священники.

Желательно въ кандидатѣ священства болѣе или менѣе удовлетворительное здоровье, которое бы дѣлало для него возможною напряженную работу и давало ему возможность выдерживать продолжительныя бдѣнія, часто требуемыя тѣмъ служеніемъ, къ которому онъ готовится. Но слабое тѣлосложеніе не можетъ быть препятствіемъ къ достиженію священнаго сана: слабое тѣлосложеніе можно укрѣпить, и его можетъ замѣнить, какъ часто и замѣняетъ, духовная энергія.

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА

III.

Образованіе кандидатовъ священническаго служенія.

Каково должно быть воспитаніе и образованіе людей, предназначаемыхъ къ служенію Церкви въ званіи пастырей? При настоящемъ порядкѣ вещей, повидимому, нѣтъ нужды предлагать такой вопросъ. Онъ рѣшенъ уже жизнію. У насъ, для приготовленія и образованія священниковъ, существуетъ духовная школа съ утвержденною программою наукъ и съ извѣстными педагогическими правилами. Въ этой школѣ, созданной исторіею и церковною властію, указанъ надежный путь, которымъ должны пройти кандидаты священства, чтобы запастись знаніями, необходимыми и полезными для священника.

Но духовная школа, нынѣ существующая, не есть учрежденіе вѣковѣчное, и не можетъ считаться такимъ средствомъ приготовленія и образованія кандидатовъ священства, которое бы не возбуждало никакихъ возраженій, и лучше котораго нельзя было бы ничего и представить. Въ древней Церкви не было школы спеціально-духовной; а между тѣмъ на служеніе Церкви выступали и избирались люди, владѣвшіе широкимъ образованіемъ, и въ частности хорошо ознакомленные со всѣмъ, относящимся къ существу вѣры Христовой и къ кругу обязанностей пастырскихъ. Нынѣшняя духовная школа существуетъ уже издавна; но отъ вліянія времени и обстоятельствъ мѣняется программа наукъ, въ ней преподаваемыхъ, мѣняются и порядки, въ ней заведенные.

И въ то время, когда къ духовной школѣ прилагаютъ наиболѣе заботъ, и тратятъ на нее наиболѣе средствъ, весьма нерѣдко слышатся нареканія на нее, нареканія въ томъ, что она не достигаетъ своей цѣли, что выходящіе изъ нея дѣятели, послѣ долгаго ученія, на практическомъ поприщѣ пастырскаго служенія оказываются часто хуже людей, не проходившихъ школьнаго курса, но обильныхъ духомъ вѣры и благочестія и усердіемъ къ Церкви. Притомъ не одинакова постановка духовной школы въ существующихъ нынѣ христіанскихъ государствахъ: наша школа, готовящая пастырей Церкви, не такова, какова школа въ обществахъ римско-католическихъ, а школа римско-католическая въ свою очередь отличается отъ школы въ обществахъ протестантскихъ. Значитъ, и при существованіи утвердившейся духовной школы, весьма возможно и умѣстно сужденіе о способахъ и размѣрѣ образованія, какое получаютъ и должны получать кандидаты священства, и вмѣстѣ съ тѣмъ о цѣлесообразности духовной школы въ нынѣшнемъ ея устройствѣ и о возможно лучшей постановкѣ института, приготовляющаго пастырей Церкви.

1. Необходимость спеціальной школы для образованія кандидатовъ священства.

Странно было бы возражать противъ необходимости и цѣлесообразности устройства особой школы, имѣющей своимъ назначеніемъ воспитывать и приготовлять достойныхъ пастырей для Церкви, и только люди эксцентрическаго образа мыслей рѣшаются высказывать смѣлыя мысли противъ устройства нарочитыхъ духовныхъ школъ. Опытъ жизни привелъ Церковь къ удовлетворенію своей насущной потребности путемъ устроенія нарочитыхъ школъ для кандидатовъ священства. Общее образованіе, какъ бы оно ни было широко, не можетъ быть достаточнымъ для приготовленія кандидатовъ священства, вооруженныхъ всѣмъ запасомъ необходимаго для нихъ знанія. Есть свой удѣльный предметъ, и предметъ

широкій и въ высшей степени важный, точное и полное знаніе котораго совершенно необходимо пастырю, учителю и руководителю душъ. Есть искусство, и искусство самое трудное, которымъ долженъ научиться владѣть священникъ, если хочетъ быть достойнымъ своего званія. Предметъ этотъ богословіе или то ученіе о Богѣ и Его святомъ законѣ, которое пастырь Церкви обязанъ преподать душамъ, ввѣреннымъ его пастырскому попеченію. Это искусство—искусство умѣть управлять душами человѣческими, успѣшно вести ихъ по пути спасенія и изъ сыновъ грѣха дѣлать чадами благодати. Школа, назначенная для общаго образованія, не можетъ посвящать много времени тому предмету, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе человѣка, имѣющаго въ виду для себя въ будущемъ званіе пастыря Церкви; и знаніе богословія у человѣка, прошедшаго курсъ общей школы, хотя бы и до самыхъ высшихъ ея степеней, не можетъ отличаться полнотою и точностію, и человѣку одного общаго образованія на постѣ руководителя и учителя душъ трудно дать отвѣтъ всякому, вопрошающему словесе о нашемъ упованіи. Въ тоже время было бы большою смѣлостію и самонадѣянностію со стороны человѣка браться за труднѣйшее изъ занятій, возлагаемое на пастыря душъ, безъ уроковъ опытности, которыхъ можно искать только въ духовной спеціальной, а не общей школѣ. И Церкви, возлагающей обязанность руководить пасомыхъ на священника, естественно заботиться о томъ, чтобы въ учрежденіяхъ, ею содержимыхъ, онъ нашелъ всѣ нужныя средства, могущія облегчить для него дѣло его служенія. Кромѣ того, что у общей школы есть своя задача, отличная отъ задачи школы духовной,—самый духъ ея можетъ не благопріятствовать воспитанію пастырей Церкви. Въ ней могутъ быть допускаемы вольности мысли и вольности нравовъ, не предосудительныя съ свѣтской точки зрѣнія, но не желательныя и не терпимыя съ строгой церковной точки зрѣнія. Можетъ ослабѣть и даже совсѣмъ изсякнуть духъ благочестія въ человѣкѣ, предназначающемъ себя къ священническому званію, когда онъ въ годы воспитанія будетъ

вращаться въ средѣ, руководимой началами, далекими отъ церковнаго духа; можно нажить равнодушіе къ званію, предъизбранному человѣкомъ, и пожалуй совершенно потерять уваженіе къ нему и охоту стремиться къ нему, когда кругомъ себя онъ будетъ слышать презрительные отзывы о немъ и насмѣшки надъ тѣмъ, къ чему онъ привыкъ относиться съ благоговѣніемъ; наконецъ, самой вѣрѣ угрожаетъ нападеніе науки, когда эти науки въ своихъ опредѣленіяхъ больше слѣдуютъ стихіямъ міра, чѣмъ Христу и Его слову. Правда, знаменитые отцы IV вѣка, какъ напримѣръ св. Василій Великій, св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ, и въ языческихъ школахъ не теряли духа вѣры и благочестія, и по выходѣ изъ нихъ выходили великими борцами за слово истины и образцовыми пастырями Церкви. Но эти отцы были избранными изъ людей: ихъ примѣръ не можетъ быть закономъ для всѣхъ; что безопасно было для нихъ при силѣ ихъ духа и таланта, то едва ли будетъ такимъ для людей обыкновеннаго уровня, на какихъ нужно разсчитывать при сужденіи объ устроеніи порядка жизни.

2. Съ какого времени духовная школа можетъ и должна начинать дѣло спеціальнаго приготовленія кандидатовъ священства?

Если для образованія священниковъ необходима особая спеціальная школа, то должна ли эта школа начинать дѣло образованія съ первоначальныхъ элементарныхъ основъ его и потомъ особнымъ путемъ вести его далѣе, отдѣляясь отъ общей гуманной школы? Или она можетъ брать къ себѣ юношей, уже прошедшихъ болѣе или менѣе значительный курсъ общей школы?

Намъ кажется, нѣтъ нужды и достаточныхъ основаній расширять и удлинять спеціальную духовную школу и вести въ

ней особымъ путемъ дѣло образованія отъ первыхъ, такъ сказать, азовъ до послѣднихъ высотъ его. Духовная спеціальная школа не только не должна включать въ себя низшую элементарную школу, но можетъ устраниться отъ доброй половины той заботы, какая составляетъ задачу общеобразовательной гуманной школы. Начальное образованіе будущіе кандидаты священства могутъ получить въ общихъ школахъ. Въ первые годы образованія,—годы отрочества,—когда еще не успѣли опредѣлиться характеры и настроенія начинающихъ развиваться душъ, преждевременно замыкать человѣка въ тѣсный кругъ, пріурочивающій его къ извѣстному спеціальному служенію. Еще не извѣстно, какія расположенія откроются въ молодой душѣ, и куда сконится ея желаніе. Можетъ попапрасну пропасть трудъ, слишкомъ рано предпринимаемый для приготовленія человѣка къ священству, когда съ образованіемъ характера и съ укрѣпленіемъ въ немъ самопредѣляющей воли онъ рѣшительно не будетъ чувствовать склонности къ тому служенію, для коего начали его воспитывать. Или онъ уйдетъ съ той дороги, на которую его поставили, или, если останется на ней по стеченію обстоятельствъ и недостатку рѣшительности, изъ него не выйдетъ преданнаго своему дѣлу полезнаго дѣятеля. Строгая педагогія, при настойчивости и заботливости о дѣтяхъ, можетъ привить къ ихъ душамъ извѣстныя желанныя расположенія, или возбудить и раздуть дремлющія въ нихъ стремленія. Но не всегда кончается благопріятными слѣдствіями это настойчивое склоненіе человѣка въ извѣстную сторону. Природу нельзя слишкомъ насиловать; при энергіи въ душѣ, она можетъ дать отпоръ насильственнымъ на нее воздѣйствіямъ. Бывали примѣры, въ особенности въ обществахъ римско-католическихъ, гдѣ съ малыхъ лѣтъ часто отрываютъ отъ семейства мальчика, готовимаго въ служители церкви, что юную душу съ первыхъ поръ развитія ея сознанія усиленно старались напитать духомъ благочестія и направить на путь строгаго аскетизма,—занимали ее сказаніями о святыхъ подвижникахъ и

возбуждали подражаніе имъ, пріучали ее къ долгимъ бдѣніямъ и налагали на нее аскетическія упражненія, которыя могутъ выносить только люди зрѣлые, удаляли отъ всѣхъ, даже невинныхъ, развлеченій. Казалось, изъ лицъ, такъ воспитываемыхъ, долженъ бы выдти строгій монахъ и ревнивый до фанатизма служитель церкви. Но далеко не всегда такъ бываетъ. Часто душа, преждевременно односторонне воспитываемая и подвергаемая насильственнымъ ограниченіямъ, впослѣдствіи оказываетъ реакцію или бурное противодѣйствіе тому давленію, которой ее подвергали, и изъ того человѣка, котораго слишкомъ рано начали приготовлять въ подвижники, и въ которомъ преждевременно возбуждали духъ ревности, выходилъ нечестивый вольнодумецъ и дерзкій отрицатель основныхъ истинъ религіи и христіанства. Шмидтъ [1]) приводитъ въ примѣръ ненадежности и непрактичности односторонняго воспитанія, слишкомъ рано начинаемаго, нѣкоего Игнатія Фесслера, который съ четырехъ лѣтъ началъ носить одежду іезуита, слушалъ житія святыхъ и въ своемъ поведеніи долженъ былъ подражать аскетамъ: его ревность ко благочестію доведена была до фанатизма, но природа не выдержала преждевременнаго напряженія въ одномъ исключительномъ направленіи, и Фесслеръ не только не остался вѣрнымъ монашеству, но и бросилъ католичество и сдѣлался протестантомъ и даже франкмасономъ. Самъ Вольтеръ былъ воспитанникъ духовной римско-католической школы, и его невѣріе, его нападки на христіанство были усиленною реакціею его разнузданной души тому насилію или тому не сродному ей напряженію, какому подвергали ее въ годы воспитанія. И Вольтеръ представляетъ далеко не единственный примѣръ въ этомъ родѣ.

Начальная школа для дѣтей младшаго возраста, въ размѣрахъ курса прогимназій или нашихъ низшихъ духовныхъ учи-

---

[1]) Schule der Erziehung in biographischen Umrissen, Berlin, 1846 S. 170.

лищъ, могла бы и должна бы быть общею для всѣхъ безъ различія, независимо отъ того, къ чему каждый изъ нихъ впослѣдствіи будетъ готовиться. И Церковъ напрасно бы обременяла себя заботами объ устроеніи низшихъ училищъ. Первые элементы образованія для всѣхъ одинаковы и для всѣхъ равно обязательны. У насъ нѣтъ и, надѣемся, никогда не будетъ такихъ антирелигіозныхъ стремленій, какими воодушевляется нынѣшнее французское правительство, усиливающее изгнать религію изъ школы и устрояющее ланическую, какъ говорятъ, или часто свѣтскую, безрелигіозную школу. Въ начальной школѣ, къ какому бы разряду она ни принадлежала, должно быть все, что соблюдается и должно соблюдаться въ каждомъ благочестивомъ семействѣ. По требованію здравой педагогіи, религіи должно быть отведено въ ней широкое мѣсто, и духъ вѣры долженъ заправлять всѣмъ строемъ школы. Законъ Божій долженъ быть поставленъ въ ряду самыхъ важныхъ предметовъ преподаванія, и отъ учениковъ должно требоваться усердное посѣщеніе богослуженія въ воскресные и праздничные дни, участіе въ домашней молитвѣ, соблюденіе другихъ церковныхъ уставовъ. Дисциплина должна отличаться духомъ любви, но вмѣстѣ и строгости, чуждой послабленій. Грубыя шалости и выходки ребяческаго своеволія, конечно, будетъ преслѣдовать всякій начальникъ или надзиратель школы, хотя бы она состояла изъ дѣтей лицъ свѣтскихъ, изъ коихъ ни одинъ впослѣдствіи не предназначитъ себя къ духовному званію. Пока соблюдаются строгіе порядки въ начальной школѣ, и она не отдѣлитъ себя отъ законнаго вліянія Церкви, могутъ смѣло и безопасно получать въ ней первоначальное образованіе юноши, имѣющіе впослѣдствіи выступить служителями религіи. Не принимая на себя излишняго бремени завѣдыванія низшими школами въ видахъ приготовленія священниковъ, Церковь можетъ только заботиться, чтобы не оскудѣвалъ добрый христіанскій духъ въ общей начальной школѣ, и законными мѣрами нравственнаго влія-

нія поддерживать въ ней то доброе направленіе, какое желательно для блага общества.

Наши порядки и преданія не благопріятствуютъ мысли о сліяніи начальной школы, — духовной и свѣтской, — въ одну общую школу. У насъ издавна существуетъ самостоятельная духовная школа, совершенно отдѣльная отъ свѣтской, не только средняя и высшая, но и низшая въ видѣ такъ называемыхъ духовныхъ училищъ. Въ этихъ училищахъ особая программа преподаванія, отличная отъ программы преподаванія въ другихъ параллельныхъ свѣтскихъ училищахъ, и эти училища на практикѣ являются у насъ приготовительными школами, которыя проходятъ люди, поступающіе, по выходѣ изъ нихъ, въ семинарію. Но въ существѣ дѣла у нашихъ низшихъ духовныхъ училищахъ нѣтъ прямой задачи готовить людей къ пастырскому служенію, и по мысли, лежащей въ ихъ основаніи, они не спеціально - духовныя или богословскія школы, а общеобразовательныя. Ихъ задача дать и положить начало общаго образованія, и при выполненіи этой задачи немного примѣненія къ спеціальной цѣли, преслѣдуемой школою духовною. Собственно говоря, наши духовныя училища не школы для воспитанія и образованія будущихъ священниковъ, а скорѣе общеобразовательныя школы для воспитанія дѣтей духовенства. Устроеніемъ и содержаніемъ ихъ преслѣдуется первѣе всего цѣль благотворительная, имѣющая въ виду оказать вспомоществованіе духовенству въ трудномъ дѣлѣ воспитанія его дѣтей. По духу школы и по обычаю, въ ней утвердившемуся, ученики ея, получая въ ней образованіе, этимъ образованіемъ могутъ быть приготовляемы къ разнымъ профессіямъ, и это образованіе сколько можетъ быть пригодно для священника, столько же пожалуй годно и для человѣка, имѣющаго избрать для себя какую либо свѣтскую карьеру. И мы видимъ, что изъ нашихъ духовныхъ училищъ не десятки, а цѣлыя сотни оставляютъ съ теченіемъ времени служеніе Церкви для того, чтобы искать себѣ счастія и находить приложеніе своимъ знаніямъ и способностямъ

на другихъ поприщахъ, — въ мірѣ чиновномъ, юридическомъ, врачебномъ или ученомъ. Значитъ, сліяніе ихъ съ общими школами могло бы быть произведено безъ особенныхъ затрудненій. Стоитъ только объединить ихъ программу, и всѣ духовныя училища обратить въ прогимназіи. Они при этомъ могли бы не утрачивать своего особаго существованія и своего особаго управленія. Содержась на средства духовенства, они могли бы быть въ полномъ его завѣдываніи. Только они перестали бы быть тѣмъ, чѣмъ не могутъ, хотя, повидимому, и стараются быть,— школами, приготовляющими кандидатовъ священства, а были бы просто образовательными школами, въ которыхъ можно бы было получить твердыя начала образованія, необходимыя для всякаго человѣка, имѣющаго въ виду какую либо высшую либеральную профессію.

3. Причины, требующія выдѣленія духовной школы отъ свѣтской для юношей, избирающихъ для себя въ будущемъ служеніе Церкви.

Если для начальнаго образованія, для дѣтей младшаго возраста могло бы не быть особыхъ духовныхъ школъ, которыя бы уже отъ первыхъ азовъ приготовляли мальчика къ священническому служенію, то совершенно другія отношенія возникаютъ, когда рѣчь идетъ объ образованіи среднемъ, объ образованіи лицъ, выходящихъ изъ отроческаго возраста и вступающихъ въ періодъ юности. Съ возрастомъ больше предѣляются способности, расположенія и настроенія людей; съ возрастомъ лучше и безошибочнѣе можетъ быть намѣчена будущая карьера учащагося, или имъ самимъ или его родителями и воспитателями. И вотъ для тѣхъ людей или юношей, у которыхъ болѣе или менѣе опредѣляется характеръ, и которые, при нѣкоторой долѣ самоопредѣленія, предназначаютъ себя въ будущемъ къ духовному званію, и этимъ предъизбраніемъ выдѣляютъ себя изъ общей

массы учащихся, непремѣнно должна быть своя отдѣльная школа, имѣющая своимъ назначеніемъ приготовленіе и образованіе будущихъ священниковъ. Эта школа принимаетъ къ себѣ лицъ, уже намѣтившихъ себѣ въ будущемъ священническое служеніе, и она ведетъ дѣло ихъ образованія примѣнительно къ той цѣли, какая поставлена у нихъ предъ глазами. Она сообщаетъ имъ въ возможной полнотѣ и подробности все то, что необходимо знать священнику для достойнаго и плодотворнаго выполненія своего служенія. Она пріучаетъ ихъ къ той практической дѣятельности, какая требуется отъ служителя Церкви. Общая гуманная школа, какъ бы представители ея ни уважали религіи, не можетъ брать на себя этой задачи, и если только въ ней одной будетъ учиться будущій священникъ, у него будутъ существенные пробѣлы въ самомъ необходимомъ для него знаніи, и онъ, собственно говоря, нисколько не будетъ приготовленъ къ своему служенію. Сообщая подробныя свѣдѣнія по богословію, уча всему относящемуся къ церковности. спеціальная духовная школа не можетъ оставлять безъ вниманія и общаго гуманнаго образованія. Ея воспитанники, вступающіе въ нее съ достаточнымъ запасомъ первоначальныхъ гуманныхъ знаній, должны вести далѣе начатое дѣло образованія. Священникъ не долженъ быть только церковнымъ начетчикомъ или односторонним богословомъ. Для успѣха въ его дѣлѣ, для поддержанія его авторитета, отъ него требуется широкое и твердое общее образованіе, и все, что способствуетъ развитію и укрѣпленію мысли, что входитъ въ кругъ общаго образованія, не должно быть опускаемо безъ вниманія спеціальною духовною школою. Общеобразовательный курсъ въ ней долженъ быть проходимъ съ возможною полнотою и тщательностію. Но преслѣдуя свою удѣльную задачу, духовная школа самому общеобразовательному курсу постарается дать направленіе, наиболѣе гармонирующее съ духомъ, какимъ она одушевлена, и съ цѣлію, ею преслѣдуемою. Знакомя напримѣръ съ классическими языками и съ классическою литературою, она будетъ читать не однихъ язы-

ческихъ авторовъ, — греческихъ и латинскихъ, — но и отцовъ восточной и западной церкви. Изучая всеобщую и русскую гражданскую исторію, она, слѣдя развитіе человѣческихъ естественныхъ силъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ стараться указывать въ теченіи событій жизни народовъ явные слѣды божественнаго промышленія о людяхъ. Гдѣ въ изученіи законовъ природы ученые останавливаются на однихъ вторыхъ причинахъ, тамъ она будетъ возводить мысль наблюдателя естественныхъ явленій къ причинѣ первой, безъ которой вторыя причины не могли бы оказывать свое дѣйствіе и поддерживать удивительный строй вселенной, нами созерцаемой.

Не одна особенность задачи, не одна необходимость теоретическая заставляетъ Церковь заботиться объ устроеніи особыхъ школъ для приготовленія священниковъ. Вмѣстѣ съ теоретическими побужденіями здѣсь имѣютъ значеніе и побужденія нравственныя. Церковь не можетъ довольствоваться одними общеобразовательными школами не потому только, что общеобразовательная школа не можетъ сообщить полныхъ свѣдѣній по спеціальному предмету, составляющему предметъ первой необходимости для священника, но и потому, что она не можетъ надѣяться сохранить во всей чистотѣ и неприкосновенности въ кандидатахъ священства то чистое церковное направленіе, какое она желаетъ воспитать въ нихъ, если они до конца останутся въ общей школѣ, среди людей разныхъ направленій. Съ развитіемъ характеровъ, съ утвержденіемъ большей самостоятельности въ юношахъ могутъ быть замѣчаемы вольность мысли, вольность и распущенность слова, пожалуй вольность поведенія. Отъ этой вольности необходимо предохранить юношей, предназначаемыхъ къ священнѣйшему изъ служеній, именно пастырскому. Но это сдѣлать трудно, когда ежедневно дѣлятъ время и дѣлятся мыслями и чувствами юноши разныхъ предрасположеній, собранные въ одно мѣсто. Эта вольность можетъ быть и не предосудительна съ свѣтской точки зрѣнія. Но для людей, предъизбравшихъ жребіемъ своимъ служеніе

Церкви, она не можетъ быть безопасна. Вотъ одни изъ юношей увлекаются общественными зрѣлищами и увеселеніями; другіе уклоняются отъ посѣщенія Церкви; третьи любятъ нескромные, нѣсколько цинические разговоры и ищутъ веселаго общества; четвертые позволяютъ себѣ острить на счетъ тѣхъ предметовъ, предъ которыми съ благоговѣніемъ преклоняется благочестивая душа. Зараза невольно сообщиться можетъ и юношамъ, готовящимся къ священническому служенію, если они будутъ поставлены въ необходимость дѣлить жизнь и общество вмѣстѣ съ юношами разнообразныхъ направленій, смотрящими не въ ту сторону, куда они направляются. Невинное въ другихъ явится предосудительнымъ и вреднымъ для нихъ. Пожалуй, малое дѣйствіе произведутъ на нихъ тѣ частности, о какихъ мы упоминаемъ. Но и капля пробиваетъ камень, если постоянно падаетъ на одно мѣсто. — Кромѣ мелочей нельзя опускать изъ вида возможности прямыхъ антирелигіозныхъ проявленій въ юной средѣ. Духъ невѣрія слишкомъ быстро распространяется въ наши дни, и онъ очень рано овладѣваетъ молодыми умами. На нашихъ глазахъ не только студенты университета, но и гимназисты высшихъ классовъ не прочь похвалиться отрицаніемъ самыхъ священнѣйшихъ пунктовъ вѣры, и поглумиться надъ церковію, ея уставами и ея служителями. И это не нынѣ началось, не нынѣ и кончится. Міръ, какъ начало, противоположное Церкви, существовалъ не въ одномъ язычествѣ; онъ существуетъ и нынѣ, въ христіанскихъ обществахъ, и заявляетъ, то скрытно, то явно, свое противодѣйствіе ограничивающимъ своеволіе началамъ вѣры и божественнаго закона. Господь изъялъ отъ міра своихъ учениковъ, которымъ поручилъ дѣло распространенія и храненія вѣры, и онъ предрекалъ имъ, что міръ не перестанетъ ихъ ненавидѣть (Іоан. XV, 18, 19; XVII, 14—16). Не нужно ли и нынѣ изъять изъ міра продолжателей дѣла учениковъ Христовыхъ, чтобы удалить ихъ отъ соблазна и сохранить чистыми отъ зла?

Изъ существующихъ христіанскихъ обществъ наименьшее отдѣленіе духовной школы отъ свѣтской мы видимъ въ протестантствѣ. Тамъ пѣтъ заведеній средняго уровня, соотвѣтствующихъ нашимъ семинаріямъ, и обыкновеннымъ мѣстомъ приготовленія пасторовъ служитъ богословскій факультетъ, существующій при университетахъ, на который поступаютъ, какъ на другіе факультеты университета, кончившіе курсъ въ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ (гимназіяхъ) и имѣющіе аттестатъ зрѣлости. Слушая курсъ богословскихъ наукъ, студенты живутъ наравнѣ съ другими студентами, и подчиняются общимъ правиламъ, обязательнымъ для студентовъ другихъ факультетовъ. Это сліяніе духовной богословской школы съ свѣтскою вызвано въ протестантствѣ противодѣйствіемъ строгой римско-каголической системѣ, которая совершенно отрывала отъ семейства юношу, готовимаго въ священника, и подчиняла его особенной монастырской дисциплинѣ. По требованію этой дисциплины, воспитанники духовной школы носили особенную одежду, жили въ закрытомъ заведеніи и не имѣли свободнаго выхода изъ стѣнъ этого заведенія, были постоянно на глазахъ своихъ надзирателей, и кромѣ молитвы утромъ и вечеромъ, кромѣ ежедневнаго слушанія мессы, имъ назначались часы для благочестивыхъ размышленій, и послѣ каждаго такого размышленія они должны были возъимѣть въ умѣ какое либо благое намѣреніе, о которомъ должны были, по требованію, сообщать каждый разъ своему начальнику и руководителю. Имъ не дозволялись свѣтскія развлеченія; напротивъ ихъ старались пріучать къ разнообразнымъ благочестивымъ упражненіямъ. Воспитанники все дѣлали по указкѣ и по разъ заведенному, строго соблюдаемому. правилу, не имѣя права и возможности заявлять въ своей дѣятельности какую либо самостоятельность. Показалась насильственнымъ стѣсненіемъ природы, вреднымъ для образованія характера, такая система воспитанія, приготовляющая изъ воспитанника хорошо выдрессированнаго, послушнаго автомата. И вотъ не захотѣли имѣть никакихъ кле-

рикальныхъ воспитательныхъ заведеній съ своеобразнымъ строгимъ характеромъ, и будущихъ пасторовъ стали воспитывать также, какъ и юношей, готовящихся къ другимъ свѣтскимъ профессіямъ, не выдѣляя ихъ изъ общаго круга учащихся и подчиняя ихъ одинаковымъ условіямъ съ воспитанниками, не имѣющими въ виду церковнаго служенія. Но далеко не всѣ довольны результатами такой системы воспитанія кандидатовъ священства. При такихъ условіяхъ школьнаго воспитанія не укрѣплялся, а оскудѣвалъ духъ благочестія въ юношахъ, готовившихся къ служенію пастырскому, и наживалось у нихъ какое-то равнодушіе къ дѣлу вѣры и своему званію. Вмѣстѣ съ тѣмъ на почвѣ, лишенной тщательнаго ухода, безпрепятственно возрастала свобода мысли, которая доводила протестантскихъ богослововъ до отрицанія многаго существеннаго въ христіанствѣ, и свобода жизни, не стѣснявшаяся поступками, унижающими званіе служителя Церкви. И благонамѣренные и благонастроенные люди въ самомъ протестантствѣ находятъ совершенно не идеальнымъ, а прямо опаснымъ такой порядокъ воспитанія будущихъ кандидатовъ пастырства. Пальмеръ, напримѣръ, одинъ изъ лучшихъ представителей въ нѣмецкой литературѣ по вопросамъ, относящимся къ пастырству, находитъ, что университетъ, въ которомъ учатся студенты разныхъ факультетовъ, вовсе неподходящее мѣсто для образованія пастырей, и онъ замѣчаетъ, что это не его только мнѣніе, но мнѣніе многихъ нынѣшнихъ представителей протестантскаго духовенства. Доказывая это, онъ ссылается на то, что „теперь университетъ со всѣми своими традиціонными принадлежностями,—съ трактиромъ и фехтовальною залою, съ коммержами и выѣздами,—юношу, предназначеннаго въ служители Божіи, глубоко оскверняетъ прежде, чѣмъ онъ получитъ освященіе. Для насъ (говоритъ онъ) не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что кто живетъ, подчиняясь студенческимъ традиціоннымъ привычкамъ, кто предается студенческимъ шалостямъ съ увлеченіемъ, или по легкомыслію и не желанію трудиться, и

при этомъ теряетъ изъ глазъ цѣль своего студенчества, тотъ во всякомъ случаѣ, если послѣ и отстанетъ отъ этихъ шалостей, долженъ жалѣть о потерѣ значительнаго времени, — кромѣ многаго другаго, имъ чрезъ то утраченнаго [1]).“ Лучшимъ мѣстомъ для воспитанія кандидатовъ священства и въ протестантствѣ признается не гимназія и не университетъ, а совершенно отдѣльная семинарія. Въ этой семинаріи наука можетъ быть преподаваема въ той широтѣ, какой она достигаетъ при университетскомъ преподаваніи, и по научному теоретическому строю она можетъ не отличаться отъ богословскаго факультета при университетѣ. Но иной строй ея долженъ быть педагогическій. Пусть будетъ эта семинарія при университетѣ, пусть студенты, въ ней находящіеся, чувствуютъ и сознаютъ себя студентами. Но она не должна предоставлять студента въ его жизни самому себѣ: строгими дисциплинарными регулами она ограничиваетъ и упорядочиваетъ его свободу, и пріучаетъ его къ болѣе правильной жизни и болѣе правильнымъ занятіямъ. Она не сообщаетъ только знанія, какъ университетскій факультетъ, но въ интересѣ Церкви, въ интересѣ будущаго служенія молодыхъ богослововъ, преслѣдуетъ строгія педагогическія цѣли. Эта семинарія предполагаетъ общежитіе (конвиктъ), гдѣ собранные юноши подчиняются строгому порядку, какой не можетъ быть соблюдаемъ при разрозненной жизни на частныхъ свободныхъ квартирахъ.

Къ типу тѣхъ семинарій, какія признаются лучшимъ мѣстомъ для приготовленія пасторовъ въ протестантствѣ, подходятъ наши духовныя академіи, въ которыхъ съ широтою факультетскаго преподаванія соединяется особый педагогическій строй, ограничивающій и направляющій свободу студента извѣстными дисциплинарными правилами. Но и наши семинаріи, будучи средними учебными заведеніями и уступая въ широтѣ образованія семинаріямъ

---

[1]) Evangelische Pastoral-Theologie von Christian Palmer. Erste Hälfte. S. 96.

факультетскимъ или университетскимъ, достаточно могутъ удовлетворять цѣли приготовленія образованныхъ пастырей Церкви. Пастырю Церкви нельзя довольствоваться однимъ знаніемъ вѣры и закона Божія и умѣніемъ совершать возлагаемыя на него требы. Чтобы держать авторитетъ священника—учителя народа и общества на надлежащей высотѣ и быть въ состояніи отвѣчать на всѣ запросы, къ нему обращаемые, онъ долженъ владѣть умомъ, логически развитымъ, и перомъ, достаточно обработаннымъ для правильной и солидной рѣчи, и ему нельзя быть невѣждою въ предметахъ, входящихъ въ область общихъ гуманныхъ знаній, напримѣръ въ исторіи литературы, въ исторіи народа. Наши семинаріи не опускаютъ изъ вида этого общаго образованія, необходимаго для пастыря. Онѣ не менѣе гимназій дрессируютъ и развиваютъ мысль и пріучаютъ владѣть словомъ; онѣ сообщаютъ знанія о всемъ, входящемъ въ курсъ общаго гуманнаго образованія, въ такой мѣрѣ, въ какой признается то нужнымъ для человѣка средняго образованія, имѣющаго право на полученіе аттестата зрѣлости. Вмѣстѣ съ тѣмъ наши семинаріи въ достаточной полнотѣ знакомятъ своихъ воспитанниковъ съ священнымъ Писаніемъ, главнымъ источникомъ и руководительнымъ началомъ нашей вѣры, раскрываютъ ученіе о догматѣ и нравственности христіанской въ размѣрѣ, превышающемъ степень средняго образованія, сообщаютъ свѣдѣнія по церковной исторіи, имѣютъ въ своемъ курсѣ гомилетику—наука о проповѣди, литургику—науку о богослуженіи и практическое руководство для пастырей, излагающее права и обязанности пастырей Церкви.

4. Чего нужно желать нашимъ семинаріямъ, готовящимъ священниковъ?

Казалось бы, что въ курсѣ семинарскомъ все есть, что необходимо знать священнику, и даже болѣе того, что необходимо; при той полнотѣ знанія, какое получается въ семинаріи, изъ нея

должны бы выходить пастыри, вполнѣ просвѣщенные и вполнѣ приготовленные къ своему дѣлу. И мы не можемъ сказать, чтобы не было таковыхъ, не можемъ осуждать нашихъ пастырей, получившихъ образованіе въ семинаріи, за недостатокъ знанія и просвѣщенія.

Между тѣмъ, какъ мы замѣчали уже, весьма нерѣдки заявленія недовольства по отношенію къ семинарскому образованію. Многіе находятъ его не вполнѣ достигающихъ своей цѣли, и указываютъ въ подтвержденіе этого на то, что воспитанники семинаріи, поступая во священники, очень часто не заявляютъ ни духа благочестія, ни усердія къ своему пастырскому дѣлу и оказываются людьми, мало приготовленными къ надлежащему исполненію своего служенія, главной цѣли семинарскаго образованія.

Такіе отзывы иногда высказываются голословно, съ чужаго голоса, иногда слишкомъ поспѣшно обобщаютъ частные факты. Но нельзя отвергать совершенно ихъ относительнаго значенія и силы.

Въ нашемъ семинарскомъ образованіи есть двѣ вещи, которыя могутъ возбуждать вопросы.

Во-первыхъ, наша семинарія не есть заведеніе, строго приспособленное къ одной цѣли—воспитанія пастырей Церкви, и устроенное по одной идеѣ. Если не уставъ ея, то практика къ указанной главной цѣли ея присоединяетъ другую, благотворительную, послужившую основаніемъ для устроенія низшихъ духовныхъ училищъ. Приготовляя пастырей для Церкви, семинарія вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ даровое образованіе дѣтямъ духовенства, годное не для одной пастырской службы. Наши юноши, поступая въ семинарію для полученія образованія, не обрекаютъ себя чрезъ то на служеніе Церкви. Многіе изъ нихъ, и учась въ семинаріи, имѣютъ въ виду для себя въ будущемъ свѣтскія профессіи, и многіе въ теченіе курса выходятъ изъ семинаріи для поступленія въ другія учебныя заведенія, а другіе, и по окончаніи семинарскаго курса, поступаютъ не въ то званіе, къ

какому должна готовить семинарія, а въ какое либо свѣтское. Нельзя запретить выхода изъ семинарій въ другое званіе молодымъ людямъ, не чувствующимъ въ себѣ расположенія къ священству. Но не должны бы быть принимаемы въ семинарію и не должны бы поступать въ нее люди, вовсе не имѣющіе въ виду избрать цѣлію своей жизни священническое служеніе. А какъ скоро это существуетъ у насъ нынѣ, волею или не волею семинаріи должна считаться съ этимъ фактомъ, и въ системѣ ея воспитанія происходитъ нѣкоторое раздвоеніе. Отсюда свѣтскій или мірской элементъ въ ней заявляетъ себя въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ какой это требуется идеею заведенія чисто духовнаго. Отсюда въ ней и ея дисциплинарныхъ порядкахъ не выдерживается тотъ духъ церковности, какой должно воспитывать въ кандидатахъ священства. Отсюда во многихъ изъ ея воспитанниковъ недостатокъ того духа, какимъ отличаются воспитанники католическихъ семинарій. И это, не къ выгодѣ нашей, замѣтно отражается на практической дѣятельности нашего пастырства.

Для воспитанія духа церковности и благочестія, необходимаго и желательнаго въ кандидатѣ священства, семинарская дисциплина должна отличаться своимъ специфическимъ характеромъ, и порядокъ жизни воспитанниковъ семинаріи, имѣющихъ въ виду священническое служеніе, долженъ быть устроенъ соотвѣтственно ихъ будущему назначенію. Отъ нихъ должно требоваться строгое выполненіе всѣхъ церковныхъ постановленій, и имъ такъ нужно вести себя, чтобы они сами, по движенію своего религіознаго чувства, не дозволяли себѣ ни малѣйшаго уклоненія отъ исполненія христіанскихъ обязанностей, независимо отъ того, требуютъ ли отъ нихъ того или другаго, предписываемаго Церковію и вѣрою, прямо и оффиціально, или нѣтъ, наблюдаютъ ли за ними или нѣтъ. Надъ всѣмъ въ ихъ поведеніи должно господствовать и всѣмъ заправлять сознаніе того, что они призываются быть служителями Божіими и учителями другихъ въ томъ, какъ

нужно жить по закону Христову. Долгъ молитвы, предписываемый христіанскою совѣстію,—ихъ первѣйшая обязанность. Они не опустительно являются къ богослуженію во всѣ воскресные и праздничные дни, и это должны дѣлать не ex officio, а по охотѣ и усердію, такъ чтобы не только опущеніе того или другаго праздничнаго или воскреснаго богослуженія, но и поздній приходъ къ какому либо изъ нихъ уже тяготилъ ихъ совѣсть. Они всѣ вмѣстѣ обязательно присутствуютъ при чтеніи утреннихъ и вечернихъ молитвъ, и безъ молитвы не садятся за столъ и не встаютъ отъ стола. Имъ нельзя позволять канунъ воскреснаго или праздничнаго дня осквернять какою либо свѣтскою забавою или участіемъ въ какомъ либо развлеченіи мірскаго характера, что очень часто бываетъ въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ. Они строго держатъ постъ по уставу церковному, и малѣйшее отступленіе ихъ въ этомъ отъ устава церковнаго и нарушеніе поста, не вызываемое нуждою или предписаніями врача, должно быть вмѣняемо имъ въ вину, какъ дѣло, для нихъ особенно неприличное. Кто не исполняетъ христіанскихъ обязанностей и установленій церковныхъ или по крайней мѣрѣ затрудняется ихъ исполненіемъ и обнаруживаетъ желаніе по возможности уклоняться отъ ихъ исполненія, тотъ тѣмъ самымъ устраняетъ себя отъ священства. Что будетъ за священникъ, который долженъ быть молитвенникомъ предъ Богомъ за другихъ и ревнителемъ исполненія закона христіанскаго и устава церковнаго, изъ того юноши, который въ періодъ приготовленія къ священству пренебрегаетъ существенными требованіями своего будущаго званія, не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, долга молитвы, нарушаетъ посты и не находитъ никакого удовольствія въ томъ, чтобы присутсвовать при богослуженіи въ дни воскресные и праздничные? И въ порядкѣ общежитейскомъ воспитанники семинарій, готовящіеся къ священству, должны подчиняться нѣкоторымъ ограничительнымъ условіямъ. Имъ не можетъ быть дозволено все то, что не запрещается воспитанникамъ свѣтскихъ заведеній, готовящимся къ

какой либо свѣтской профессіи. Имъ напримѣръ не прилично посѣщать рестораны, театры и другія мѣста обществе пыхъ увеселеній. Едва ли кто признаетъ согласныхъ съ порядкомъ вещей, если будущій священникъ станетъ являться на вечерахъ и принимать участіе въ танцахъ и другихъ играхъ. Тѣмъ болѣе унизительны, не сообразны съ назначеніемъ семинаристовъ и должны быть запретны для нихъ грубыя чувственныя удовольствія, на примѣръ распущенный разгулъ, участіе въ какой либо веселой пьяной компаніи, безпорядочныя пирушки, не чуждыя циническаго характера. Семинаристамъ, имѣющимъ быть служителями Божіими и образцовыми руководителями въ жизни другихъ, слишкомъ не пристало напоминать своимъ поведеніемъ подгулявшихъ рабочихъ или мастеровыхъ. Замѣчаемые въ подобныхъ нарушеніяхъ порядка, унижающихъ званіе семинариста, должны быть изгоняемы изъ духовнаго заведенія безъ всякаго снисхожденія. Кандидаты священства всегда и вездѣ должны являться юношами скромными, благородными, соблюдающими приличіе и сдержанность въ поступкахъ, словахъ и даже тѣлодвиженіяхъ.

Говоря такъ, мы не налагаемъ на семинаристовъ какого либо неудобоносимаго бремени, не предписываемъ для нихъ слишкомъ суроваго закона. Они должны быть пріучаемы къ такому порядку жизни, какой обязаны будутъ соблюдать, когда, по выходѣ изъ семинаріи, сдѣлаются священниками. И что не дозволяется священнику, то и имъ не должно быть дозволяемо. Они такъ должны быть воспитываемы, чтобы по выходѣ изъ заведенія не видѣли нужды значительно измѣнять свой образъ жизни. Во вниманіе къ этому мы не рекомендуемъ для семинаристовъ, готовящихся во священники, монастырскаго заключенія и наложенія на нихъ какихъ либо аскетическихъ упражненій, не обязательныхъ для нихъ въ будущемъ, когда они сдѣлаются священниками. Наши священники живутъ въ обществѣ, живутъ жизнію открытою и семейною. Нѣтъ нужды отрывать совершенно отъ семейства и общества и воспитывающихся кандидатовъ священ-

ства. Въ положенное время они могутъ имѣть выходъ изъ заведенія, могутъ бывать у родныхъ и знакомыхъ, если только эти знакомые не извѣстны начальству семинарскому съ какой либо дурной стороны, и если дозволенные выходы, при учащенномъ повтореніи ихъ, не влекутъ за собою разсѣянія и отвлеченія отъ дѣла. Нельзя запрещать имъ и развлеченій, лишь бы эти развлеченія не нарушали приличія и благороднаго тона. Юношей нельзя вести и заставлять жить такъ, какъ живутъ старцы или люди, проведшіе болѣе половины своей жизни; иначе насилуемая природа можетъ или не выдержать напряженія и ослабѣть—или отмстить за себя безпорядочнымъ выступленіемъ изъ той колеи, по какой направляли ее.

Вѣнецъ воспитательное дѣло въ семинаріяхъ получаетъ тогда, когда воспитанники ихъ и положительныя и отрицательныя правила благоповеденія, приличнаго кандидатамъ священства, предписывающія одно дѣлать, а другаго избѣгать, исполняютъ не вслѣдствіе дисциплинарнаго принужденія, а добровольно, по сознанію необходимости ихъ исполненія въ ихъ положеніи и въ виду ихъ будущаго назначенія. Тотъ еще не обѣщаетъ изъ себя хорошаго священника, кто не отступаетъ отъ порядка, принятаго въ семинаріи, единственно потому, что боится взысканій, угрожающихъ за нарушеніе его. Такой человѣкъ, вырвавшись на свободу, по выходѣ изъ учебнаго заведенія, можетъ дозволить себѣ многое, что можетъ совершенно скомпрометировать его. Нѣтъ, пусть порядки заведенія, предписываемые его духомъ и назначеніемъ, войдутъ, такъ сказать, въ плоть и кровь воспитанника, пусть они сдѣлаются его привычками и второю его природою; пусть, не глазъ начальника или надзирателя, а его собственная совѣсть удерживаетъ его отъ разныхъ поползновеній и неприличій. Тогда можно ручаться, что кандидатъ священника окажется достойнымъ того поста, какой его ожидаетъ, и его поведеніе не вызоветъ ни въ комъ слова хулы и осужденія. Не строгость, не суровая дисциплина воспитываетъ такой характеръ, а нравственное влія-

ніе учителей и воспитателей. Общій высокій христіански-нравственный строй и духъ заведенія, живой примѣръ достойной жизни и нравственнаго приличія, видимый въ лицѣ людей, приставленныхъ къ дѣлу обученія и воспитанія, согласное и единодушное дѣйствіе ихъ, направленное къ одной цѣли, теплое, сердечное отношеніе къ питомцамъ и постоянная заботливость объ ихъ благѣ—вотъ что можетъ создать людей, которые были бы украшеніемъ пастырства и честію заведенія, ихъ воспитавшаго.

Другой недостатокъ, за который обращаются съ упреками къ семинарскому образованію, указываютъ въ томъ, что въ нашихъ семинаріяхъ забытъ или заброшенъ практическій элементъ. Нашимъ кандидатамъ священства въ семинаріяхъ (говорятъ) читаютъ теоретическія науки, много разныхъ наукъ, сообщаютъ довольно широкое и обильное знаніе, но очень мало обращаютъ вниманія на то, что прямо относится къ ихъ будущей практической дѣятельности, мало пріучаютъ воспитанниковъ къ тому, что они должны дѣлать, когда, бывъ призваны къ священству, приступятъ къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на нихъ ихъ должностію, не даютъ имъ умѣнья вести свое дѣло, какъ слѣдуетъ. И выходятъ часто изъ нашихъ многознающихъ семинаристовъ священники неумѣлые, путающіеся при исполненіи воспринятаго на себя долга, уступающіе въ практической дѣятельности людямъ простымъ, не проходившимъ длиннаго школьнаго курса.

Справедливъ ли упрекъ этотъ нашему семинарскому образованію?

При безпристрастномъ отношеніи къ дѣлу и по внимательномъ обсужденіи существующей системы образованія, сообщаемаго нашимъ кандидатамъ священства, мы не можемъ не сознаться, что онъ указываетъ частію на дѣйствительное опущеніе въ системѣ приготовленія священниковъ. Но въ тоже время не можемъ не замѣтить, что часто упрекающіе наши семинаріи за недостатокъ практическаго приготовленія кандидатовъ священства къ ихъ буду-

щей должности возлагаютъ на школу требованія неудобоисполнимыя.

Полное умѣнье во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности не дается школою, какъ бы тщательно школа ни выполняла свое назначеніе. Медикъ, юристъ, агрономъ, инженеръ, технологъ, какъ бы долго и усердно ни учились въ школѣ, на первыхъ порахъ практической дѣятельности, будутъ дѣйствовать робко, въ неувѣренности, и легко могутъ допускать болѣе или менѣе важныя ошибки. Школьное образованіе и практическаго характера дополняется жизнію, заставляющею прилагать къ дѣлу добытыя въ школѣ знанія. Врачъ, юристъ, инженеръ дѣлаются хозяевами въ своей отрасли только послѣ нѣсколькихъ лѣтъ болѣе или менѣе усердной практики. Тоже самое нужно сказать и о томъ родѣ дѣятельности, къ которому готовится кандидатъ священства.

Но сила упрека, обращаемаго къ семинарскому образованію, въ томъ, что по сравненію съ другими спеціалистами, готовящимися къ извѣстной профессіональной дѣятельности, воспитанники нашихъ семинарій получаютъ гораздо меньше практической подготовки къ ожидающему дѣлу. Такъ ли это?

Наша семинарія много занята общеобразовательными цѣлями, и за служеніемъ этимъ цѣлямъ какъ бы отступаютъ на второй планъ ея заботы о практическо-спеціальной сторонѣ образованія кандидатовъ священства. Она не оставляетъ безъ вниманія и практической подготовки къ своему дѣлу кандидатовъ священства, хотя, нужно сказать правду, могла бы дѣлать это съ большею полнотою и тщательностію.

На три части раздѣляется долгъ, возлагаемый на пастыря Церкви: онъ учитель народа, онъ совершитель богослуженія, онъ нравственный руководитель и воспитатель своихъ пасомыхъ.

Для приготовленія къ исполненію учительскаго долга въ семинаріи существуетъ каѳедра гомилетики. Гомилетика сообщаетъ правила о составленіи и произношеніи проповѣдей и уясняетъ

тотъ, внутренній и внѣшній, характеръ, какимъ должна отличаться церковная проповѣдь. Съ изученіемъ формальныхъ правилъ гомилетики соединяются и практическія занятія. Ученики пишутъ проповѣди; эти проповѣди подвергаются критическому разбору, произносятся иными въ классѣ, а другими и въ Церкви. Но зная веденіе этого дѣла въ семинаріи, мы не можемъ считать совершенно достаточными практическія занятія по гомилетикѣ или проповѣдничеству, существующія въ нашихъ семинаріяхъ. Написать одну или двѣ проповѣди въ годъ, написать около трехъ проповѣдей въ теченіе всего семинарскаго курса—это ли все надлежащее приготовленіе къ исполненію учительской обязанности, возлагаемой на священника, *первѣйшей* и *главнѣйшей* изъ всѣхъ его обязанностей, по выраженію книги „*О должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*“ [1])? Тѣмъ менѣе можно довольствоваться такою мѣрою практическихъ занятій по проповѣдничеству въ семинаріи, что проповѣди, составляемыя въ семинаріяхъ, пишутся на общія темы, безъ всякаго почти отношенія къ запросамъ тѣхъ лицъ, предъ которыми кандидатъ священства впослѣдствіи явится учителемъ, пишутся больше для голыхъ стѣнъ, чѣмъ для живыхъ людей. При составленіи и разборѣ этихъ проповѣдей главное вниманіе обращается на логическій строй, пожалуй, еще на изложеніе. Но это далеко не все, что требуется для умѣлаго веденія дѣла проповѣди. Даже произношеніе, и то не заслуживаетъ особеннаго вниманія нашихъ гомилетовъ, и отъ того наши проповѣдники въ этомъ отношеніи значительно уступаютъ проповѣдникамъ другихъ христіанскихъ Церквей и обществъ. Между практическими занятіями въ семинаріяхъ является импровизація проповѣдей. Дѣло полезное; оно дрессируетъ слово и дѣлаетъ его развязнымъ. Но и эта импровизація не имѣетъ повсюднаго и широкаго распространенія, и ссылкою на нее нельзя успокоивать себя при мысли о томъ, все ли дѣлается у насъ, что нужно, для практическаго при-

---

[1]) §§ 10 и 13, стр. 12, 17.

готовленія умѣлыхъ учителей народа. Въ другихъ странахъ, гдѣ есть проповѣдническія и катехизическія семинаріи, въ которыхъ проповѣдь является однимъ изъ самыхъ главныхъ предметовъ занятія, къ дѣлу приготовленія проповѣдниковъ прилагаютъ гораздо больше заботы, чѣмъ у насъ. Въ протестантствѣ и католичествѣ каждый, поступающій на приходъ, несравненно болѣе практикованъ въ дѣлѣ проповѣдничества, чѣмъ нашъ семинаристъ.

Другая обязанность священника состоитъ въ совершеніи богослуженія. О богослуженіи трактуетъ особая наука, преподаваемая въ семинаріи, извѣстная подъ именемъ литургики. Но литургика не содержитъ въ себѣ ничего практическаго. Содержаніемъ ея служитъ историко-археологическое и теоретическое ученіе о богослуженіи. Можно прекрасно знать литургику и не умѣть должнымъ образомъ совершать богослуженіе. Практическимъ приготовленіемъ кандидатовъ священства къ достойному совершенію богослуженія служитъ непосредственное участіе въ немъ посредствомъ чтенія и пѣнія, которыя въ нашей Церкви составляютъ главныя богослужебныя дѣйствія. Воспитанники семинаріи приглашаются къ такому участію въ богослужебныхъ дѣйствіяхъ. Но у насъ оно является для нихъ больше дѣломъ свободы и усердія, чѣмъ обязательнаго долга, и многіе изъ семинаристовъ совершенно устраняются отъ непосредственнаго участія въ богослуженіи, долженствующаго служить для нихъ лучшимъ приготовленіемъ къ исполненію того, что потребуется отъ нихъ, какъ отъ священно-служителей, когда они примутъ священный санъ. Отъ того и бываетъ, что иные изъ священниковъ, вышедшихъ изъ семинаріи, хорошо знакомы съ Гомеромъ и Гезіодомъ, съ Цицерономъ, Гораціемъ и Виргиліемъ, но не знаютъ, при поступленіи на должность, церковнаго устава, не умѣютъ внятно и вразумительно читать положенныя на службѣ молитвы и избранные отдѣлы изъ священныхъ книгъ, не могутъ ни пѣть, ни руководить другихъ въ церковномъ пѣніи и совершенно не понимаютъ различія гласовъ, или напѣвовъ, изъ которыхъ слагается нотный церковный обиходъ. Отъ

того между прочимъ такъ много небрежнаго и неудовлетворительнаго въ отправленіи нашего богослуженія. Въ особенности страдаетъ пѣніе, которое въ нашемъ богослуженіи составляетъ слишкомъ важный элементъ,—болѣе важный, чѣмъ въ богослуженіи другихъ христіанскихъ вѣроисповѣдныхъ обществъ. Выходятъ изъ употребленія старые умилительные напѣвы, пропадаютъ отличительные оттѣнки гласовыхъ напѣвовъ, и многіе изъ священно-церковно-служителей все готовы пѣть на одинъ гласъ; лучшія изъ церковныхъ праздничныхъ или воскресныхъ пѣснопѣній выполняются монотонно и при этомъ выполненіи теряютъ свою священно-величавую прелесть, полную разнообразнаго движенія звуковъ, и пріятнымъ образомъ услаждающую религіозное чувство (напримѣръ догматики, ирмосы на Воздвиженіе, на праздникъ Пятидесятницы, на Срѣтеніе и т. под.). Школа, готовящая служителей Церкви, къ этому дѣлу почти совершенно равнодушна и какъ будто считаетъ это мелочью, на которую не стоитъ обращать большаго вниманія. Слышно впрочемъ, что въ послѣднее время на этотъ предметъ обращено надлежащее вниманіе, и въ новомъ уставѣ семинарій пѣнію отведено довольно широкое мѣсто, и оно сдѣлано предметомъ обязательнымъ, чего прежде не было.

Самое трудное дѣло, возлагаемое Церковью на священника,— это пастырская попечительность о своихъ прихожанахъ, или пастырское руководство пасомыхъ на путяхъ спасенія. Какъ добрый воспитатель и отецъ, какимъ называютъ священника его прихожане, онъ долженъ бдѣть надъ душами ввѣренныхъ ему духовныхъ овецъ, чтобы не заблудилась и не погибла ни одна изъ нихъ, помня то, что съ него взыскана будетъ кровь каждой овцы, погибшей по его небрежности или винѣ. Онъ долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы не заболѣла нравственно какая-либо изъ нихъ, и если видитъ начало или развитіе болѣзни той или другой изъ нихъ, любовь и долгъ побуждаютъ его принять мѣры и средства къ излѣченію этой болѣзни, и онъ долженъ умѣть лѣчить душев-

ныя болѣзни по крайней мѣрѣ не хуже того, какъ врачъ обыкновенный лѣчитъ болѣзни тѣлесныя.

По примѣру апостола Павла, онъ долженъ каждаго изъ ввѣренныхъ ему прихожанъ, *какъ отецъ дѣтей своихъ, просить и убѣждать и умолять поступать достойно Бога, призвавшаго насъ въ свое царство и славу* (1 Сол. II, 10—12), *долженъ внимать всему стаду* (Дѣян. XX, 28), *и всякаго человѣка вразумлять—научать всякой премудрости, чтобы представить всякаго человѣка совершеннымъ во Христѣ Іисусѣ* (Кол. I, 28). Къ этому труднѣйшему и отвѣтственному дѣлу нравственнаго пастырскаго воспитанія и руководства пасомыхъ-наша духовная школа не даетъ практической подготовки. Но нельзя винить школу за это опущеніе: едва ли возможны въ школѣ практическія занятія по этой отрасли дѣятельности. У школы нѣтъ лицъ, надъ которыми она могла бы показывать примѣры пастырской попечительности. Она можетъ и должна возбудить въ кандидатахъ священства сознаніе необходимости для нихъ бдительной заботливости о нравственной цѣлости и чистотѣ своихъ будущихъ прихожанъ, по поступленіи на мѣсто, можетъ и должна возбудить и утвердить въ нихъ любовь и усердіе къ этому дѣлу. можетъ и должна сообщить совѣты и правила касательно возможно-лучшаго веденія этого дѣла. Но все это—дѣло теоріи, а не практики. Практически это дѣло можетъ начаться только тогда, когда кандидатъ священства будетъ имѣть предъ собою лицъ, поставленныхъ подъ его непосредственное попеченіе, т. е., уже по принятіи имъ священнаго сана. Въ германской пастырской литературѣ, болѣе богатой, чѣмъ наша литература, высказывались разные проэкты и предположенія касательно практической подготовки юношей, имѣющихъ въ виду церковное служеніе, къ дѣлу нравственнаго пастырскаго воспитанія людей. Но эти проэкты и предположенія оказывались утопическими, не осуществимыми на дѣлѣ, и не было никакой пользы отъ попытокъ къ ихъ осуществленію. Высказывали напримѣръ мысль о

томъ, чтобы при богословскихъ факультетахъ университетовъ или при богословскихъ семинаріяхъ, воспитывающихъ будущихъ пастырей, учредить духовную поликлинику, въ параллель клиникѣ, существующей при медицинскихъ университетскихъ факультетахъ, въ которой бы преподаватель пастырскаго богословія практически надъ живыми людьми, въ виду кандидатовъ священства, показывалъ, какъ нужно обращаться съ нравственно больными, требующими наставленія отъ служителя религіи, подобно тому, какъ это дѣлаетъ клиническій профессоръ—медикъ, руководитель молодыхъ врачей въ ихъ спеціальности. Или предлагали обратить для практическ—пастырскихъ занятій туже больницу, которая существуетъ при университетѣ для практическаго приготовленія медиковъ: эту больницу могъ бы ежедневно обходить руководитель студентовъ богословія вмѣстѣ съ ними; они слушали бы и замѣчали бы, какъ и что говоритъ онъ, въ видахъ назиданія, съ тѣмъ или другимъ больнымъ, и потомъ профессоръ велъ бы съ своими слушателями бесѣду о разныхъ духовныхъ средствахъ къ нравственному дѣйствованію на сердца людей, по поводу того или другаго случая, представившагося ихъ наблюденію. Могъ бы (предлагали еще) профессоръ поручить извѣстныхъ больныхъ или требующихъ религіозно-нравственнаго воздѣйствія тому или другому студенту, и приставленные къ этимъ лицамъ, служащимъ для пастырской практики, могли бы передавать профессору, что они замѣчаютъ въ нихъ, и какъ дѣйствуютъ и думаютъ дѣйствовать на нихъ, и потомъ выслушивать отъ профессора или одобреніе образу своей дѣятельности, или совѣты, направленные къ исправленію или дополненію его. Нужно ли говорить, какъ не практично такое черезъ-чуръ практическое приготовленіе кандидатовъ священства къ дѣлу нравственнаго воспитанія пасомыхъ! Духовныя болѣзни, врачевать которыя долженъ священникъ, не то, что болѣзни тѣлесныя: онѣ не такъ видны, какъ эти послѣднія, и по отношенію къ нимъ неумѣстны такая діагностика и такой наглядный анализъ, какія возможны и умѣстны по отно-

шенію къ болѣзнямъ тѣлеснымъ. И трудно предположить, чтобы кто либо изъ людей добровольно согласился быть моделью, надъ которою бы практиковались юноши, желающіе научиться тому, какъ лучше лѣчить духовныя болѣзни, и какъ успѣшнѣе дѣйствовать на людей, уклоняющихся отъ пути добродѣтели. Раны тѣлесныя всѣмъ видны, и ихъ не скрываютъ. Но внутреннее содержаніе души—это наше потаенное или сокрытое достояніе, и выставлять на показъ десяткамъ и сотнямъ свои духовныя раны, свои сокровенныя немощи едвали кто согласится. Готовый побесѣдовать искренно, по душѣ съ руководителемъ, которому довѣряетъ, нравственно больной тотчасъ же прячется въ тайникъ своего сердца, какъ улитка, когда замѣчаетъ, что его хотятъ наблюдать десятки и сотни глазъ. Да и самая мысль о выставленіи на показъ внутренняго безобразія чужой души и о публичномъ раскрытіи сердечныхъ ранъ того или другаго несчастнаго лица какъ-то претитъ чистому нравственному чувству, Самъ пастырь—руководитель въ присутствіи десятковъ студентовъ не можетъ говорить съ своимъ духовнымъ паціентомъ съ тою простотою и искренностію, съ тою сердечною теплотою, какія наиболѣе важны въ дѣлѣ обращенія людей, требующихъ нравственнаго исправленія, когда должны подмѣчать каждое его слово приведенные имъ на бесѣду съ паціентомъ руководимые имъ кандидаты священства. Вниманіе его раздѣлено между субъектомъ, имъ нравственно наставляемымъ, и между молодыми людьми, учащимися изъ его примѣра лучшему способу дѣйствованія на сердца другихъ: послѣдними даже онъ занятъ болѣе, чѣмъ первымъ; для нихъ, для ихъ наученія онъ говоритъ съ своимъ паціентомъ, и благо послѣднихъ для него важнѣе, чѣмъ обращеніе паціента. При этомъ неизбѣжна натянутость и искусственность наставленій, адресуемыхъ случайному субъекту, подвергающемуся опыту для практики другихъ. При томъ средства и способы нравственнаго дѣйствованія не могутъ быть подведены подъ извѣстныя техническія формулы. Здѣсь невозможны такіе опредѣленные рецепты, какіе

употребительны въ медицинской практикѣ, и въ какихъ видятъ утвердившіяся средства лѣченія противъ тѣхъ или другихъ недуговъ. При личной свободѣ, имѣющей рѣшающее значеніе въ дѣлѣ нравственной жизни, при разнообразіи характеровъ, подпадающихъ нравственному дѣйствію пастыря Церкви, при безконечномъ разнообразіи нравственныхъ болѣзней неуловимы и неопредѣлимы тѣ средства, къ какимъ можетъ прибѣгать усердный воспитатель народа, и годное въ одномъ мѣстѣ, оказавшее благотворную силу надъ однимъ субъектомъ, можетъ быть неприложимо въ другомъ мѣстѣ, можетъ оказаться не цѣлесообразнымъ и вреднымъ по отношенію къ другому субъекту. Часто одно простое слово, одно напоминаніе, кстати сказанное, производитъ благотворную перемѣну въ ожесточенномъ сердцѣ; другой разъ ничего не дѣйствуютъ и нисколько не помогаютъ самые убѣдительные доводы, самыя краснорѣчивыя слова, самыя сердечныя и теплыя обращенія.

Искусству управлять душами человѣческими и съ успѣхомъ вести ихъ по путямъ нравственной жизни научаютъ не внѣшнія механическія регулы, не школьная методика и практика, а сердце, полное любви и ревности о спасеніи братій. Опытности въ этомъ дѣлѣ не даетъ школа, какъ бы ни была она хорошо поставлена, а одна жизнь. Если нужны здѣсь какія либо вспомогательныя средства, могущія подготовлять способнаго и вліятельнаго дѣятеля, то пусть юноши, готовящіеся быть пастырями душъ, ищутъ ихъ не внѣ, а внутри самихъ себя. Пусть они пріучаютъ заботиться о себѣ и о своей душѣ, пусть внимательно наблюдаютъ надъ своимъ собственнымъ сердцемъ, пусть испытываютъ свою совѣсть, пусть борются съ соблазнами и страстями, уклоняющими ихъ отъ пути добра и закона, пусть стараются воспитать въ себѣ человѣка по духу Божію. Собственный опытъ, усердныя заботы о собственномъ нравственномъ очищеніи и усовершенствованіи—лучшая наука, лучшая практика, изъ которой можно почерпнуть умѣнье успѣшно и благотворно дѣйствовать на умы и сердца другихъ людей. Кто умѣетъ управлять своею душею, тотъ чрезъ то самое съумѣетъ

хорошо дѣйствовать и на души другихъ людей. Такой приступаетъ къ дѣлу нравственнаго воспитанія пасомыхъ съ богатствомъ нужнаго ему для этого опыта. Душа человѣческая есть какъ бы многосложный инструментъ: кто научился играть на этомъ инструментѣ и владѣть имъ у себя дома, тотъ совладѣетъ съ этимъ инструментомъ, когда приставятъ его къ нему среди чужаго собранія.

Кромѣ собственнаго опыта здѣсь много можетъ помогать вниманіе къ опыту другихъ, въ особенности вниманіе къ опыту лицъ, заявившихъ себя сильнымъ и благотворнымъ нравственно-воспитательнымъ вліяніемъ на другихъ. У кого учиться умѣнью вести дѣло нравственнаго воспитанія пасомыхъ юношамъ, готовящимся къ пастырскому служенію, какъ не у тѣхъ пастырей, которые славятся своею пастырскою дѣятельностію и могутъ служить въ этомъ отношеніи образцомъ для другихъ? Въ этомъ отношеніи весьма полезны и могли бы быть рекомендуемы—нарочитыя путешествія кандидатовъ священства въ тѣ мѣстности, гдѣ есть усердные дѣятели—пастыри, съ цѣлію ознакомленія съ ними и ближайшаго наблюденія надъ ихъ дѣятельностію, въ видахъ извлеченія практической пользы для себя изъ ихъ примѣра. Такъ дѣлали въ древней вселенской Церкви люди, глубоко принимавшіе къ сердцу долгъ пастырскаго служенія, имъ на себя воспринимаемаго. Такая практика встрѣчалась и встрѣчается на Западѣ со стороны лицъ, полныхъ благочестивой ревности и желанія послужить благу и спасенію ближнихъ.

IV.

Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы до поступленія на мѣсто.

1. Взглядъ на порядокъ вещей, узаконившій переходное время для кандидатовъ священства, окончившихъ курсъ школьнаго образованія.

Прежде, лѣтъ двадцать назадъ, для кандидатовъ священства у насъ не было узаконеннаго средняго времени между окончаніемъ ими школьнаго курса, и поступленіемъ ихъ на приходъ или рукоположеніемъ во священника. Кончивши курсъ семинаріи, молодой человѣкъ, имѣющій въ виду священническое служеніе, спѣшилъ какъ можно скорѣе занять какое либо мѣсто, и нерѣдко еще въ семинаріи намѣчалъ себѣ приходъ, на который просился тотчасъ же по полученіи семинарскаго аттестата. Такой порядокъ вещей, дававшій кандидатамъ священства возможность и право прямо со школьной скамьи переходить на священническое мѣсто, считался совершенно нормальнымъ, и ему слѣдовали не только молодые люди, предназначавшіе себя къ священству, но и епархіальныя власти, въ вѣдѣніе которыхъ поступали кончившіе курсъ семинаріи. Если же кому изъ кончившихъ курсъ семинаристовъ не удавалось получить скоро священническаго мѣста, за многолюдствомъ кандидатовъ священства, во многихъ епархіяхъ далеко превышавшихъ количество открывающихся священническихъ вакансій, то въ жизни такихъ людей, принужденныхъ ждать себѣ

мѣста болѣе или менѣе продолжительное время, открывалась пустота, которую они не знали какъ наполнить,—наступалъ періодъ, въ теченіе котораго они почти никуда не прилагали своихъ знаній и сидѣли, сложа руки, въ ожиданіи своей счастливой судьбы. Дни, мѣсяцы и годы проходили большею частію въ полной праздности. Кандидаты священства забывали то, что давала имъ школа, и отъ бездѣлья, отъ не желанія или неумѣнья взяться за что нибудь полезное доходили до апатіи и нравственной запущенности. Мы знали нѣсколькихъ юношей—богослововъ, которые въ школѣ обѣщали изъ себя бодрыхъ дѣятелей, преданныхъ долгу званія, ихъ ожидающаго, но которые въ промежуточный періодъ томительнаго ожиданія мѣста совершенно, такъ сказать, запустили свою духовную природу, нажили себѣ грубоватыя не похвальныя привычки и понизились нравственно. Душа ихъ своимъ состояніемъ напоминала стоячую воду, покрытую плѣсенью, или заброшенное поле, заросшее разными сорными травами.

Законоположеніями 1869 года измѣненъ прежде существовавшій порядокъ вещей, и для кандидатовъ священства установленъ довольно значительный промежуточный періодъ между окончаніемъ курса школьнаго ученія и поступленіемъ на мѣсто священника,—періодъ, котораго прежніе богословы—семинаристы такъ же боялись, какъ природа боится пустаго пространства. По новымъ законоположеніемъ не дозволяется рукополагать во священника только что кончившаго курсъ семинаріи. Требуется отъ кандидата священства достиженіе извѣстнаго возраста для того, чтобы онъ имѣлъ право получить священный санъ, и соблюденіе должной постепенности въ восхожденіи по степенямъ церковно-іерархическихъ должностей. Нынѣ, по Высочайше утвержденнымъ положеніямъ 16 апрѣля 1869 года, богословъ не съ разу, со школьной скамьи, дѣлается священникомъ, а сначала долженъ прослужить нѣсколько лѣтъ въ званіи псаломщика; по достиженіи двадцатипятилѣтняго возраста онъ можетъ быть

посвящонъ въ діакона; а къ священству долженъ допускаться уже по достиженіи тридцатилѣтняго возраста. Изъятіе изъ этого закона допускается по отношенію къ кончившимъ курсъ духовныхъ академій, которые тотчасъ по окончаніи курса могутъ быть рукополагаемы во священники, и по отношенію къ тѣмъ изъ окончившихъ курсъ семинаріи, которые не менѣе трехъ лѣтъ съ одобреніемъ прослужатъ учителями въ духовныхъ, народныхъ или церковно-приходскихъ училищахъ. Законъ этотъ не выполняется со всею строгостію; но при всѣхъ послабленіяхъ, съ какими онъ приводится въ исполненіе, для кандидатовъ священства имъ созданы опредѣленныя условія, съ которыми они не могутъ не считаться въ жизни. Для нихъ существуетъ переходное время, котораго они не могутъ миновать, по выходѣ изъ школы, предназначая себя къ священническому служенію.

Тяжелымъ показался этотъ новый порядокъ вещей, въ особенности при первомъ его введеніи въ жизнь, свыкшуюся съ прежними льготными условіями. Онъ усложнялъ и удлинялъ прежній путь приготовленія къ священству, установившійся съ образованіемъ духовной спеціальной школы, и ставилъ на этомъ пути такія затрудненія, какихъ не испытывали кандидаты священства, вышедшіе изъ семинарій до шестидесятыхъ годовъ. Богослову въ особенности непріятно чувствовалась необходимость проходить къ священству чрезъ должность псаломщика. Должность эта у насъ обставлена не совсѣмъ выгодно, и небольшимъ почетомъ пользовалась въ нашемъ общественномъ мнѣніи. Прежде люди, занимавшіе эту должность, назывались дьячками и пономарями, и всѣмъ извѣстно,какою невысокою репутаціею пользовались люди, носившіе это имя. Лестно ли было богослову быть дьячкомъ или пономаремъ, хотя бы подъ новымъ облагороженнымъ названіемъ псаломщика? И отправленія, связанныя съ этою должностію, такъ малозначительны, что для выполненія ихъ не нужно особеннаго образованія. Для того ли (думали окончившіе

курсъ кандидаты священства) мы учились болѣе десяти лѣтъ, и слушали разныя науки, чтобы быть дьячками? Для этого могутъ быть пригодны люди, получившіе образованіе дома, или вышедшіе изъ низшаго училища.

Не отрицаемъ того, что на практикѣ новый порядокъ вещей привносилъ съ собою много жесткаго и шероховатаго, вслѣдствіе нажитыхъ исторіею условій, подвергавшихся измѣненію. Не легко стать въ низменное и неказистое положеніе дьячка человѣку, привыкшему много думать о своемъ образованіи и смотрѣть свысока на низшія церковно-служительскія должности. Но въ идеѣ этотъ порядокъ вещей имѣетъ за себя слишкомъ много основаній. Онъ, собственно говоря, не есть новый порядокъ, а возстановленіе стараго порядка, существовавшаго въ древней вселенской Церкви. Прежде, въ древней Церкви, избираемые или желающіе быть служителями Церкви, по обыкновенному порядку вещей, не ставились прямо священниками, а начинали свое церковное служеніе съ низшаго знанія чтеца или анагноста, соотвѣтствующаго званію нашего псаломщика, и въ этомъ званіи пребывали нѣсколько лѣтъ; затѣмъ ихъ руковолагали въ діаконы, и въ этомъ санѣ діакона они оставались не два дня и не недѣлю, какъ это бываетъ съ нынѣшними кандидатами священства, а опять нѣсколько лѣтъ; и уже послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго служенія на низшихъ степеняхъ клира людей зрѣлыхъ и испытаныхъ возводили на степень пресвитера. Этому порядку вещей подчинялись не простые только люди, не имѣвшіе никакого авторитета и не отличавшіеся образованіемъ, но и люди высокихъ фамилій, съ большимъ успѣхомъ кончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, усвоившіе себѣ все богатство современнаго знанія и имѣвшіе имя въ литературѣ. Напримѣръ, св. Василій Великій принялъ званіе чтеца, побывавши въ нѣсколькихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и окончивши блистательно курсъ въ знаменитой тогда аѳинской школѣ,

когда предъ нимъ, при его знатномъ происхожденіи, открывалась видная карьера, и въ этомъ званіи пробылъ до пяти лѣтъ. Будучи чтецомъ, онъ пріобрѣлъ извѣстность въ Церкви, какъ сильный защитникъ православія: въ званіи чтеца имъ написаны славныя слова его противъ Евномія. Въ пресвитеры онъ рукоположенъ, когда ему было тридцать пять лѣтъ отъ роду. Другой знаменитый отецъ Церкви, св. Іоаннъ Златоустъ еще съ большею постепенностію, чѣмъ св. Василій Великій, шелъ по лѣствицѣ церковно-іерархическихъ должностей. Окончивши курсъ въ школѣ Ливанія, отличавшійся большими талантами, св. Іоаннъ предназначался своимъ учителемъ въ преемники себѣ, и учитель, цѣнившій его талантъ, предсказывалъ ему блестящую будущность. Но послѣ нѣсколькихъ успѣшныхъ опытовъ на поприщѣ ораторскомъ и адвокатскомъ, св. Іоаннъ Златоустъ оставляетъ свѣтское поприще и будучи двадцати трехъ лѣтъ поставляется на должность чтеца церковнаго, и не стыдится носить носить это званіе болѣе десяти лѣтъ; затѣмъ болѣе пяти лѣтъ онъ служитъ діакономъ при антіохійскомъ епископѣ, и санъ пресвитера принимаетъ, когда ему было уже около сорока лѣтъ. Возрастъ весьма почтенный, дающій право на занятіе высокихъ должностей, особенно при той силѣ духа, какою отличался св. Іоаннъ Златоустъ, при той высотѣ таланта, какою онъ ущедренъ былъ отъ Бога, и при той широтѣ образованія, какою онъ превосходилъ своихъ сверстниковъ. Между тѣмъ св. Іоаннъ въ первой бесѣдѣ, сказанной по рукоположеніи въ пресвитера, называетъ себя убогимъ *юношею*, и выражаетъ большое смущеніе и изумленіе по поводу того, что онъ, слабый и неопытный юноша, *вознесенъ на толикую высоту начальства* [1]). Подобное медленное восхожденіе по степенямъ

---

[1]) Св. Іоанна Златоуса 1 бесѣда по рукоположеніи его во пресвитера, стр. 1.

іерархической лѣствицы замѣчается и въ жизни другихъ отцовъ вселенской Церкви.

Эта постепенность возведенія служителей Церкви по степенямъ іерархической лѣствицы, и возведенія не спѣшнаго,—не дѣло только благочестиваго обычая христіанской древности. Она предписана и правилами св соборовъ, которые желали и постановили, чтобы на высшія степени церковныя возводимы были только лица испытанныя, доказавшія свою способность проходить извѣстную церковную должность добрымъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ, прохожденіемъ низшей должности. Такое постановленіе св. соборы простирали не на простыхъ только людей, но и на ученыхъ. Такъ мы читаемъ въ 10 правилѣ Сардикійскаго собора: „*Подобаетъ со всякою точностію и тщаніемъ наблюдати, да богатый кто либо, или ученый, отъ свѣтскаго служенія, удостоиваемый епископомъ быти, не прежде поставляется, развѣ когда совершитъ служенія чтеца, и діакона, и пресвитера, дабы проходя чрезъ каждую степень, аще достойнымъ признанъ будетъ, могъ взыти на высоту епископства. Очевидно же, что для каждой степени чина должно быть предоставлено не слишкомъ малое время, въ продолженіе котораго могли бы усмотрѣны быти его вѣра, благонравіе, постоянство и кротость, и онъ, бывъ признанъ достойнымъ божественнаго священства, получилъ бы величайшую честь. Ибо не прилично, дерзновенно и легкомысленно приступати къ тому, чтобы поспѣшно поставляти или епископа, или пресвитера, или діакона: и ни знаніе, ни поведеніе не даетъ на сіе права. Понеже таковаго по справедливости почли бы весьма новымъ* (1 Тим. III, 6) *и не утвержденнымъ, наипаче, когда и блаженнѣйшій Апостолъ, который учителемъ языковъ былъ, является возбраняющимъ скорыя поставленія въ церковныя степени: поелику дознаніе въ долгайшее время достовѣрнѣе показати можетъ и повс-*

деніе и правъ каждаго. Рекли всѣ, яко имъ сіе угодно, и сего нарушати отнюдь не должно. Тоже самое постановлено и на Константинопольскомъ соборѣ, именуемомъ двукратнымъ, который, *прилагая попеченіе о соблюденіи во всемъ церковнаго благочестія,* и видя, что *нѣкоторые изъ монашествующихъ или мірскихъ, по требованію нужды, были вскорѣ,* безъ испытанія прежде въ церковныхъ степеняхъ, *удостоиваемы епископскія чести,* опредѣлилъ (17 правило) *отнынѣ сему уже не быти: но правильно рукополагаемый да пройдетъ чрезъ всѣ степени священства, исполняя въ каждомъ положенное закономъ время.*

Далѣе, соборами прямо опредѣлено, какой возрастъ должны имѣть люди, удостоиваемые священнаго сана, именно соборными правилами возбраняется рукополагать въ священники ранѣе достиженія тридцатилѣтняго возраста ищущихъ священства, а въ діаконы ранѣе достиженія двадцатипятилѣтняго возраста. Наши новыя законоположенія не новую тягость налагаютъ на кандидатовъ священства своими требованіями, а возстановляютъ бывшее въ древней практикѣ Церкви и потомъ забытое въ послѣдующей жизни. Такъ въ 14 правилѣ шестаго вселенскаго собора мы читаемъ: *Правило святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ да соблюдается и въ семъ: дабы во пресвитера прежде тридесяти лѣтъ не рукополагати, аще бы человѣкъ и весьма достоинъ былъ, но отлагать до уреченныхъ лѣтъ. Ибо Господь Іисусъ Христосъ въ тридесятое лѣто крестился, и началъ учити. Подобно и діаконъ прежде двадесятипяти лѣтъ... да не поставляется.* Къ этому 15 правило того же собора, опредѣливъ двадесятилѣтній возрастъ для иподіакона, прибавляетъ: *Аще же кто, въ какую бы то ни было священную степень, поставленъ будетъ прежде опредѣленныхъ лѣтъ: да будетъ изверженъ.* Вселенскій соборъ не вновь постановилъ это правило: онъ только утвердилъ то, что гораздо раньше (въ началѣ IV вѣка) было постановлено на помѣстныхъ

соборахъ,—касательно лѣтъ рукополагаемаго во священники на соборѣ Неокесарійскомъ (11 правило) и касательно лѣтъ діакона на соборѣ Карѳагенскомъ (22 правило). Эти соборныя правила приняты были и подтверждены нашею русскою Церковію. Такъ на Владимірскомъ соборѣ 1274 года постановлено возводить на церковныя степени постепенно: сначала постричь въ причетника, съ установленными молитвами. Впослѣдствіи уже онъ можетъ быть рукоположенъ въ діакона, когда достигнетъ 25 лѣтъ, и въ священника, когда будетъ 30 лѣтъ. Такія постановленія, согласныя съ опредѣленіями древней вселенской Церкви, долгое время были руководственными началами въ нашей церковной практикѣ. Измѣненія въ этой практикѣ послѣдовали, когда учреждены были духовныя школы, и когда Духовнымъ Регламентомъ опредѣлено было *не ставить въ священники и діаконы ни единаго, который въ школѣ дому архіерейскаго не наставленъ есть* 1). Исключеніе изъ правилъ, т. е. возведеніе въ церковныя степени діакона и священника ранѣе опредѣленнаго соборами срока допущено было только по отношенію къ людямъ, кончившимъ курсъ духовной школы, приготовлявшей къ священству, и это сдѣлано было въ тѣхъ видахъ, чтобы расположить къ поступленію въ духовныя школы лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію. Когда мало было лицъ, получившихъ въ школѣ образованіе, требуемое для достойнаго выполненія священническаго служенія, льгота для обучавшихся въ школахъ кандидатовъ священства, соединенная съ отступленіемъ отъ древняго церковнаго правила, могла имѣть свое значеніе. Но нужно ли удерживать эту льготу, когда всѣми сознана нужда образованія, и когда есть вполнѣ достаточное количество образованныхъ кандидатовъ священства?

Конечно, не совсѣмъ пріятно положеніе человѣка, кончившаго курсъ семинаріи и принужденнаго нѣсколько лѣтъ ожидать

---

1). Дух. Регл. Прибавленіе о правилахъ причта церковнаго и чина монашескаго 1.

себѣ священническаго мѣста. Но мы не должны думать, что въ другихъ странахъ легче достаются мѣста, соотвѣтствующія нашимъ священническимъ мѣстамъ: сразу, вслѣдъ за окончаніемъ курса школы, нигдѣ не дѣлаютъ молодыхъ людей пастырями. Въ Германіи, напримѣръ, каждый кандидатъ на мѣсто пастора обязательно долженъ кончить курсъ въ богословскомъ факультетѣ какого либо университета; но и этотъ, окончившій курсъ университета, кандидатъ богословія, долженъ пройти нѣсколько мытарствъ въ ожиданіи себѣ пасторскаго мѣста. Если онъ окончилъ курсъ въ университетѣ, выдержалъ факультетскій экзаменъ и получилъ степень кандидата богословія, онъ чрезъ то еще не получилъ права на занятіе прихода. У него впереди еще нѣсколько экзаменовъ. Прежде всего онъ долженъ выдержать экзаменъ предъ суперъ-интендентомъ епархіи, къ какой принадлежитъ онъ по своему происхожденію. Главное дѣло суперъ-интендентскаго экзамена—проповѣдь: кандидатъ богословія долженъ сказать проповѣдь, во исполненіе требованій этого экзамена, на указанный ему текстъ; но кромѣ проповѣди полагается и устное испытаніе въ знаніи предметовъ, входящихъ въ кругъ богословской спеціальности. Послѣ удовлетворительной сдачи экзамена предъ суперъ-интендентомъ окончившій курсъ студентъ богословскаго факультета вносится въ списокъ кандидатовъ на занятіе какого либо пасторскаго мѣста, и начинаетъ практически подготовляться къ сану священника или у избраннаго имъ настоятеля прихода, или въ особой проповѣднической семинаріи. Чрезъ два года, по окончаніи курса, кандидату богословія предстоитъ новый экзаменъ pro ministerio. Онъ входитъ съ прошеніемъ въ консисторію о томъ, чтобы его допустили къ экзамену на должность; консисторія можетъ требовать отъ него этого экзамена и раньше. И вотъ онъ держитъ новый экзаменъ предъ консисторіею: экзаменъ этотъ ограничивается теоретическою областію и мало имѣетъ отношенія къ будущему званію и обязанностямъ пастора. За этимъ экзаменомъ слѣдуетъ поставленіе въ пастора или посвященіе

(ordinatio). Но это посвященіе не соединяется съ поступленіемъ на приходъ и даетъ только титло священика и право на занятіе какого либо прихода. Этого прихода ищетъ самъ кандидатъ на пастора, хотя и получившій уже посвященіе. И община, ищущая пастора, не прямо принимаетъ къ себѣ того, кто къ ней является, или кого къ ней посылаютъ: она тоже подвергаетъ кандидатовъ на мѣсто пастора нѣкоторому испытанію. Въ присутствіи ея ищущіе мѣста кандидаты должны произнесть нѣчто въ родѣ пробныхъ проповѣдей, и она избираетъ изъ нихъ достойнѣйшаго или того, кто ей покажется лучше. Если кандидатъ долго не получаетъ мѣста, на которое пріобрѣлъ право, его могутъ подвергнуть новому полному испытанію, или по крайней мѣрѣ потребовать отъ него, чтобы въ особомъ коллоквіумѣ предъ консисторіею онъ доказалъ свои достаточныя познанія въ области богословскихъ предметовъ.

Такимъ образомъ въ протестантствѣ у студента богословія очень значительный промежуточный періодъ между окончаніемъ университетскаго курса и водвореніемъ на мѣсто. Въ этотъ промежуточный періодъ положеніе кандидатовъ богословія, не обезпеченныхъ независимымъ состояніемъ, какихъ въ Германіи громадное большинство,—очень незавидное. Многіе изъ нихъ живутъ въ чужомъ домѣ въ качествѣ домашняго учителя какого либо зажиточнаго человѣка; другіе поступаютъ учителями въ приходскую или народную школу, и за свои занятія въ школѣ получаютъ довольно скудное вознагражденіе; третьи заводятъ школу въ какомъ либо бѣдномъ городкѣ или селеніи, и эти частныя школы далеко не всегда удаются, большею частію еле влачатъ свое существованіе. Четвертые, послѣ испытанія предъ коллегіею учителей гимназіи, получаютъ мѣсто ректора или правителя въ городской школѣ,—мѣсто, не очень щедро вознаграждаемое, и если ректоръ школы семейный чѣловѣкъ, то онъ чувствуетъ себя большею частію въ крайне стѣсненномъ положеніи. Иные изъ кандидатовъ богословія, получившихъ посвященіе, до полученія

прихода, поступаютъ въ викаріи къ какому либо пастору, который желаетъ имѣть себѣ помощника или потому, что за слабостію силъ затрудняется исполнять свою обязанность, или просто потому, что не желаетъ отягощать себя излишними трудами и, пользуясь хорошими доходами и бенефиціями, предоставляетъ наемному человѣку дѣлать возложенное на него дѣло, за что удѣляетъ ему небольшую часть изъ своего содержанія. Викаріи получаютъ около 300 рублей на наши деньги, и будучи въ совершенной зависимости отъ пастора, находятъ себя вынужденными подчиняться не только справедливымъ ихъ требованіямъ, но и капризамъ.

Кандидаты богословія, ожидающіе себѣ прихода, находятся подъ наблюденіемъ декана округа,—должность, соотвѣтствующая должности нашего благочиннаго, Деканъ наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ и научными занятіями; каждую четверть года они должны представлять ему по проповѣди, и по крайней мѣрѣ разъ въ годъ проповѣдывать въ его присутствіи. Деканъ въ концѣ каждаго года представляетъ консисторіи вѣдомость о кандидатахъ своего округа съ аттестаціею объ ихъ поведеніи, занятіяхъ и способности къ дѣлу, къ какому они готовились.

Независимо отъ соборныхъ постановленій, практики древней Церкви и примѣра другихъ странъ, самая сущность дѣла не располагаетъ къ утвержденію обычая возводить въ священники молодыхъ людей прямо по окончаніи школьнаго курса. Священнику издревле присвоено названіе пресвитера, что въ переводѣ съ греческаго значитъ старѣйшій или старѣйшина. Прилично ли это почтенное званіе молодому двадцатилѣтнему юношѣ, какимъ является выходящій изъ семинаріи кандидатъ священства? Священникъ отецъ, учитель и руководитель всѣхъ въ своемъ приходѣ. Кромѣ знанія, выносимаго изъ школы, необходимъ нравственный авторитетъ въ лицѣ священника, который бы могъ внушить почтеніе къ нему и малымъ и старымъ, и этотъ авто-

ритетъ скорѣе можетъ быть у человѣка болѣе или менѣе зрѣлыхъ лѣтъ, чѣмъ у только что начинающаго жить самостоятельною жизнію. Можетъ ли быть отцомъ и для людей, убѣленныхъ сѣдинами, человѣкъ, у котораго почти не опушились еще ланиты, хотя бы онъ и надѣлъ рясу? И не будетъ ли онъ чувствовать нѣкоторой неловкости, когда его будутъ называть батюшкою люди, по лѣтамъ могущіе быть не только его отцомъ, но и дѣдомъ? Наставительный голосъ пастыря будетъ всегда внушительнѣе, если онъ выходитъ не отъ школьника, а отъ человѣка, болѣе или менѣе умудреннаго лѣтами и опытностію.

Мы приведенными выше соображеніями хотѣли примирить кандидатовъ священства съ новымъ положеніемъ, отдаляющимъ для нихъ время полученія священства, такъ часто возбуждавшимъ ропотъ противъ себя. Не знаемъ, убѣдительны ли были наши показанія для тѣхъ, которые чувствуютъ нѣкоторую тяжесть новаго порядка вещей въ сравненіи съ прежнимъ, не такъ давно существовавшимъ. Но намъ кажется весьма ясною его законность и естественность. Впрочемъ, какъ бы то ни было, какъ скоро существуетъ промежуточный періодъ для вышедшаго изъ семинаріи до полученіи священническаго мѣста, волею или не волею нужно подчиняться этому порядку вещей, и самъ собою при этомъ возникаетъ вопросъ: какъ долженъ проводить этотъ періодъ кандидатъ священства, поставленный въ такое или иное положеніе, въ званіе ли псаломщика или діакона, или въ званіе учителя народнаго или церковно-приходскаго училища?

2, На что лучше употреблять время кандидату священства въ промежуточный періодъ?

Гдѣ бы ни былъ кандидатъ священства по выходѣ изъ школы, вездѣ и всегда онъ долженъ помнить свое будущее назначеніе и продолжать то приготовленіе къ нему, о какомъ прежде заботилась школа. Онъ не долженъ забрасывать и скрывать подъ спудомъ тотъ умственный капиталъ, какимъ снабдила

его школа: онъ долженъ всячески беречь и по возможности пріумножать его. Было бы въ высшей степени дурно и не достойно его, еслибы онъ оставилъ книгу, какъ вещь, ему уже не нужную и надоѣвшую въ школѣ, какъ это иногда случалось видѣть. Его долгъ вести далѣе дѣло научнаго образованія по тому пути, какой указала ему школа: только теперь самостоятельно и по собственному усердію онъ долженъ заниматься тѣмъ, чѣмъ прежде занимался подъ руководствомъ наставниковъ и по требованію школы. Не оставляя общаго образованія, слѣдя по возможности за важнѣйшими явленіями литературы, главное вниманіе онъ долженъ сосредоточить на той богословской спеціальности, знакомство съ которою существенно важно въ дѣлѣ будущаго его служенія, и въ которой онъ каждому вопрошающему долженъ будетъ дать надлежащій отвѣтъ. Въ школѣ онъ могъ не имѣть времени прочитать много замѣчательныхъ произведеній по разнымъ отраслямъ богословской науки. Теперь, въ свободное время, онъ долженъ принять мѣры къ тому, чтобы непосредственно ознакомиться съ этими сочиненіями, и если представляется ему случай имѣть ихъ подъ руками, онъ не долженъ опускать этого случая. Слыхалъ онъ о великихъ отцахъ, вселенскихъ учителяхъ Церкви, но не знакомъ непосредственно съ ихъ твореніями. Прямой долгъ его восполнить это знакомство: отеческая литература, по своей важности въ церковной жизни и по ея руководительному значенію для позднѣйшихъ богослововъ, должна быть для него предметомъ особеннаго вниманія. Ему могутъ быть неизвѣстны въ подлинникѣ правила апостольскія, правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и святыхъ отцевъ; а между тѣмъ они имѣютъ законодательное значеніе въ нашей Церкви, и знаніе ихъ необходимо для пастыря Церкви, желающаго право править слово истины. Пробѣловъ въ знаніи очень много и у усерднаго студента семинаріи. Время по выходѣ изъ школы должно быть употреблено на то, чтобы восполнить эти пробѣлы и запастись всѣмъ, нужнымъ для успѣшнаго и плодотворнаго служенія Церкви и паствѣ.

Едва ли кандидаты священства свое уклоненіе отъ самообразованія и продолженія ученія могутъ оправдывать ссылкою на то, что трудно достать имъ потребныя книги. Нынѣ книга получила большое распространеніе, и даже въ захолустьи она не является рѣдкостію. Если у него самого нѣтъ средствъ на пріобрѣтеніе книгъ, къ его услугамъ могутъ быть открыты библіотеки церковныя, благочинническія, епархіальныя и библіотеки частныхъ лицъ, разсѣянныя по разнымъ уголкамъ нашего отечества. Намъ кажется, горячее усердіе къ умственному труду,—лишь бы оно было у кандидата священства,—всегда найдетъ и съумѣетъ достать необходимое для себя.

Съ особенною пользою можно воспользоваться кандидату священства промежуточнымъ періодомъ для практическаго приготовленія къ исполненію обязанностей, возлагаемыхъ на пастыря Церкви, котораго въ надлежащей полнотѣ не можетъ дать школа. Проповѣдь, — одно изъ главныхъ дѣлъ пастыря — учителя,—не дѣлается у насъ обязательною для кандидата священства, по выходѣ изъ школы, какъ это дѣлается въ Германіи, гдѣ, какъ мы говорили, каждый кандидатъ священства, имѣющій въ виду занять мѣсто пастора, долженъ представить до четырехъ проповѣдей въ годъ, а нашъ семинаристъ, по окончаніи курса до поступленія на мѣсто, можетъ не сказать и не написать ни одной проповѣди, хотя бы промежуточный періодъ длился до пяти, шести или даже десяти лѣтъ. Но такъ не должно бы быть, и если въ этомъ отношеніи наши порядки и обычаи освобождаютъ кандидатовъ священства отъ всякихъ обязательствъ, то сознаніе ихъ долга и важности этого дѣла должно бы побуждать ихъ не оставлять безъ вниманія проповѣдническаго или учительскаго искусства. Могъ бы проповѣдывать кандидатъ священства въ Церкви того мѣста, гдѣ приходится ему жить, съ благословенія настоятеля прихода; могъ бы вести съ народомъ внѣбогослужебныя или частныя домашнія бесѣды о предметахъ вѣры и благочестія. Могъ бы изучать онъ лучшихъ проповѣд-

никовъ, изъ примѣра которыхъ можно научиться достойному веденію учительскаго дѣла, у которыхъ можно заимствовать добрый духъ и истинное направленіе христіанскаго учительства и умѣнье говорить словомъ незазорнымъ, но въ тоже время сильнымъ и дѣйствительнымъ. Не безъ значенія здѣсь для него могло бы быть ознакомленіе съ нуждами народа, съ его воззрѣніями и понятіями, съ его суевѣріями и заблужденіями, съ его языкомъ и образомъ пониманія. Живя среди народа, онъ безъ особеннаго труда можетъ добыть такое знаніе, какого не въ состояніи дать ему школа. Между тѣмъ это пониманіе нуждъ народа и образа его воззрѣнія весьма важно и необходимо для того, чтобы умѣть говорить то, что наиболѣе для него пригодно, и говорить близко и понятно его сердцу. Наши школьныя проповѣди большею частію отвлеченны и формальны, и часто бьютъ по воздуху, но не ложатся на сердца народа. Отъ этого недостатка можетъ освободить ихъ тотъ живой опытъ, какой каждый кандидатъ священства можетъ имѣть, вращаясь въ кругу тѣхъ людей, для которыхъ со временемъ онъ будетъ пастыремъ.

Можно воспользоваться промежуточнымъ періодомъ для приготовленія къ лучшему исполненію обязанности нравственно-религіознаго руководителя и воспитателя народа, возлагаемаго на пастыря. Опытъ лучшій учитель въ этомъ случаѣ, и кандидату священства нужно заботиться обогатить себя разностороннимъ опытомъ до времени принятія на себя трудныхъ обязанностей священства. Душа народа та почва, которую будетъ призванъ воздѣлывать кандидатъ священства. Заблаговременно нужно узнать эту почву, чтобы умѣть справиться съ нею, чтобы видѣть, чего она требуетъ, что въ ней можно насаждать, что нужно искоренять, и какія орудія и средства потребны для ея обработыванія. И вотъ пусть кандидатъ священства, вышедши изъ школы, поставленный на поприщѣ жизни, изучаетъ народъ, съ которымъ ему придется жить, и который нужно будетъ воспиты-

вать для царствія Божія, пусть знакомится съ тѣмъ условіями, какими обставлена жизнь его, и съ тѣми чувствами, какія онъ питаетъ въ душѣ своей. Безъ этого знакомства съ народомъ нельзя ожидать отъ него умѣлаго и благотворнаго дѣйствія на него. Но опытъ, какимъ онъ можетъ себя обогащать, не долженъ ограничиваться одною стороною,—изученіемъ почвы, которую придется ему воздѣлывать. Не менѣе важно и полезно для него ознакомленіе съ тѣми дѣятелями, которые ранѣе его выступили на дѣло пастырскаго служенія, и съ успѣхомъ подвизаются на нивѣ Божіей, ввѣренной ихъ попеченію. Сношеніе съ пастырями, снискавшими себѣ любовь и уваженіе своей паствы и умѣющими дѣйствовать на народъ, изученіе ихъ духа, внимательное присматриваніе къ методѣ ихъ пастырскаго обращенія,—это не могло бы остаться безъ пользы для молодаго человѣка, имѣющаго въ виду выступить на тотъ же путь, по которому твердою и испытанною поступью идутъ его предшественники. Большое счастіе для кандидата священства, если въ періодъ ожиданія прихода онъ видитъ предъ собою пастырей сильныхъ и опытныхъ, преданныхъ всецѣло дѣлу своего служенія, заботящихся о нравственномъ благѣ своего народа, и видящихъ плоды своихъ трудовъ. Еще большее счастіе для него, если эти опытные, энергическіе и вліятельные пастыри готовы дѣлиться съ будущимъ собратомъ своимъ своими наблюденіями, замѣчаніями и совѣтами. Бесѣды такого пастыря значительно могли бы восполнить тотъ пробѣлъ въ практическомъ приготовленіи къ священству, какой болѣе или менѣе замѣтенъ у всякаго кандидата священства, довольствующагося однимъ школьнымъ званіемъ.

3. Кандидатъ священства въ должности псаломщика.

По намѣренію законодателя, самое пригодное мѣсто для кандидата священства мѣсто псаломщика. У насъ избѣгаютъ этого мѣста кончившіе курсъ семинаріи, считая его унизительнымъ

для себя. Но мысль законодателя, желавшаго призвать образованныхъ людей къ исполненію должности псаломщика, къ тому направлена, чтобы облагородить и возвысить эту должность. И можно надѣяться, что образованный человѣкъ, занявъ псаломщическую должность, своимъ личнымъ характеромъ и достоинствами, своимъ образованіемъ и разумною дѣятельностію заставитъ уважать себя и на этомъ мѣстѣ. Если образованные молодые люди цѣлыми десятками или сотнями будутъ являться на мѣстахъ псаломщиковъ, и будутъ вести себя на нихъ, какъ прилично вести себя людямъ образованнымъ, то самъ собою перемѣнится взглядъ на мѣсто, которымъ нынѣ пренебрегаютъ, и на которое емотрятъ свысока. Тяжело первымъ рѣшиться вступить на посту, считавшійся прежде непривычнымъ и казавшійся унизительнымъ для образованнаго человѣка. Второму поколѣнію будетъ легче идти по проторенному уже пути, и мы думаемъ, вовсе не стыдно было бы нашимъ семинаристамъ поступать до времени священства въ псаломщики, еслибы, какъ въ древней Церкви, принимали эту должность люди съ образованіемъ, равнымъ образованію Василія Великаго, Іоанна Златоуста и Григорія Нисс[illegible]го. Не должно пугать мѣсто псаломщика кандидатовъ свяще[illegible] скудостію содержанія. На первыхъ порахъ можно дово[illegible]ться и малымъ обезпеченіемъ. Притомъ человѣкъ съ обра[illegible]ованіемъ и на должности псаломщика найдетъ себѣ занятія, напримѣръ педагогическія, которыя къ прежнему содержанію псаломщика прибавятъ нѣчто новое, чего не могли имѣть не имѣвшіе образованія дьячки. Впрочемъ съ идеальной точки зрѣнія эти матеріальные разсчеты не должны бы имѣть слишкомъ большаго рѣшающаго значенія у того человѣка, который, по званію пастыря, долженъ будетъ учить народъ заботиться больше о душѣ и ея спасеніи, чѣмъ о внѣшнихъ выгодахъ, и въ жизни умѣть довольствоваться малымъ и спокойно переносить разныя лишенія въ надеждѣ на благое Провидѣніе, неусыпно о всѣхъ пекущееся.

Образованный кандидатъ священства въ должности псаломщика не долженъ пренебрежительно относиться къ тѣмъ обязанностямъ, какія соединяются съ этою должностію, считая ихъ какъ бы ниже себя и своего образованія. Напротивъ, вслѣдствіе своего образованія и развитаго сознанія долга, онъ будетъ исполнять ихъ со всевозможнымъ раченіемъ и усердіемъ, чтобы не показаться хуже неученыхъ дьячковъ и не подать повода къ нареканію на себя и къ осужденію того образованія, которое не сдѣлало его лучше простаго дьячка. Въ нашей Церкви нѣтъ толковаго и разумнаго чтенія, чему виною необразованіе нашихъ чтецовъ церковныхъ. Можно надѣяться, что это дѣло будетъ поставлено совершенно иначе, когда къ нему будутъ приставлены люди развитые и понимающіе. При ученыхъ псаломщикахъ совершеніе богослуженія должно быть приличнѣе и достойнѣе, чѣмъ каково оно при псаломщикахъ простыхъ, часто не разумѣющихъ того, что они должны читать.

Образованный псаломщикъ не ограничитъ своего дѣла однимъ пѣніемъ и чтеніемъ въ Церкви при богослуженіи и при совершеніи разныхъ требъ приходскихъ. Онъ будетъ искать приложенія своихъ знаній, будетъ искать дѣятельности для своихъ развитыхъ и умѣлыхъ силъ. Отъ чего не заняться ему школою? Если въ приходѣ нѣтъ церковно-приходской школы, онъ можетъ позаботиться объ ея основаніи. Если есть школа, онъ можетъ предложить свои услуги для этой школы, и явиться въ ней или самостоятельнымъ учителемъ или помощникомъ священнику. Можетъ онъ самъ завести свою частную школу или давать уроки въ домахъ частныхъ лицъ, нуждающихся въ учителѣ. Можетъ онъ явиться помощникомъ священнику и въ дѣлѣ церковнаго учительства,—съ согласія священника онъ можетъ проповѣдывать въ церкви, можетъ открывать и держать религіозно-нравственныя чтенія и бесѣды въ какомъ либо мѣстѣ, напримѣръ, въ зданіи школы или въ какомъ либо помѣстительномъ домѣ, лѣтомъ подъ открытымъ небомъ, хоть на погостѣ церковномъ.

Важный вопросъ для кандидата священства въ званіи псаломщика установить и сохранить надлежащее отношеніе къ священнику, настоятелю прихода. Это отношеніе—отношеніе зависимости и подчиненія. Въ силу этого подчиненія онъ долженъ съ готовностію исполнять всѣ его распоряженія, слѣдовать его указаніямъ и спокойно принимать его замѣчанія, касающіяся служебной дѣятельности, на него возлагаемой. Въ силу того же отношенія онъ долженъ оказывать подобающее уваженіе служителю Божію, заступающему для него мѣсто начальника, и соблюдать внѣшнія формы почтенія, какія приняты при обращеніи съ людьми, облеченными священнымъ саномъ. Нынѣ напримѣръ выходитъ изъ употребленія древній благочестивый обычай, по которому, при встрѣчѣ съ священникомъ, люди свѣтскіе или міряне и церковно-служители просили у него благословенія. Въ современномъ цивилизованномъ обществѣ мѣсто благословенія священническаго во имя Отца и Сына и Святаго Духа, при привѣтственныхъ сношеніяхъ свѣтскихъ лицъ съ духовными, заступило простое рукопожатіе, и сами священники какъ будто уже стѣсняются давать благословеніе, когда къ нимъ подходитъ лицо, одѣтое не въ костюмъ простолюдина, считая сообщеніе благословенія въ этомъ случаѣ какъ бы уклоненіемъ отъ моднаго свѣтскаго тона. Образованный псаломщикъ, конечно, не послѣдуетъ этому требованію моднаго тона, и когда будетъ встрѣчаться съ своимъ настоятелемъ и привѣтствовать его, не поставитъ его въ затрудненіе своимъ явнымъ намѣреніемъ уклоняться отъ принятія отъ него благословенія: съ его стороны было бы большою безтактностію и неприличіемъ подавать священнику руку для пожатія при привѣтствіи, а не просить отъ него благословенія. Если онъ, будущій священникъ и подчиненный членъ клира, не будетъ воздавать должнаго почтенія пастырю Церкви и не будетъ считать важнымъ и нужнымъ священническое благословеніе, то чего требовать послѣ этого отъ людей свѣтскихъ?

Здѣсь, въ установленіи надлежащихъ отношеній къ священнику со стороны окончившаго курсъ псаломщика,—первое свободное приложеніе того дисциплинарнаго воспитанія, какое даетъ школа. Человѣкъ благовоспитанный и выдержанный всегда пойметъ свое мѣсто и значеніе и съумѣетъ повести себя, какъ велитъ ему сознаніе своего положенія. Пренебреженіе къ желаніямъ и распоряженіямъ священника со стороны псаломщика было бы своеволіемъ и непростительнымъ уклоненіемъ отъ своего долга; а обращеніе съ священникомъ безъ соблюденія должнаго почтенія было бы грубостію. То и другое не обѣщало бы въ молодомъ человѣкѣ такого усерднаго и приготовленнаго дѣятеля, какого ищетъ Церковь на важный и трудный постъ пастыря.

Многіе молодые люди, только что кончившіе курсъ школы, и не испытавшіе жизненной борьбы, бываютъ слишкомъ самонадѣянны и самомнительны. Голова ихъ наполнена идеалами, изъ которыхъ многіе совершенно разлетаются и обращаются въ воздушную мечту при столкновеніи съ суровою дѣйствительностію. Такіе мечтательные юноши, встрѣчая въ жизни не то, что носится въ ихъ воображеніи, бываютъ расположены слишкомъ критически относиться къ явленіямъ, ихъ окружающимъ. Бывъ поставлены въ соприкосновеніе съ священникомъ того или другаго прихода, или даже въ прямое подчиненіе ему въ качествѣ псаломщиковъ, они, надменные своимъ новымъ образованіемъ, могутъ смотрѣть на стараго пастыря, какъ на человѣка уже отжившаго, утерявшаго энергію и богатство добрыхъ пажѣреній, и могутъ считать себя гораздо выше и умнѣе его. Въ такомъ настроеніи они выискиваютъ въ немъ разные недостатки, и въ его пастырской дѣятельности то находятъ не хорошимъ, другое совершенно не соотвѣтственнымъ духу новыхъ требованій, третье излишнимъ. Тамъ имъ не понравится близость священника къ прихожанамъ, въ которомъ они увидятъ униженіе священническаго достоинства; другой разъ они замѣчаютъ требовательность и придирчивость его къ прихожанамъ, обнаруживающую корыстолюбіе; третій разъ уви-

дятъ неосмысленное слѣдованіе дѣдовскимъ обычаямъ; имъ можетъ показаться еще, что священникъ мало дѣлаетъ во исполненіе прямаго пастырскаго долга, на него возложеннаго, ограничиваясь большею частію совершеніемъ требъ церковныхъ. Свои чувства, наблюденія и замѣчанія касательно дѣятельности священника и его поведенія молодой псаломщикъ, недовольный встрѣченнымъ имъ порядкомъ въ приходѣ, въ который онъ посланъ, можетъ высказывать другимъ, можетъ входить въ бесѣды о немъ съ прихожанами. Онъ можетъ разглагольствовать съ ними о томъ, что священникъ не такъ дѣло ведетъ, какъ бы слѣдовало, и что другой на его мѣстѣ то бы оставилъ, другое бы предпринялъ, о томъ то приложилъ свои особыя заботы, и приходская жизнь пошла бы гораздо лучше. Прихожане или сторонніе люди, слыша подобные отзывы о дѣятельности приходскаго пастыря со стороны псаломщика, будущаго священника, могутъ съ сочувствіемъ и одобреніемъ встрѣчать пересуды и планы молодаго человѣка: иныхъ можетъ расположить въ его пользу новость и пылъ стремленій, имъ высказываемыхъ, и доброе желаніе видѣть больше жизни и движенія въ средѣ, ихъ окружающей; другіе будутъ вторить ему по недовольству на священника, который подвергается его пересудамъ (каковъ бы ни былъ священникъ въ своей жизни и дѣятельности, у него въ приходѣ и внѣ прихода найдутся люди, имъ не довольные).

Но пусть не спѣшитъ съ своими строгими приговорами молодой человѣкъ, поставленный въ прямое соприкосновеніе съ приходскою жизнію. Въ томъ положеніи, какое достается ему при выходѣ изъ школы, его дѣло не учить другихъ, раньше его вступившихъ въ жизнь и занимающихъ болѣе высокое іерархическое положеніе, а учиться у нихъ, не ломать и перестраивать существующіе порядки и обычаи, а присматриваться къ нимъ и изучать тѣ условія, какими обставлена текущая предъ его глазами жизнь. Онъ долженъ сознавать, что въ жизни онъ совершенный новичекъ, не имѣющій за собою никакого опыта, и

это сознаніе должно сдерживать его отъ смѣлыхъ и заносчивыхъ критическихъ замашекъ. Можетъ быть, то, съ чѣмъ не мирится его чувство, не можетъ быть инымъ вслѣдствіе историческихъ условій, которымъ волею или неволею долженъ подчиняться приходскій священникъ, и, можетъ быть, молодой псаломщикъ, по поступленіи на мѣсто, умудренный опытомъ, самъ будетъ поступать не такъ, какъ подсказываетъ ему его пылкое воображеніе, а какъ велитъ жизнь, съ которою не совладать нашей хрупкой волѣ. Если же будутъ видны ему какіе либо дѣйствительные недостатки въ окружающей его дѣйствительности и въ частности въ священникѣ,—его настоятелѣ, его скромность и благоразуміе, его благовоспитанное нравственное чувство не должны дозволять ему трубить о нихъ встрѣчному и поперечному, чтобы не очутиться въ положеніи Хама по отношенію къ тому, кого онъ называетъ своимъ отцомъ. А если другіе будутъ указывать на нихъ и пожалуй громко кричать о нихъ, его долгъ извинять ихъ и взывать къ чувству снисхожденія, съ какимъ нравственные люди должны относиться къ обыкновеннымъ человѣческимъ слабостямъ.

Согласіе съ священникомъ—одна изъ главныхъ вещей, о которой болѣе всего долженъ заботиться псаломщикъ. Свое дѣло онъ долженъ вести такъ, чтобы не подать повода къ неудовольствію на себя со стороны священника, и нигдѣ и никогда не долженъ идти наперекоръ желанію священника. Онъ можетъ высказать свои желанія касательно нѣкоторыхъ измѣненій въ порядкахъ приходской жизни, но эти желанія онъ выскажетъ въ скромной почтительной формѣ, и если священникъ выразитъ несочувствіе этимъ измѣненіямъ, не благоразумно подчиненному члену клира настаивать на проведеніи своихъ желаній. Онъ можетъ предложить пастырю прихода свои услуги въ облегченіе его занятій, напримѣръ по школѣ, по наставленію прихожанъ въ ученіи вѣры и нравственности христіанской, по устроенію какихъ либо внѣбогослужебныхъ чтеній. Добрый священникъ съ готовно-

стію дастъ мѣсто усердію молодаго богослова и обратитъ юныя силы ко благу общества. Но еслибы молодой богословъ—псаломщикъ встрѣтилъ противодѣйствіе себѣ со стороны настоятеля прихода, ему не слѣдъ во чтобы то ни стало добиваться осуществленія своихъ желаній, чтобы не вызвать себѣ неудовольствія и непріятности со стороны священника.

Къ священнику ближе, чѣмъ къ кому другому, долженъ стоять псаломщикъ, и съ нимъ чаще, чѣмъ съ кѣмъ другимъ, долженъ совѣщаться о дѣлахъ, его интересующихъ. Не къ добру ведетъ, если молодой богословъ чаще заходитъ въ дома прихожанъ, чѣмъ того требуетъ должность, и въ домахъ прихожанъ является гораздо разговорчивѣе, чѣмъ въ домѣ священника. Особенно худо, если эти разговоры вращаются около пересудовъ о священникѣ. Участіе въ сплетняхъ деревенскихъ вещь недостойная молодаго богослова, имѣющаго въ виду высокое званіе священника. Безтактно и не нравственно псаломщику поселять и раздувать неудовольствіе на своего духовнаго отца въ его духовныхъ дѣтяхъ: этимъ самымъ онъ себя унижаетъ въ глазахъ добрыхъ людей. Пусть онъ будетъ остороженъ, если иные и съ одобреніемъ относятся къ его пересудамъ. Кромѣ раздора ничего хорошаго не можетъ выдти изъ такого поведенія псаломщика. Никакого добра нигдѣ не принесетъ это пустое и неумѣстное чесаніе языка. Слова, бросаемыя на вѣтеръ, рано ли, поздно ли, дойдутъ до священника, и тогда испорчены отношенія его къ псаломщику, и откроется неизсякаемый источникъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей, какія первѣе всего обрушатся на голову неумѣющаго вести себя псаломщика.

4. Кандидатъ священства въ должности учителя.

Если кандидату священства, въ промежуточный періодъ до полученія прихода, придется занять должность учителя въ какой либо школѣ, онъ и тогда не долженъ забывать и опускать изъ

виду своего главнаго назначенія, къ какому готовился. Не привязанный къ церкви своею прямою должностію, подобно псаломщику, онъ, если серьезно сознаетъ свое положеніе, не будетъ отстранять себя отъ всякаго участія въ церковномъ служеніи. Онъ не только усердно будетъ являться въ церковь на богослуженіе, но по возможности будетъ принимать участіе въ совершеніи богослуженія пѣніемъ и чтеніемъ на клиросѣ. Онъ будетъ располагать и учениковъ своихъ къ этому дѣлу, и если его ученики хоромъ будутъ пѣть въ Церкви положенныя пѣснопѣнія, — это съ его стороны было бы добрымъ дѣломъ, за которое всѣ отнеслись бы къ нему не только съ сочувствіемъ, но и съ благодарностію. Будетъ ли школа, гдѣ кандидатъ священства является учителемъ, церковно-приходская или свѣтская, будетъ ли она въ завѣдываніи Церкви или свѣтскаго начальства, кандидатъ священства первою своею заботою положитъ возможно тщательное охраненіе, развитіе и утвержденіе религіознаго чувства и проясненіе вѣры въ Бога въ юныхъ душахъ. Если эта забота должна быть началомъ всякаго элементарнаго народнаго образованія, то въ особенности она должна быть близка къ сердцу того, кто готовится воспитывать людей для царства Божія. Служеніе его въ школѣ—это первый опытъ учительской дѣятельности, который потомъ онъ долженъ будетъ продолжать, когда приметъ священный санъ,—и теперь, какъ и тогда, онъ долженъ быть одушевленъ однимъ и тѣмъ же духомъ Церкви. Обязательныхъ занятій пастырски-богословскаго характера никакихъ не возлагается на нашихъ кандидатовъ священства, когда они состоятъ въ должности учителей народныхъ или другихъ какихъ либо училищъ. Но было бы дѣломъ естественнымъ и не безполезнымъ, еслибъ они по временамъ брались за тѣ работы, какими ихъ упражняли въ семинаріяхъ въ видахъ приготовленія къ священству, чтобы не забыть по крайней мѣрѣ того, чему ихъ учили прежде. Отъ чего бы напримѣръ не написать иногда, а если будетъ благословеніе настоятеля Церкви, и не сказать проповѣди? Отъ чего бы не завести какихъ либо

благочестивыхъ бесѣдъ или чтеній для взрослыхъ въ той же школѣ въ какой они состоятъ учителемъ, въ праздничные, свободные отъ работъ, дни, если къ этому ни съ чьей стороны не будетъ препятствій? Пріобрѣтенныя знанія и развитыя силы нужно обращать ко благу общества тѣмъ болѣе, что въ занятіяхъ, подобныхъ указаннымъ нами,—подготовительная практика къ лучшему выполненію обязанностей будущаго служенія.

Но заботясь о другихъ, учитель—кандидатъ священства не забудетъ своего собственнаго самообразованія, и будетъ вести его въ духѣ, соотвѣтствующемъ его будущему званію. Любимымъ его чтеніемъ должны быть не свѣтскіе журналы и повѣсти, какъ это часто бываетъ, а книги, сообщающія серьезное знаніе и имѣющія ближайшее отношеніе къ его спеціальности. Самымъ желаннымъ для него обществомъ должно быть для него общество священниковъ. Относясь къ нимъ съ подобающимъ уваженіемъ, онъ изъ общенія съ ними постарается извлечь полезное для себя и для своей будущей дѣятельности. Входя въ ихъ интересы, усвоя добрый духъ, какимъ проникнуты уважаемые пастыри, присматриваясь къ ихъ практикѣ, онъ тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ знакомство съ предлежащимъ ему служеніемъ и осваивается съ условіями избраннаго имъ рода жизни и дѣятельности.

5. Поведеніе кандидата священства, окончившаго курсъ школьнаго образованія.

Что касается поведенія кандидата священства, то гдѣ бы ни былъ онъ, по выходѣ изъ школы до поступленія на мѣсто священника, былъ ли бы онъ на должности, или жилъ дома у родственниковъ, или въ какомъ либо чужомъ семействѣ въ качествѣ домашняго учителя,—всегда и вездѣ въ своемъ поведеніи онъ долженъ слѣдовать строгимъ правиламъ. Всегда онъ долженъ помнить, къ чему онъ готовится, и сознаніе этого должно управлять его волею, и указывать ему, что онъ долженъ дѣлать

и чего онъ долженъ избѣгать. Будущій священникъ, конечно, всегда и вездѣ станетъ свято исполнять то, что предписываетъ каждому долгъ христіанина. Онъ долженъ быть человѣкомъ высокаго благочестія, и въ силу своего религіознаго настроенія не можетъ позволять себѣ тѣхъ послабленій по отношенію къ требованіямъ церковныхъ заповѣдей, какія нынѣ входятъ въ обычай у людей свѣтскихъ подъ вліяніемъ новаго не-христіанскаго духа времени. У себя ли дома, или въ обществѣ съ другими, онъ никогда не рѣшится на такое дѣло, при видѣ котораго другіе могутъ спросить: законно ли это? прилично ли это будущему священнику (что всегда возможно, когда напримѣръ онъ вмѣстѣ съ другими станетъ раздѣлять скоромную трапезу въ постный день, или не пойдетъ въ церковь къ воскресному или праздничному богослуженію)? Можетъ онъ входить въ бесѣды съ разными лицами, но при всякой бесѣдѣ его случайные или постоянные собесѣдники должны видѣть и чувствовать, что это человѣкъ вѣрующій и религіозный, который не дозволитъ унижать и попирать святую вѣру и Церковь. Въ его словахъ должно сквозить твердое убѣжденіе въ томъ, что носитъ въ себѣ христіанство и православіе, и полная горячая преданность христіанству и православію, готовая съ самоотверженіемъ защищать эту дорогую святыню. Нынѣ часты нападенія на святыя вѣрованія и церковныя учрежденія; матеріализмъ и безвѣріе открыто проповѣдуютъ свои отрицательныя ученія и въ публичныхъ и въ частныхъ мѣстахъ. Многіе съ услажденіемъ выслушиваютъ бойкія рѣчи дерзкихъ отрицателей. Но такого, хотя бы и нѣмаго, услажденія нельзя предположить въ кандидатѣ священства. Онъ не будетъ скрывать своихъ святыхъ убѣжденій предъ дерзкими проповѣдниками безвѣрія; ревность его вѣрующаго сердца заставитъ его отражать дерзкія нападенія на Церковь словомъ истины. А если его скромное положеніе не дозволяетъ ему занять выдающейся роли въ бесѣдѣ, или сознаніе своихъ силъ не обѣщаетъ ему побѣды въ борьбѣ съ искушенною діалектикою невѣрующихъ,

ему приличнѣе оставить то общество, гдѣ слышится много гнилыхъ нечестивыхъ словъ, чѣмъ молча выслушивать ихъ безумныя глумленія.

Кандидату священства нѣтъ нужды и не естественно чуждаться общества. Молодая натура желаетъ дѣлиться съ другими своими мыслями и чувствами, и ей не можетъ быть запрещено искать того, чтобы съ кѣмъ нибудь въ пріятной бесѣдѣ провести часъ, другой. Но то общество, искать котораго естественно молодому человѣку—будущему священнику, должно быть общество, ему болѣе или менѣе единомысленное и благонастроенное, среди котораго онъ ничего бы не могъ потерять, а напротивъ кое-чему могъ бы научиться. Бываютъ такіе кружки и компаніи, попасть въ которые опасно молодому кандидату священства, напримѣръ компанія молодыхъ гулякъ, съ разнузданною чувственностію, любящихъ разгулъ, хвалящихся своими непохвальными интрижками и т. под., или кружокъ людей, утерявшихъ вѣру и порвавшихъ связи съ Церковію, воспитавшею, если не ихъ, то ихъ родителей. Такихъ людей нужно избѣгать кандидату священства, помня то, что *тлятъ обычаи благи бесѣды злы*, и что дурное сообщество набрасываетъ въ высшей степени неблагопріятную тѣнь и на чистаго человѣка: стоя среди грязи, трудно соблюсти себя незапятнаннымъ, какъ бы ни былъ человѣкъ далекъ по внутреннему своему расположенію отъ всего нечистаго. И что за необходимость человѣку имѣть общеніе съ людьми, съ которыми у него по настроенію нѣтъ ничего общаго? Счастливъ кандидатъ священства, когда вблизи его есть добрые люди христіанскаго настроенія, могущіе поддерживать его своимъ сочувствіемъ, или когда съ любовію и готовностію открываютъ предъ нимъ свои двери тихія благоустроенныя семейства, въ которыхъ виденъ порядокъ, соблюдаются чистые нравы, и господствуетъ христіанское настроеніе. Съ такими людьми дѣлить время кандидату священства—не потеря, а пріобрѣтеніе. Среди нихъ онъ освѣжитъ и укрѣпитъ свои добрыя чувства; общеніе съ ними, при его житейской

малоопытности, дастъ ему существенное дополненіе къ его образованію, и у людей строгаго порядка онъ самъ научится доброму порядку жизни.

Обращеніе кандидата священства въ обществѣ должно быть свободное, но скромное, спокойное и степенное. Свѣтская излишняя развязность и любезность не къ лицу ему. Если онъ является изысканнымъ кавалеромъ, ловкимъ угодникомъ дамъ и дѣвицъ и неутомимымъ танцоромъ, если онъ старается позабавить и посмѣшить общество, то этимъ у благонастроенной части общества онъ заслужитъ не похвалу, а осужденіе. Не его дѣло блистать на паркетѣ и пожинать дешевые лавры среди гостинныхъ. При участіи въ свѣтскихъ удовольствіяхъ его тактъ долженъ предписывать ему возможную сдержанность.

Но если неумѣстна въ лицѣ кандидата священства излишняя свѣтскость, то еще болѣе предосудительна въ немъ деревенская грубость. Въ высшей степени не сообразно съ его положеніемъ и достоинствомъ, если онъ знакомится съ увеселительною чарочкою и готовъ раздѣлять мужицкія попойки, если его видятъ на деревенскихъ вечеринкахъ, и если онъ принимаетъ участіе въ тѣхъ не облагороженныхъ забавахъ, какимъ предается деревенская молодежь. Что скажутъ эти участники его забавъ, если чрезъ нѣсколько времени увидятъ его въ рясѣ священника. Они съ изумленіемъ посмотрятъ на него, и страннымъ покажется имъ новый видъ человѣка, неспускавшагося до камрадства съ ними, и имъ трудно будетъ имѣть къ нему такое чувство уваженія и почтенія, какое каждому долженъ внушать видъ служителя Церкви.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЖИЗНЬ СВЯЩЕННИКА.

I.

Основное правило, какого долженъ держаться священникъ въ своемъ поведеніи.

Вотъ кандидатъ священства, о которыхъ мы доселѣ говорили, опредѣленъ на мѣсто, принялъ рукоположеніе и является пастыремъ на приходѣ. Какъ теперь онъ долженъ вести себя и устроять свою жизнь?

Если нуженъ одинъ краткій и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ, то мы не можемъ отвѣтить на него иначе, какъ напоминаніемъ словъ св. апостола Павла Тимоеею: *образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою* (1 Тим. IV. 12). Въ этомъ наставленіи св. апостола выражено основное правило, которымъ священникъ долженъ руководиться въ своей жизни.

Законъ нравственый для всѣхъ одинъ, и начала христіанской жизни, положенныя въ откровенномъ законѣ и раскрытыя въ Евангеліи, равно обязательны, какъ для священника, такъ и для мірянъ. Пусть священникъ строго выполняетъ въ своей жизни то, что требуется отъ каждаго христіанина или отъ каждаго благочестиваго человѣка,—пусть все освящаетъ молитвою,

пусѣ съ благоговѣніемъ относится ко всякой святынѣ, пусть не опускаетъ ничего изъ повелѣннаго намъ Господомъ или Церковію, и пусть избѣгаетъ всякаго дѣла, могущаго соблазнить другихъ и навлечь на него осужденіе,—и онъ будетъ вѣренъ своему званію. Но вдвойнѣ худо въ священникѣ уклоненіе отъ христіанскихъ обязанностей или невнимательное отношеніе къ нимъ. Къ священникамъ по преимуществу относится слово Христово: *вы есте свѣтъ міра: не можетъ градъ укрытися верху горы стоя* (Мато. V. 14). Они, по тому же слову Христову, свѣтильники, поставленные на подсвѣчникѣ, чтобы свѣтить *всѣмъ, иже въ храминѣ суть*, и свѣтъ ихъ долженъ свѣтить предъ людьми, чтобы они видѣли ихъ добрыя дѣла и прославляли Отца небеснаго (Мато V, 15. 16). Поставленный пастыремъ стада Христова и руководителемъ словесныхъ овецъ, священникъ долженъ идти впереди этихъ овецъ, *и овцы по немъ идутъ* (Іоан. X. 4), какъ говоритъ евангельская притча. Не словомъ только, но и жизнію священникъ долженъ учить другихъ, служа для всѣхъ примѣромъ въ исполненіи нравственныхъ обязанностей христіанина. На служителя Церкви всѣ смотрятъ, — добрые прихожанене смотрятъ съ почтеніемъ, съ желаніемъ найти въ немъ для себя образецъ въ жизни; въ немъ хотятъ видѣть олицетворенное выраженіе христіанства, осуществленное выполненіе на практикѣ того, что носится въ идеѣ христіанской, и чему долженъ учить другихъ пастырь Церкви. Не всѣ, въ особенности въ настоящее время религіозной теплохладности, съ такими почтительными чувствами относятся къ служителю Церкви. Иные, по преимуществу изъ лицъ, принадлежащихъ къ образованному классу и утерявшихъ прадѣдовскую вѣру, смотрятъ на священника свысока и не хотятъ признавать его своимъ руководителемъ. Но и у тѣхъ есть сознаніе того, что пастырь Церкви долженъ быть чистъ и безупреченъ въ своей жизни, и по своему нравственному характеру возвышаться надъ другими. Такіе съ злорадствомъ замѣчаютъ не только крупные недостатки,

но и малѣйшія погрѣшности въ священникѣ, не стѣсняются осуждать его за то, что себѣ ежедневно позволяютъ, нарушая евангельскій законъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ готовы оправдывать себя въ своихъ недостойныхъ поступкахъ примѣромъ священника, если видятъ, что онъ по жизни не стоитъ на высотѣ своего призванія. Всегда долженъ помнить это священникъ, всегда долженъ сознавать, что и въ частной жизни онъ лицо публичное. Жизнь его—открытая книга, по которой другіе должны учиться жить. Vita clericorum, говоритъ латинское изреченіе, liber est laicorum. Если священникъ дозволяетъ себѣ что либо незаконное, онъ двойную вину навлекаетъ на себя,—во-первыхъ тѣмъ, что самъ грѣшитъ, во-вторыхъ тѣмъ, что соблазняетъ другихъ, которыхъ долженъ направлять на добрый путь своимъ примѣромъ.

Въ силу такого значенія священника, вслѣдствіе того, что на него обращено вниманіе другихъ, для которыхъ онъ служитъ олицетворенною христіанскою совѣстію, дѣйствующею предъ ихъ глазами, ему слѣдуетъ быть крайне осторожнымъ и осмотрительнымъ въ своемъ поведеніи, чтобы не подать соблазна другимъ. Онъ не можетъ пользоваться христіанскою свободою такъ, какъ другіе. Онъ не только въ точности долженъ выполнять все, повелѣнное закономъ, не только долженъ отстать отъ всего не дозволеннаго, но долженъ сдерживать и ограничивать себя въ области дозволеннаго. Своею жизнію онъ долженъ назидать другихъ; а многое дозволенное не назидаетъ, когда видятъ то въ священникѣ. Отсюда поведеніе священника, опредѣляемое закономъ, обязательнымъ для всѣхъ, должно выдерживать свой строгій и твердый характеръ.

Св. апостолъ Павелъ, уясняя тотъ нравственный характеръ, какимъ долженъ отличаться священникъ, указываетъ нѣсколько частныхъ свойствъ, какія желательны и необходимы для священника. *Подобаетъ* (говоритъ онъ) *епископу быти непорочну,*

единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну, не піяницѣ, не бійцѣ, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу, свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою, не новокрещену... Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ: да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязненну (1 Тим. III, 2—7. Ср. Тит. 1, 6—9). Частныя черты, указанныя апостоломъ, хорошо рисуютъ образъ и поведеніе священника и съ положительной и съ отрицательной стороны, и во всѣ послѣдующія времена къ характеристикѣ, сдѣланной апостоломъ Павломъ, обращались, когда хотѣли опредѣлить, каковъ долженъ быть пастырь Церкви. Но частныя черты, при исчисленіи нравственныхъ свойствъ священника, служа опредѣленіемъ и уясненіемъ образа добраго пастыря, какой носился предъ боговдохновенною мыслію апостола, можно сказать, случайно поставлены одна подлѣ другой. Апостолъ не имѣлъ въ виду передать всю совокупность свойствъ, какія желательны въ священникѣ, и не считалъ нужнымъ своему образу давать видъ замкнутаго логическаго опредѣленія. Мы не погрѣшимъ противъ богодухновенной мысли святаго апостола, если, вникая въ смыслъ его словъ, постараемся найти между частными свойствами пастыря, указанными у апостола и опредѣляющими его поведеніе, одно свойство, которое можетъ имѣть преобладающее значеніе и которое составляетъ, если можно такъ выразиться, коренную нить въ ткани жизни священнической.

Изъ исчисленныхъ у апостола нравственныхъ свойствъ, составляющихъ образъ добраго пастыря, наиболѣе широкій кругъ обнимаетъ и болѣе общій характеръ имѣетъ то свойство, на которое онъ указываетъ, когда говоритъ: *подобаетъ епископу быти благовѣйну, честну.* Этими словами опредѣляется и внутреннее настроеніе пастыря, и тактъ его внѣшняго поведенія, и ими указывается основной тонъ, какой долженъ выдерживать пастырь Церкви въ своей жизни всегда и вездѣ, и они поэтому могутъ

быть поставлены во главѣ другихъ частнѣйшихъ опредѣленій, упорядочивающихъ нравственное поведеніе пастыря. Два слова нашего славянскаго текста *(благоговѣйну, честну)* замѣняютъ собою одно слово греческаго подлинника,—κόσμιον. Въ латинскомъ текстѣ это слово κόσμιον переведено словомъ compositum, а въ русскомъ вмѣсто словъ; *благовѣйну, честну* мы читаемъ: *епископъ долженъ быть благочиненъ*. Слова апостола и въ подлинникѣ и въ переводахъ указываютъ на особенное благоприличіе или благочиніе въ поведеніи, требуемое отъ священника.

Чтобы соблюсти это благоприличіе, священнику всегда и вездѣ нужно быть и являться серьезнымъ, степеннымъ, болѣе или менѣе сосредоточеннымъ, сохранять и выдерживать во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ важность, подобающую сану. Этому священическому благоприличію противно все легкомысленное: оно не допускаетъ въ священникѣ ни разсѣянности, ни безпричинной веселости, ни излишняго фамиліарничанья въ обращеніи съ другими, тѣмъ болѣе никакой пошлости и цинизма. Оно требуетъ отъ священника самообладанія, при которомъ бы онъ всегда держалъ себя съ достоинствомъ и не дозволялъ себѣ никакихъ увлеченій, ни выходокъ грубой страсти. Отъ всякаго человѣка, занимающаго видное положеніе въ обществѣ, требуется твердый тактъ, необходимый для соблюденія достоинства, соотвѣтственнаго его положенію. Отъ священника этотъ тактъ требуется болѣе, чѣмъ отъ кого другаго вслѣдствіе его призванія, вслѣдствіе того, что къ его сану всѣ относятся или по крайней мѣрѣ должны относиться съ почтеніемъ. Представьте, что священникъ гдѣ либо не выдерживаетъ достойнаго тона: вотъ онъ въ своемъ домѣ кричитъ и ссорится съ своими домашними, сердитымъ и бранчивымъ голосомъ говоритъ съ слугою, съ гнѣвомъ обращается къ какимъ либо работникамъ и споритъ съ ними о платѣ,—и это видятъ и слышатъ сторонніе люди или кто либо изъ его прихожанъ; или вотъ онъ балагуритъ на улицѣ и тараторитъ о пустяшномъ среди людной компаніи; или вотъ онъ въ Церкви разма-

хватъ руками и кричитъ на пономаря или церковнаго сторожа, замѣтивши какую либо ихъ неисправность, и нетерпѣливо выражаетъ свою досаду. Если увидятъ съ его стороны возбужденіе, горячность, дикій жестъ, неспокойную рѣчь, вообще какую либо несдержанность и распущенность въ словѣ и тѣлодвиженіи, тотчасъ же подумаютъ и скажутъ, что это не священникъ, а мужикъ или чернорабочій, однимъ словомъ, человѣкъ низшаго общественнаго слоя. Люди достойные заслуживаютъ уваженіе себѣ въ обществѣ своимъ серьезнымъ характеромъ и нравственною выдержкою. Но что у другихъ является свободнымъ нравственнымъ достоинствомъ, то для священника составляетъ обязательное требованіе. Если не находятъ въ немъ черть и дѣйствій, заслуживающихъ почтенія, соблазняются его поведеніемъ и находятъ противорѣчіе между идеею и дѣйствительностію, между тѣмъ, что онъ есть, и между тѣмъ, чѣмъ онъ долженъ быть. Когда идетъ священникъ среди селенія, въ которомъ живутъ его прихожане, предъ нимъ встаетъ и старъ и младъ, и всѣ скидаютъ шапки и воздаютъ почтеніе его сану. Когда онъ входитъ въ какой либо домъ, ему предоставляютъ первое мѣсто, и при немъ умолкаютъ вольныя бесѣды. Когда говоритъ онъ, его всѣ слушаютъ, и слова его принимаютъ, какъ слова вѣстника Божія. Чтобы отвѣчать такому положенію, нужна особенная выдержанность, особенная внимательность къ себѣ.

При общемъ нравственномъ законѣ, обязательномъ для всѣхъ, есть различіе между духовнымъ и свѣтскимъ, и священникъ, чтобы соблюсти свое достоинство, долженъ удаляться отъ многаго, допущеннаго и принятаго въ свѣтѣ. Какіе либо недостатки, незамѣтные въ человѣкѣ свѣтскомъ, священнику ставятся въ позоръ. Иная житейская мелочь, безразличная въ нравственномъ отношеніи, роняетъ священника и подвергаетъ его осужденію, когда священникъ, забывъ свой духовный санъ и характеръ, не остережется раздѣлить ее съ людьми свѣтскими, что можетъ быть напримѣръ тогда, когда онъ явится на мѣсто какого либо общественнаго

гулянья, гдѣ раздается музыка и собравшіеся предаются разнымъ свѣтскимъ развлеченіямъ. Значитъ, на почвѣ общаго закона нравственной жизни нужно искать особыхъ требованій, которыя бы имѣли спеціальное отношеніе къ священнику, и строй жизни священника, соотвѣтственно его особенному призванію, долженъ быть нѣсколько иной, чѣмъ у людей свѣтскихъ, не стоящихъ на виду Церкви и не носящихъ никакого званія церковнаго.

Для уясненія особеннаго строя жизни, приличнаго священнику, мы не считаемъ нужнымъ перечислять тѣ добродѣтели, о стяжаніи которыхъ долженъ заботиться пастырь Церкви, и тѣ грѣхи или недостатки, какихъ особенно онъ долженъ избѣгать, какъ это сдѣлано въ Пастырскомъ богословіи Кирилла и Антонія. У того и другаго излагаются требованія общей нравственности,—указываются добродѣтели, необходимыя не для одного священника, но и для всякаго христіанина, и грѣхи противъ обязанностей христіанина къ Богу, къ ближнимъ и къ самому себѣ, ни у кого не терпимые. При обиліи правилъ, направленныхъ къ урегулированію жизни священника, въ нихъ нѣтъ собственно пастырской морали, тѣхъ специфическихъ требованій, какими должна опредѣляться жизнь священника въ отличіе отъ жизни мірскихъ людей, и рисуется въ нихъ идеалъ не священника собственно, а всякаго добраго христіанина. Само собою понятно, что всякій священникъ долженъ быть добрый христіанинъ, и не для чего предъявлять ему требованій, для всѣхъ равно обязательныхъ, въ родѣ того, что онъ долженъ имѣть любовь и благоговѣніе къ Богу, любовь къ ближнимъ, кротость ко всѣмъ, трезвенность, воздержаніе, цѣломудріе и т. под., и что ему несвойственны отреченіе отъ вѣры и Церкви, кощунство, небреженіе о богослуженіи, клятвопреступленіе, похищеніе святыни, сварливость, дерзость, буйство, нарушеніе цѣломудрія, пьянство, скверностяжательность, гордость и т. дал. [1])... Вопросъ въ томъ, что

[1]) См. Пастырское богословіе архим. Кирилла. §§ 24—63.

еще долженъ имѣть въ виду священникъ, при соблюденіи общихъ христіанскихъ обязанностей, и о чемъ особенно онъ долженъ заботиться, чтобы отвѣчать своему званію.

Отвѣтъ на этотъ вопросъ не можетъ быть сложенъ. Удѣльныхъ специфическихъ требованій, адресуемыхъ пастырю Церкви, не можетъ быть особенно много, когда все существенное и главное дано въ общемъ христіанскомъ нравственномъ законѣ. Всѣ требованія, какія можно предъявлять священнику въ силу его званія, какъ особый частный законъ, должны вытекать изъ сознанія важности пастырскаго служенія и предписываемаго этимъ сознаніемъ священническаго благочинія.

Священнику, помнящему и блюдущему важность и святость своего званія, необходимо вести не разсѣянную, а болѣе или менѣе самососредоточенную жизнь. Ему не нужно совершеннаго уединенія и уклоненія отъ жизни общества, какъ это требуется отъ иноковъ, отрекающихся отъ міра и удаляющихся въ пустыни или монастырское уединеніе. Совершенное уединеніе—особый аскетическій подвигъ, возлагаемый на себя людьми по обѣту. Священникъ не можетъ взять на себя этого подвига и не можетъ прервать всѣ связи съ обществомъ. Онъ поставленъ среди общества, какъ его учитель и руководитель и совершитель религіозныхъ требъ для своихъ ближнихъ, окружающихъ его. По долгу своего званія, онъ долженъ имѣть частыя и непосредственныя соприкосновенія съ міромъ и въ частности съ своими прихожанами. Но не разрывая связи съ обществомъ, не имѣя возможности, ни даже права по своимъ должностнымъ обязанностямъ совершенно удалиться изъ міра, священникъ не долженъ дозволять міру поглощать себя и свое время. Его сану противна, съ его служеніемъ несовмѣстима разсѣянная жизнь,—такая жизнь, которая боится домашняго уединенія, которая вся тратится вовнѣ и постоянно ищетъ себѣ внѣшнихъ развлеченій.

Болѣе или менѣе сосредоточенная жизнь необходима священнику, какъ для него самаго, такъ и для другихъ,—для сохра-

ненія и восполненія внутренняго содержанія его души, и для сохраненія и возвышенія его авторитета въ глазахъ другихъ.

Какъ учитель и руководитель народа, священникъ долженъ сообщать другимъ отъ полноты своей вѣры и своего званія то, что имъ нужно для ихъ наученія. Школа могла дать достаточное содержаніе его душѣ изъ области богословія. Но и это содержаніе можетъ изсякнуть, если онъ не будетъ стараться обновлять и оживлять его, и вмѣстѣ съ тѣмъ его можетъ быть и недостаточно для удовлетворенія тѣмъ потребностямъ, съ какими обращаются къ нему ищущіе религіознаго назиданія и просвѣщеннаго слова вѣры, если онъ будетъ пробавляться только тѣмъ, что вынесъ изъ школы. Время несетъ съ собою постоянно нѣчто новое, и иные вопросы, даваемые теченіемъ жизни, могли быть и не намѣчены въ школѣ; а между тѣмъ на нихъ требуется отвѣтъ отъ религіознаго руководителя народа. Старое и новое долженъ выносить священникъ изъ своей внутренней сокровищницы знанія. А для храненія и восполненія этой сокровищницы необходимо беречь время, и употреблять его для себя самаго, а не тратить на внѣшнія разсѣянія,—необходимо имѣть свободные часы тишины и спокойствія для размышленія, для чтенія и вообще для удовлетворенія потребности внутренняго самоусовершенствованія. Священникъ стражъ народа; а стражъ долженъ быть бдителенъ и не можетъ позволить себѣ развлекаться разными сторонними вещами. Онъ молитвенникъ предъ Богомъ, обязанный съ благоговѣніемъ совершать тайны Божіи. Но духъ молитвенный, духъ благоговѣйный сохранится ли въ томъ, кто мало входитъ въ самаго себя и любитъ разсѣяваться то тѣмъ, то другимъ, то третьимъ, не имѣющимъ отношенія къ прямому дѣлу его служенія?

Съ другой стороны, и для поддержанія авторитета своего званія священнику необходимо избѣгать всякаго вида разсѣянія. Если онъ хочетъ, чтобы его чтили, какъ служителя Божія, онъ по возможности пусть рѣже является среди свѣтскаго или мірскаго общества, когда его не призываютъ къ тому его прямыя обязан-

ности. Иначе, привыкши его встрѣчать за забавами и развлеченіями, свойственными свѣтскому человѣку, или за занятіями сомнительнаго нравственнаго достоинства, сторонніе люди не будутъ видѣть въ немъ того, что нужно, и при исполненіи имъ высокихъ священническихъ обязанностей. Если его нынѣ встрѣчаютъ, положимъ, въ гостинной, среди людей разнообразныхъ возрастовъ, положеній и характеровъ, а завтра въ другомъ мѣстѣ среди другой компаніи; если при томъ, можетъ быть, видятъ въ немъ забавнаго и веселаго товарища и шутника, усерднаго участника во всѣхъ удовольствіяхъ, принятыхъ въ свѣтѣ, или суетливаго хлопотуна по дѣламъ, совершенно чуждымъ цѣли его служенія: то находятъ страннымъ и невольно поддаются смѣшанному чувству недовольства и изумленія, когда этого участника въ свѣтскихъ играхъ, этого забавнаго собесѣдника и весельчака видятъ предъ престоломъ Божіимъ въ священническомъ облаченіи, съ руками воздѣтыми къ небу. Внутренній голосъ будетъ говорить имъ, что не на своемъ мѣстѣ теперь этотъ человѣкъ, взявшій на себя званіе служителя Божія. Когда такой священникъ будетъ совершать богослуженіе или говорить проповѣдь, имъ волею или неволею будетъ припоминаться тотъ легкій и игривый образъ, какой онъ оставляетъ по себѣ чрезъ то, что раздѣляетъ разсѣянія свѣта и принимаетъ участіе въ его забавахъ,—и у многихъ при этомъ могутъ слышаться шутливые и насмѣшливые возгласы. И свѣтскому человѣку трудно представить въ одномъ лицѣ благоговѣйнаго служителя Божія и товарища веселой компаніи.

II.

Удовольствія и развлеченія, приличныя священнику.

1. Благоразумное пользованіе удовольствіями, дозволенными священнику.

Строгая жизнь, предписываемая священнику пастырскимъ благоразуміемъ, не исключаетъ развлеченій и удовольствій, какими мы можемъ разнообразить время, данное намъ въ распоряженіе, не закрываетъ предъ нимъ тѣхъ земныхъ утѣшеній, какія не запрещены намъ Господомъ для нашего услажденія. Суровый подвигъ, изгоняющій всѣ обыкновенныя житейскія радости, одинъ непрестанный трудъ былъ бы не посильнымъ бременемъ для обыкновеннаго человѣка, и этого бремени не налагаетъ на священника его служеніе, для котораго вовсе не нужно отреченіе отъ удовлетворенія добрымъ естественнымъ потребностямъ нашей души въ предѣлахъ умѣренности и закона. Какъ сонъ необходимъ человѣку послѣ долговременнаго бодрствованія для возстановленія и освѣженія его силъ, такъ точно необходимо развлеченіе и отдохновеніе послѣ болѣе или менѣе напряженной, продолжительной дѣятельности въ одномъ опредѣленномъ направленіи. Не все время для дѣлъ высокаго и труднаго служенія, не всѣ дни отъ утра до вечера на серьезныя, изнуряющія духовный организмъ, занятія. Священникъ не будетъ красть время у себя, у Церкви и своей службы и у Господа, если, по требованію своей природы, будетъ

употреблять попадающіеся ему свободные часы на благородныя развлеченія для освѣженія и ободренія своего духа, погруженнаго въ служебныя дѣла и занятія. Ему невозбранено то, что свойственно человѣку при добромъ направленіи его стремленій и желаній.

Но если гдѣ, то въ этой области дозволеннаго нужна особенная осторожность и осмотрительность со стороны священника, чтобы, предаваясь тому или другому роду удовольствій, не нажить себѣ какой либо предосудительной привычки, или не подать кому либо повода къ соблазну и къ осужденію самаго себя.

Трудно указать точныя и непзмѣнныя правила, которыя бы ясно рѣшали вопросъ объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, доступныхъ для священника, которыя бы показывали, какъ проводить ему и чѣмъ наполнять часы, могущіе служить ему для отдохновенія и освѣженія силъ, что нужно ему избирать при этомъ, и чего избѣгать. Ни въ священномъ Писаніи, ни въ канонахъ соборовъ и отцовъ нѣтъ подробныхъ указаній того, что приличпо священнику въ этомъ отношеніи, и что не прилично ему. Притомъ понятіе приличнаго довольно растяжимое понятіе, и не такъ непзмѣнно, какъ понятіе чисто нравственнаго, предписываемаго положительнымъ закономъ. Если не въ общемъ и главномъ, то въ частностяхъ, съ измѣненіемъ мѣстъ и временъ, замѣчается измѣнчивость во взглядахъ на приличное, не стоящая въ противорѣчіи съ закономъ. За отсутствіемъ точныхъ канопическихъ постановленій, регулирующихъ пользованіе со стороны священника доступными ему удовольствіями, здѣсь рѣшителемъ дѣла долженъ быть его *пастырскій тактъ, его благоразуміе*, никогда не опускающее изъ вида высоты и святости того званія, какое онъ носитъ.

Если далѣе мы будемъ разъяснять предметъ, поставленный въ заголовкѣ настоящей главы, то мы будемъ говорить то, что, по нашему мнѣнію, должно подсказывать священнику его собственное благоразуміе. Но чтобы наши замѣчанія не показались произвольными, мы не опустимъ изъ вниманія тѣхъ немногихъ

указаній въ священныхъ документахъ, какими можно воспользоваться, и на какихъ можно опереться, при уясненіи вопроса объ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ, доступныхъ священнику.

Первое и главное правило, какое должно быть предписано священнику касательно пользованія удовольствіями его собственнымъ благоразуміемъ, требуетъ отъ него, чтобы *онъ по возможности ограничивалъ себя въ этомъ случаѣ, и не позволялъ себѣ всего того, что позволяютъ люди свѣтскіе.* Добровольное самоограниченіе въ дѣлѣ удовольствій для священника важное средство къ тому, чтобы сохранить свое священническое достоинство и избѣжать отъ соблазна и нареканій. Если въ св. Писаніи можно указать мѣста, касающіяся предмета, нами обсуждаемаго, то всѣ они клонятся къ возможному ограниченію въ области дозволеннаго. Наставляя Тимооея, а въ лицѣ его и всѣхъ послѣдующихъ пастырей, какъ вести себя, ап. Павелъ между прочимъ предписываетъ ему: *похотей юныхъ бѣгай* (2 Тим. II. 22), т. е., бѣгай удовольствій юности. Въ другомъ посланіи тому же Тимооею онъ пишетъ: *никтоже о юности твоей да нерадитъ. но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ*... (1 Тим. IV, 12), т. е., такъ веди себя, чтобы никто не соблазнялся твоею юностію. Здѣсь же вполнѣ можетъ быть приложимо признаніе или наставленіе того же апостола Павла, указывающее различіе между дозволеннымъ, и предписывающее пользоваться не всѣмъ дозволеннымъ, а избирать изъ него лучшее и достойнѣйшее, и этимъ пользоваться съ умѣренностію. *Все мнѣ позволительно* (говоритъ апостолъ), *но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ* (1 Кор. VI, 12, 10, 23). Этими словами или своимъ примѣромъ апостолъ указываетъ намъ изъ позволительнаго выбирать только полезное,—въ настоящемъ случаѣ изъ невинныхъ удовольствій такія, которыя могутъ способствовать освѣженію и ободренію душевныхъ

силъ послѣ болѣе или менѣе напряженной дѣятельности. Онъ не запрещаетъ предаваться удовольствіямъ, но не желаетъ, чтобы мы увлекались ими, и предостерегаетъ насъ, чтобы мы отъ частаго повторенія того или другаго вида удовольствій не нажили пристрастія къ нимъ, порабощающаго себѣ нашу волю и не дающаго ей возможности противиться нажитому стремленію къ извѣстнаго рода развлеченіямъ. Этого мало. Апостолъ желаетъ, чтобы и въ области дозволеннаго мы не теряли изъ виду цѣли назиданія. Это въ особенности должны помнить пастыри Церкви, жизнь которыхъ должна быть образцомъ для другихъ. Если кто либо соблазняется, видя священника, предающагося какому либо, хотя бы самому невинному, удовольствію, священнику его благоразуміе должно предписывать воздерживаться отъ этого удовольствія. Къ рѣчи о дозволенныхъ священнику удовольствіяхъ могутъ имѣть полное приложеніе разсужденія апостола о пищѣ. Употребленіе той или другой пищи можетъ быть безразлично въ нравственномъ отношеніи. Но и въ этихъ безразличныхъ и не предосудительныхъ въ существѣ вещахъ апостолъ совѣтуетъ быть осторожнымъ, въ виду возможнаго соблазна со стороны немощныхъ. *Пища* (говоритъ апостолъ) *не приближаетъ насъ къ Богу: ибо ѣдимъ ли мы, ничего не пріобрѣтаемъ; не ѣдимъ ли, ничего не теряемъ. Берегитесь однакоже, чтобы сія свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. Если пища соблазняетъ брата моего, не стану ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего* (1 Кор. VIII, 8. 9. 13). Въ особенности молодымъ священникамъ слѣдуетъ помнить правило благоразумія объ ограниченіи своей свободы въ пользованіи дозволенными удовольствіями. Молодые люди, легко поддающіеся внѣшнимъ впечатлѣніямъ, болѣе склонны къ разсѣянію и развлеченіямъ, чѣмъ люди, вступившіе въ другую половину жизни и уже болѣе или менѣе охладѣвшіе, и имъ болѣе, чѣмъ послѣднимъ, можетъ угрожать опасность нажить какую либо непозволительную страсть къ предметамъ невысокаго нравственнаго достоинства. Кромѣ того и

сторонніе люди болѣе взыскательны къ молодости, когда она является въ такомъ важномъ званіи, каково званіе священника, и болѣе расположены замѣчать въ ней уклоненія отъ высокаго священническаго идеала, чѣмъ въ людяхъ старыхъ, по самой природѣ болѣе спокойныхъ, и степенныхъ, внушающихъ почтеніе къ себѣ своими лѣтами и сѣдинами. Совѣтъ бѣгать юныхъ похотей или удовольствій юности, какой мы читаемъ въ посланіи апостола Павла къ Тимоѳею, данъ былъ именно въ виду относительной молодости Тимоѳея, въ какой онъ призванъ былъ къ управленію Церковію. Этимъ совѣтомъ Апостолъ хотѣлъ внушить Тимоѳею, а въ лицѣ его и другимъ людямъ, рано призваннымъ въ предстоятели Церкви, по принятіи высокаго званія, вести себя не такъ, какъ ведутъ себя другіе молодые люди, и не предаваться наравнѣ съ ними разнымъ, хотя бы и невиннымъ, развлеченіямъ. Иначе его сочтутъ несоотвѣтствующимъ высокому званію, имъ на себя принятому, могутъ потерять уваженіе къ нему, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ его сану, и не будутъ слушать его слово съ такимъ вниманіемъ и довѣріемъ, какого должно заслуживать слово пастыря, облеченнаго особенными полномочіями отъ св. Церкви.

Войдемъ въ болѣе подробное обсужденіе предмета, нами поставленнаго.

2. Знакомство священника и времяпрепровожденіе въ обществѣ близкихъ людей.

Самое невинное развлеченіе изъ доступныхъ священнику— это *обращеніе въ обществѣ близкихъ и знакомыхъ людей.* Хорошія знакомства могутъ быть источникомъ многихъ добрыхъ удовольствій. Раздѣлить часъ, другой въ непринужденной бесѣдѣ съ человѣкомъ, намъ сочувствующимъ, — это можетъ доставить намъ немалое облегченіе отъ тяжелыхъ должностныхъ занятій, напрягающихъ душевныя силы въ одну сторону, и можетъ

послужить къ полезному обмѣну чувствами, наблюденіями и соображеніями.

Но знакомства священника не могутъ и не должны быть слишкомъ обширны. Широкія знакомства могутъ повести его къ разсѣянію, и могутъ отнимать у него много времени, необходимаго ему для тщательнаго исполненія своего долга и для домашнихъ занятій, способствующихъ внутреннему самоусовершенствованію. Далѣе священнику не прилично сводить знакомство со всякимъ встрѣчнымъ человѣкомъ, а нужно быть осмотрительнымъ въ выборѣ знакомыхъ. Иное знакомство можетъ совершенно скомпрометтировать его въ глазахъ другихъ, можетъ повредить чистотѣ его мысли и вовлечь его въ кругъ занятій, несвойственныхъ священническому званію (1 Кор. XV, 33). Священнику нужно искать знакомствъ въ средѣ людей единомысленныхъ, въ средѣ людей добраго христіанскаго направленія, полныхъ духа вѣры и уваженія къ Церкви и сочувствующихъ званію священника. Апостолъ Павелъ прямо и настоятельно совѣтуетъ Тимоѳею, а въ лицѣ его и всѣмъ преемникамъ его служенія, удаляться отъ людей не доброй славы, дурнаго характера и предосудительнаго образа жизни ...ели. *Въ послѣднія дни* (говоритъ онъ)... *будутъ человѣцы ...бцы, сребролюбцы, величавы, горды, хульницы, родителемрзящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни, не...ьны,... клеветницы, невоздержницы,... неблаголюбцы, ...ли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели бого... образъ благочестія, силы же его отвержіися: ...айся* (2 Тим. III, 1—5). Что подумаютъ о священ... ...жане и другіе сторонніе люди, если онъ будетъ им... частое общеніе съ людьми сомнительной нравственно... ...аго образа мыслей? Не повредитъ ли онъ чрезъ то ...лавѣ и не унизитъ ли авторитета своего званія? ...ль ли онъ еще будетъ при этомъ поступиться своими ...астыми убѣжденіями? Или не потерпитъ ли какого ущерба его твердая вѣра, если въ бесѣдахъ и спорахъ то

и дѣло будутъ дѣлать напоръ на его вѣрующую мысль воззрѣнія не церковнаго склада, по[illegible]уй, прямо анти-христіанскія? Не приразится ли къ нему, помимо его воли, примѣсь нечестія, съ которымъ носятся и которое распространяютъ люди, подобные тѣмъ, какихъ описываетъ св. апостолъ Павелъ? Строгіе нравы предписываетъ священнику его званіе. Но не будетъ ли сопровождаться нарушеніемъ и ослабленіемъ этихъ строгихъ нравовъ согласіе или охота священника вести знакомства и дѣлить время съ людьми легкихъ нравовъ, боящимися тяжелаго подвига добродѣтели и серьезнаго труда, и ищущими больше разсѣянія и разгула? Съ большою заботливостію предостерегаетъ отъ неосмотрительныхъ знакомствъ пастырей Церкви св. Амвросій Медіоланскій въ своей книгѣ „О должностяхъ священнослужителей“ въ видахъ ихъ блага. „Цѣломудренная скромность священнослужителей (говоритъ онъ) имѣетъ камни преткновенія, которые хотя и не сама она подставляетъ, но, по несчастію, нерѣдко нападаетъ на нихъ: это—товарищества и сообщества съ людьми невоздержными и распутными, которые подъ видомъ пріятнаго дружества вливаютъ ядъ въ сердца непорочныя. Знакомство и обращеніе съ таковым[illegible] людьми, особенно на пиршествахъ, въ забавахъ, играхъ и [illegible] наго рода увеселеніяхъ, среди разгульнаго препровожденія вр[illegible] незамѣтно подрываетъ и самое прочное основаніе доброй н[illegible] ности. Поэтому надлежитъ намъ всячески бороться [illegible] гаться, чтобы въ то самое время, когда думаемъ [illegible]ществѣ и сообществѣ найти нѣкоторый отдыхъ и [illegible], необходимые для нашей природы, ослабѣвающ[illegible] [illegible]тояннаго напряженія силъ душевныхъ и тѣлесныхъ, [illegible]ться намъ опасности разстроить гармонію въ прави[illegible]зѣ жизни и добрыхъ дѣлахъ, ибо, привыкнув[illegible]у бы то ни было, намъ уже не легко бываетъ отстав[illegible] отъ своихъ привычекъ“ [1]).

---

[1]) О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой. Изд. Поспѣлова, стр. 34—5.

Св. Амвросій совѣтуетъ священнослужителямъ имѣть „знакомство съ людьми испытанныхъ правовъ честности и заслужившими всеобщее одобреніе.“ Ближе всего къ священнику его собратья по служенію. Съ ними и еще съ людьми, по своему направленію примыкающими къ церковному кругу и заботящимися о благочестіи, онъ долженъ болѣе всего дѣлить часы, свободные отъ насущныхъ обязательныхъ занятій .. Если въ мѣстности, гдѣ живетъ священникъ, есть нѣсколько его собратій по служенію и людей, близкихъ къ нему по духу и направленію, они могутъ устроять взаимныя, болѣе или менѣе періодическія собранія. Эти собранія должны и не могутъ быть слишкомъ часты. Частыя собранія послужили бы къ разсѣянію и праздности, а не къ отдохновенію и освѣженію духа. Да и нѣтъ въ распоряженіи священника столько свободнаго времени, чтобы собираться у знакомыхъ или собирать къ себѣ знакомыхъ чуть не каждый день.

Мы не думаемъ, чтобы священники находили приличнымъ и полезнымъ для себя на своихъ взаимныхъ собраніяхъ предаваться какой либо игрѣ сомнительнаго нравственнаго достоинства, напримѣръ игрѣ въ карты. Нынѣ игра въ карты въ нашемъ обществѣ слишкомъ широко распространилась ; въ свѣтскихъ собраніяхъ и на вечерахъ она является главнымъ времяпрепровожденіемъ, и многіе нарочито ходятъ въ клубы или къ знакомымъ, чтобы за карточнымъ столомъ просидѣть долгій вечеръ, а иногда большую половину ночи. Но не смотря на это общее распространеніе карточной игры, священникамъ слѣдуетъ воздерживаться отъ нея. Уже то одно должно сдерживать ихъ въ этомъ случаѣ, что многіе не благопріятно смотрятъ на священника, позволяющаго себѣ эту забаву, и часто слышится слово осужденія на пастыря, не чуждающагося карточной игры, даже со стороны тѣхъ, которые готовы предаваться этому развлеченію каждый день, и которые приглашаютъ священника раздѣлить съ ними компанію. Это явный знакъ, что въ глубинѣ нашего обще-

ственнаго сознанія гнѣздится представленіе о несовмѣстимости строгаго и высокаго званія пастыря съ такимъ легкимъ, малосодержательнымъ и несерьезнымъ развлеченіемъ, нерѣдко сопровождающимся недобрыми послѣдствіями. При видѣ такого отношенія общественнаго сознанія къ священнику, не чуждающемуся карточной игры, священникъ, чтобы не соблазнить брата своего и не ввести его въ осужденіе, долженъ отказаться отъ этого развлеченія, помня примѣръ апостола Павла, который, говоря о идоложертвенныхъ яствахъ, давалъ слово или обѣтъ не ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата своего (1 Кор. VIII, 13). Кромѣ этого есть другія побужденія для священника къ уклоненію отъ карточной игры. Пристрастіе къ этой игрѣ въ нашихъ общественныхъ слояхъ получило чрезвычайное, можно сказать, болѣзненное развитіе, и отъ одного слоя къ другому, отъ прежняго поколѣнія къ послѣднему, переходитъ, какъ зараза. Очень много дорогаго времени тратится на эту бездѣльную игру у людей дѣловыхъ, часто крадущихъ у настоятельной работы нужные часы для этой забавы, и человѣкъ, не могущій просидѣть трехъ, четырехъ часовъ за серьезнымъ трудомъ, готовъ просиживать ночи на пролетъ за карточнымъ столомъ. Къ этой неразсчетливой тратѣ времени присоединяются другія вредныя слѣдствія излишняго пристрастія къ карточной игрѣ,— разстройство здоровья отъ частыхъ безсонныхъ ночей и разстройство состоянія. Предстоитъ нужда бороться съ заразою, охватившею наше общество, и принять мѣры къ ограниченію страсти готовой овладѣть большею половиною общества. Церковь не можетъ оставаться совершенно равнодушною къ явленію, принимающему непормальные размѣры, и на пастыряхъ лежитъ долгъ напоминать обществу о вредѣ страсти, его обуявшей. Можетъ ли же священникъ при этомъ съ спокойною совѣстію предаваться тому, къ ограниченію чего нужно всячески стремиться, противъ чего его долгъ призываетъ иногда говорить слово осужденія? Если онъ и не имѣетъ страсти къ этой игрѣ, но нерѣдка

только въ доброй компаніи раздѣляетъ се, онъ этимъ своимъ участіемъ въ ней какъ бы узаконяетъ се. Послѣ этого участія ему трудно ратовать противъ господствующей страсти. Иначе ему могутъ сказать: *врачу, исцѣлися самъ*. Независимо отъ этого, карточная игра сама въ себѣ не есть особенно достойное занятіе: въ ней, какъ и во всякой игрѣ, есть нѣчто дѣтское, что не вполнѣ приличествуетъ серьезному характеру, какой предполагается въ священникѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она представляетъ изъ себя опасное занятіе: въ ней есть не мало увлекательнаго для человѣка. Производя нѣкоторое раздраженіе въ нашемъ чувствѣ, давая возможность провести время легко и пріятно, вдали отъ всякихъ заботъ о серьезномъ, она вызываетъ въ волѣ желаніе повторенія разъ испытаннаго раздраженія; отсюда раждается потребность, влекущая человѣка къ этому роду развлеченія, и незамѣтно для самаго человѣка, часто даже противъ его воли и разсчета, наживается страсть, которая подчиняетъ себѣ слабую волю, и дѣлаетъ человѣка своимъ невольникомъ. А тогда создается положеніе, унизительное для священника и несообразное съ его достоинствомъ. Тогда онъ не будетъ знать мѣры въ развлеченія, къ которому будетъ влечь его нажитая страсть. Тогда не отдохновеніе, а утомленіе онъ будетъ выносить изъ тѣхъ часовъ, которые должны быть назначаемы для возстановленія силъ.

Въ Правилахъ апостольскихъ и соборныхъ, по которымъ священникъ долженъ устроять свою жизнь, нѣтъ прямаго запрещенія той игры, которая составляетъ нынѣ обычное времяпрепровожденіе нашего общества въ свободные часы, и не могло быть; потому что въ то время, когда составлялись эти правила, не существовало такой игры. Но тотъ духъ, который руководилъ составителями этихъ правилъ, не могъ благопріятно относиться къ подобнымъ явленіямъ, и не могъ допускать въ священникѣ страсти къ занятіямъ въ родѣ карточной игры. Есть апостольское правило (42-е), которое хотя не называетъ по имени нынѣш-

ней игры, но своимъ смысломъ и содержаніемъ запрещаетъ ее священнику. Оно гласитъ: *Епископъ, или пресвитеръ. или діаконъ, игръ, и піянству преданный, или да престанетъ, или да будетъ изверженъ.* Къ какой игрѣ можетъ имѣть ближайшее отношеніе это правило въ наше время, если не къ той, какой предаются въ нашемъ поколѣніи люди разныхъ возрастовъ, состояній и положеній? Могутъ сказать, что здѣсь разумѣется преданность игрѣ, доходящая до страсти. Но игра въ карты, разъ допущенная человѣкомъ, такъ заохочиваетъ его, что онъ и не замѣтитъ, какъ изъ простой, случайной забавы она выростетъ до размѣровъ привычки, а потомъ и страсти.

Приведенное нами апостольское правило осуждаетъ священника, какъ преданнаго игрѣ, такъ и піянству. Отсюда въ тѣхъ собраніяхъ, какія могутъ быть устроемы для развлеченія священниками или людьми, имъ болѣе или менѣе сочувствующими, и въ какихъ, безъ нарушенія своего достоинства, могутъ принимать участіе священники, не должно быть ничего, хотя маломальски напоминающаго разгулъ. Конечно, не для попойки или шумнаго веселія священникъ можетъ являться въ домъ своего знакомаго или близкаго человѣка и принимать его къ себѣ. Развлеченіе, соединенное со всякими излишествами, а въ особенности сопровождающееся неумѣренностію въ употребленіи спиртныхъ напитковъ,—дѣло, въ высшей степени компрометирующее служителя Божія. Могутъ быть собранія безъ отяготительныхъ угощеній, и таковыми они должны быть, если они повторяются періодично, и если хотятъ имѣть характеръ дружескій или товарищескій. Гораздо болѣе свободы будетъ чувствовать хозяинъ, открывающій свой домъ для близкихъ людей, если обычай не будетъ налагать на него обязанности заботиться объ угощеніи ихъ и предлагать имъ больше, чѣмъ сколько для нихъ требуется въ своемъ углу. И гости, собирающіеся къ священнику или доброму міранину, само собою разумѣется, собираются не съ тѣмъ,

чтобы на чужой счетъ удовлетворить потребности своей природы болѣе той мѣры, какая предписана имъ благоразуміемъ.

Пріятная, не принужденная бесѣда, обмѣнъ мыслей, наблюденій, свѣдѣній и чувствъ, свободное обсужденіе вопросовъ, выдвигаемыхъ временемъ, литературою, состояніемъ и направленіемъ общества, жизнію церковною или политическою—вотъ что должно наполнять часы, свободные отъ обязательныхъ занятій, въ которые священникъ можетъ видѣть себя среди кружка сочувствующихъ ссбѣ лицъ. Въ такомъ общеніи мысли и любви можно отвести душу и найти себѣ успокоеніе, приводящее въ равновѣсіе разстроенныя или утомленныя силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ такое общеніе мысля можетъ быть не только пріятнымъ, но и полезнымъ времяпрепровожденіемъ: при немъ мы можемъ увеличивать запасъ своихъ свѣдѣній; чрезъ него мы можемъ получать больше свѣта и ясности въ сужденіи о дѣлахъ, насъ интересующихъ; при немъ могутъ зарождаться добрые замыслы, благотворные для нашего личнаго положенія или для исправленія той или другой стороны приходской или общественно-церковной жизни; чрезъ него наконецъ могутъ скрѣпляться связи, способствующія успѣшнѣйшему проведенію въ жизни того или другаго предпріятія.

3. Участіе въ пиршествахъ.

Можно ли священику принимать участіе въ пиршествахъ, устрояемыхъ по случаю свадьбы, имянинъ или другаго подобнаго торжества, и бывать на званныхъ обѣдахъ и вечерахъ, общественныхъ или частныхъ?

Нѣтъ необходимости священику отказываться отъ приглашенія на какой либо праздникъ или домашнее торжество къ тому или другому близкому лицу, и устраняться отъ всякаго участія въ обѣдахъ и собраніяхъ, бывающихъ въ томъ или другомъ почетномъ кругу общества. Въ особенности, если видитъ священникъ, что пригла-

шающій его съ надлежащимъ уваженіемъ относится къ званію священника, и считаетъ за честь имѣть его въ числѣ своихъ гостей, то по долгу любви онъ съ полною готовностію можетъ принять доброе приглашеніе и удовлетворить желанію человѣка, выражающаго къ нему искреннее расположеніе. Многіе изъ прихожанъ, привыкшіе чтить въ священникѣ своего духовнаго отца, считаютъ не полнымъ свое домашнее торжество, если не видятъ среди себя своего пастыря, и при всякомъ удобномъ случаѣ просятъ его оказать имъ честь своимъ посѣщеніемъ. Отъ чего священнику не посѣтить своихъ духовныхъ дѣтей, къ нему расположенныхъ, если они того желаютъ, и если онъ имѣетъ свободное время? Чѣмъ больше случаевъ представляется священнику для откровенной бесѣды съ людьми, видящими въ немъ своего духовнаго отца, тѣмъ болѣе могутъ скрѣпляться его связи съ ними, и тѣмъ болѣе онъ можетъ простирать на нихъ свое вліяніе. И Господь Іисусъ Христовъ являлся на званныхъ собраніяхъ, принималъ угощенія отъ лицъ, желавшихъ оказать Ему, вмѣстѣ съ другими. свое расположеніе, и раздѣлялъ трапезу любви. Такъ мы видимъ Его на брачномъ торжествѣ въ Канѣ Галилейской, на которое звана была Его пречистая Матерь, Самъ Онъ и ученики Его, и при которомъ Онъ сотворилъ первое чудо, чтобы доставить хозяину дома возможность угостить, какъ требуетъ приличіе, собравшихся его знакомымъ (Іоан. II, 1—11). Мы видимъ Его въ домѣ одного изъ начальниковъ фарисейскихъ, куда Онъ былъ приглашенъ въ субботу вкусить хлѣба, причемъ было много званныхъ, и гдѣ Онъ, замѣчая, какъ званные выбирали лучшія мѣста, предложилъ возлежащихъ съ Нимъ и раздѣлявшихъ трапезу нѣсколько назидательныхъ притчей, въ которыхъ вечеря послужила основнымъ образомъ для уясненія ученія о царствіи Божіемъ (Лук. XII, 1—24). Еще молилъ Его одинъ фарисей (Симонъ прокаженный), чтобы Онъ пришелъ къ нему раздѣлить съ нимъ хлѣбъ, и Господь не отказался, и съ Нимъ было нѣсколько возлежащихъ, и Онъ на вечерѣ хозяину дома и его гостямъ препо-

далъ поучительный урокъ, когда жена грѣшница явилась въ домъ фарисея съ алавастровымъ сосудомъ драгоцѣннаго мура, чтобы почтить великаго Учителя, возливала муро на ноги Его, отирала ихъ волосами головы своей, чѣмъ возбудила недоумѣнныя мысли въ самомъ Симонѣ и его гостяхъ (Лук. VII, 36—50). Въ древней христіанской Церкви были агапы, или трапезы любви: то были общественныя вечери, составлявшіяся изъ приношеній вѣрующихъ, и предстоятели Церкви не находили для себя неприличнымъ принимать въ нихъ участіе. При высокомъ духѣ благочестія, какимъ отличались пастыри первенствующей Церкви, они благосклонно смотрѣли на эти общественныя вечери, какъ на выраженіе любви, связующей членовъ Церкви, и поддерживали ихъ потому, что чрезъ нихъ укрѣплялся союзъ любви, долженствующій соединять всѣхъ вѣрующихъ во Христа.

Но являясь по приглашенію раздѣлить трапезу любви или на званный вечеръ, священникъ не долженъ забывать требованій особеннаго приличія, налагаемыхъ на него его саномъ, и среди собраній, въ особенности большихъ и смѣшанныхъ, долженъ такъ вести себя, чтобы ничѣмъ не подать никакого повода къ осужденію себя. Можно принимать приглашенія на обѣдъ или вечеръ отъ добраго прихожанина, близкаго знакомаго, уважаемаго кружка и учрежденія. Но это не значитъ, что можно сколько угодно бражничать, когда представляется случай. Боже сохрани, если священникъ дозволитъ себѣ переступить границы умѣренности и воздержанія среди общественной трапезы. Тогда доброе дѣло любви превратится въ дѣло предосудительное. Худо и въ высшей степени неприлично, если священникъ, долженствующій своимъ присутствіемъ напоминать другимъ о правилахъ долга и чести, и обязанный служить примѣромъ для мірянъ, самъ среди собранія обнаружитъ свою слабость и допуститъ хотя малѣйшее нарушеніе трезвости и воздержанія. Этимъ онъ унизитъ санъ свой, и въ своемъ лицѣ вызоветъ нареканіе на служителей Церкви.

Можно быть на вечерѣ, устрояемомъ по случаю брака, именинъ или другаго семейнаго торжества. Но не нужно долго засиживаться на нихъ, не нужно принимать участія въ тѣхъ удовольствіяхъ и играхъ, какими увеселяетъ и забавляетъ себя на нихъ свѣтское общество, въ особенности молодежь. Соборное правило (53-е правило лаодикійскаго собора) всѣмъ христіанамъ предписываетъ брачныя торжества, въ слѣдъ за ними и другія подобныя, совершать съ возможнымъ приличіемъ и скромностію. *Не подобаетъ* (заповѣдали отцы лаодикійскаго собора) *христіанамъ, на браки ходящимъ, скакати и плясати, но скромно вечеряти и обѣдати, какъ прилично христіанамъ.* Если скромное поведеніе на брачныхъ торжествахъ предписывается христіанамъ и изъ мірянъ, то тѣмъ болѣе оно обязательно для священниковъ. Когда торжество или вечеръ въ томъ или другомъ семействѣ ведется такъ, какъ предписано этимъ правиломъ, священникъ безъ стѣсненія совѣсти можетъ присутствовать на немъ. Но наши брачныя торжества и другіе вечера устрояются весьма часто не по этому правилу, а по обычаю, не принимающему въ разсчетъ строгихъ предписаній Церкви. Они тянутся часто не только за полночь, но почти до самаго разсвѣта; на нихъ одни предаются танцамъ и пляскѣ, другіе карточной игрѣ и т. под. Священнику нужно быть слишкомъ безтактнымъ и не понимать своего положенія, чтобы присутствовать при подобныхъ увеселеніяхъ и глазѣть, какъ одни танцуютъ, а другіе играютъ въ карты, третьи предаются какой либо иной забавѣ. (Мы не говоримъ уже о томъ, какъ вещи, трудно допустимой, чтобы онъ принималъ участіе въ той или другой забавѣ). Между увеселеніями юности, здѣсь допускаемыми, и строгимъ характеромъ служителя Божія такой контрастъ, что нельзя не видѣть несовмѣстимости этихъ явленій. Потому священникъ, идущій на вечеръ, на которомъ предполагаются удовольствія, неприличныя для него въ его положеніи, пусть сидитъ на немъ полчаса, часъ, пока еще не начинаются увеселенія и забавы, допускаемыя обы-

чаями свѣта. Но какъ скоро открываются удовольствія юности, въ родѣ танцевъ и пляски, какъ скоро раскрываются карточные столы, его тактъ долженъ предписывать ему оставлять гостепріимный домъ, хотя бы даже ко времени его ухода еще не собрались всѣ гости. Да и не одинъ тактъ это предписываетъ священнику. Къ этому обязываетъ его положительное правило. Такъ мы читаемъ въ 24-мъ правилѣ VI вселенскаго собора: *Аще кто изъ клира званъ будетъ на бракъ: то при появленіи игръ, служащихъ къ обольщенію, да востанетъ, и тотчасъ да удалится: ибо такъ повельваетъ намъ ученіе отецъ нашихъ. Аще же кто обличенъ будетъ въ семъ: или да престанетъ, или да будетъ извержен.* Тотъ же смыслъ имѣетъ и 54-е правило лаодикійскаго собора: *Не подобаетъ освященнымъ или причетникамъ зрѣти позорищныя представленія на бракахъ или на пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ востати имъ, и отходити.* Устроители русской жизни въ древнее время, руководясь соборными и отеческими правилами, не возбраняли священникамъ ходить къ мірянамъ на пиры и разрѣшали имъ благообразно и съ благословеніемъ вкушать предлагаемое на этихъ пирахъ, но въ тоже время они заповѣдывали имъ внимательно охранять достоинство своего сана, и предписывали имъ, когда начнется играніе, плясаніе и гудѣніе, тотчасъ вставать, да не осквернятся ихъ чувства видѣніемъ и слышаніемъ, и вообще, отнюдь не чуждаясь такихъ пировъ, уходитъ, когда будетъ соблазнъ [1]).

4. Можно ли священнику посѣщать театры, цирки и мѣста общественныхъ гуляній и увеселеній?

Обычай, давно установившійся въ православной Церкви, затворяетъ для священника двери въ подобныя мѣста обществен-

---

[1]) Правило 16-е Іоанна, митрополита русскаго, нареченнаго пророкомъ Христа. Исторія русской Церкви Макарія, т. II, стр. 210 и 238.

ныхъ увеселеній, и съ церковной точки зрѣнія явленіе священника въ театрѣ, циркѣ или на общественномъ гуляньи было бы дѣломъ предосудительнымъ, и подвергало бы его не только нареканію, но и церковному суду и наказанію. Между тѣмъ въ настоящее время нерѣдко заявляется протестъ противъ этого строгаго обычая, и люди новаго направленія желали бы отворить для священника двери и въ театры, и въ цирки, и въ другія мѣста общественныхъ увеселеній. Тамъ-де предлагается благородное наслажденіе и даже даются представленія, имѣющія въ себѣ много поучительнаго. Туда невозбранно ходятъ, нисколько не унижая своего достоинства, люди почтенные, занимающіе высокое общественное положеніе и отличающіеся серьезнымъ характеромъ и добрымъ религіознымъ настроеніемъ. Представители духовенства въ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ дозволяютъ себѣ посѣщеніе театровъ и другихъ подобныхъ мѣстъ, и въ этомъ-де не находятъ ничего дурнаго, и этимъ они не подаютъ другимъ никакого соблазна.

Разсуждающіе такъ и желающіе расширенія свободы священнику въ пользованіи общественными удовольствіями не хотятъ знать положительныхъ узаконеній Церкви касательно этого предмета, или стараются обходить ихъ. Между тѣмъ вопросъ, нами поставленный, не можетъ быть рѣшенъ на основаніи однихъ общихъ соображеній. Руководительною нитью при его рѣшеніи должно быть положительное правило, постановленное и принятое Церковію, и вмѣстѣ съ тѣмъ сужденія отцовъ, заботившихся о благоустроеніи Церкви Христовой. Но здѣсь мы можемъ найти основанія только для отрицательнаго рѣшенія вопроса.

Церковь всегда очень неблагопріятно смотрѣла на театральныя зрѣлища, и отъ тѣхъ, которые по своему званію должны были отличаться строгою нравственностію, она требовала удаленія отъ этихъ зрѣлищъ. Отцы VI вселенскаго собора опредѣлили

запретить ходить на конскія ристалища или на позорищныя игры числящимся въ клирѣ. „*Никому изъ числящихся въ священномъ чинѣ, ни монаху* (читаемъ мы въ 24 правилѣ этаго собора), *не позволяется ходити на конскія ристалища, или присутствовати на позорищахъ играхъ... Аще же кто обличенъ будетъ въ семъ: или да престанетъ, или да будетъ извержень.* Этого мало. Кароагенскій помѣстный соборъ (18-мъ правиломъ) повелѣваетъ и *дѣтямъ священниковъ не представляти мірскихъ позорищъ, и не зрѣти оныхъ. Сіе же и всѣмъ христіанамъ всегда проповѣдуемо было, да не входятъ туда, гдѣ бываютъ хуленія.* Въ основаніи такихъ правилъ лежитъ то, что, по воззрѣніямъ отцовъ древней Церкви, театральныя и другія подобныя зрѣлища—удовольствіе мало того, что не серьезное, но и опасное для нравственности, не согласное съ истиннымъ благочестіемъ. У древнихъ писателей и отцовъ, когда ни заходитъ рѣчь о театральныхъ или ристалищныхъ зрѣлищахъ, всегда высказываются неблагопріятныя сужденія о нихъ. Извѣстенъ трактатъ Тертулліана о зрѣлищахъ (de spectaculis). Въ немъ строгій нравоучитель развиваетъ и доказываетъ такую мысль, что посѣщеніе театра дѣло въ высшей степени недостойное христіанина и опасное для него, и при этомъ разбиваетъ всѣ возраженія или доводы, какими любители зрѣлищъ желали бы извинить или оправдать свою страсть къ театрамъ, „Наши глаза (замѣчаетъ онъ) созданы не для страстныхъ созерцаній, уши не для слушанія худыхъ бесѣдъ... Мы въ крещеніи отреклись отъ діавола, всѣхъ дѣлъ его и всего служенія. Но демонъ въ идолослуженіи и вся суть театра основана на идолослуженіи“... Въ священномъ Писаніи (говорили) нѣтъ запрета противъ зрѣлищъ. На это отвѣчаетъ Тертулліанъ, что Спасителю и апостоламъ не было повода говорить объ этомъ предметѣ, такъ какъ у іудеевъ не было театра. Но если внимательно поискать въ книгахъ священнаго Писанія, то можно найти не одно

мѣсто, осуждающее посѣтителей театра. Тертулліанъ прилагаетъ къ вопросу о театрахъ первые стихи перваго псалма и видитъ неодобреніе посѣщенія зрѣлищъ въ словахъ: *Блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ, и на сѣдалищи губителей не сѣде* (Псал. 1, 1). Силу правилъ соборныхъ, закрывающихъ для священника двери въ театръ, и силу рѣзкихъ и строгихъ сужденій о зрѣлищахъ древнихъ отцовъ и писателей, желающіе измѣненія обычая, поддерживаемаго въ православной Церкви, думаютъ ослабить и устранить тѣмъ, что эти правила и сужденія имѣютъ въ виду не наши нынѣшніе театры, а древніе языческіе, которые съ одной стороны тѣсно связаны были съ языческою религіею и составляли часть идолослуженія, такъ какъ посвящены были Вакху или Діонису, и среди нихъ устроенъ былъ жертвенникъ, на которомъ курился ѳиміамъ въ честь бога, а съ другой стороны они не заслуживали добраго слова отъ отцовъ потому, что на нихъ было много вольностей и распутства, и допускались безчеловѣчныя, кровавыя сцены, какъ напримѣръ на гладіаторскихъ играхъ. Но если это и такъ, если дѣйствительно соборныя правила и отеческія сужденія направлены противъ языческихъ зрѣлищъ, то ихъ нельзя опускать изъ виду при мысли о нынѣшнихъ театрахъ; потому что между нынѣшними театральными представленіями и представленіями временъ язычества слишкомъ много аналогическаго и сроднаго. То, что мы нынѣ видимъ на театрахъ, было и на театрахъ языческой Греціи и Рима съ несущественными измѣненіями, и если къ тогдашнимъ зрѣлищамъ законоположители церковные относились строго, то они не иначе отнеслись бы и къ зрѣлищамъ нашихъ дней, еслибы жили среди насъ. Правда, ново-европейскій театръ возникъ изъ мистерій и представленій религіознаго характера, и ютился первопачально около Церкви. Но мистеріи и религіозныя представленія сдѣлались уже преданіемъ старины глубокой, и нынѣшній театръ совершенно порвалъ связи съ тѣмъ религіознымъ началомъ, изъ котораго вышелъ и каждый, знакомый съ

исторіею театра, долженъ сознаться, что нынѣшній театръ родной братъ древнему греко-римскому театру, а не средне-европейскому мистеріальному. Въ древнемъ театрѣ было много вольности и нравственной распущенности, такъ что императоръ Юліанъ запретилъ языческимъ жрецамъ присутствовать на театральныхъ зрѣлищахъ. А нынѣ развѣ одно чистое художественное наслажденіе предлагается на театрахъ? И если даются иногда піесы поучительнаго характера и содержанія, то развѣ въ нихъ интересъ таатральныхъ зрѣлищъ? Развѣ для поученій и назиданія большинство ходитъ въ театры? Не видимъ ли мы на театральныхъ представленіяхъ подъ фирмою искуства много пошлаго, чувственнаго, чѣмъ болѣе всего возбуждается и услаждается современный посѣтитель театра? Бываютъ серьезныя вещи на театрахъ, какъ бывали онѣ на театрахъ Греціи и Рима. Но рядомъ съ ними множество нравственнаго легкомыслія, грубыя шутки, цинническія выходки, грязныя картины; средоточіемъ обыденныхъ представленій служитъ чувственная любовь съ ея соблазнами, съ ея увлеченіями, съ ея надеждами, иногда съ ея мало прикрытою наготою. Подобныя представленія разсчитаны не на удовлетвореніе высшимъ потребностямъ нашего духа, а не удовлетвореніе нашимъ низшимъ инстинктамъ и страстямъ. Присутствіе священника на такихъ зрѣлищахъ было бы узаконеніемъ той пошлости, какая на нихъ видна и представляется, и оно дѣлало бы его участникомъ въ тѣхъ легкомысленныхъ безпутствахъ, какія довольно часто находятъ мѣсто на театрахъ.

Не въ силу связи театральныхъ зрѣлищъ съ языческою религіею и языческими суевѣріями соборныя правила и древніе отцы воспрещали христіанскимъ священникамъ посѣщеніе театровъ. Они считали вообще несообразнымъ съ достоинствомъ служителя Церкви, долженствующаго всегда и вездѣ выдерживать строгій, серьезный характеръ, присутствіе на шумныхъ общественныхъ увеселеніяхъ, способствующихъ излишнему разсѣянію духа, и выдвигающихъ его изъ той колеи, идя по которой онъ сохра-

нлетъ приличную своему сану важность. Правила (21-е пр. VI вселенскаго собора) запрещаютъ числящимся въ клирѣ не только присутствовать на позорищныхъ играхъ, но и ходить на конскія ристалища,—и запрещеніе соборное съ одинаковою силою простирается какъ на то, такъ и на другое увеселеніе. Между тѣмъ конскія ристалища не имѣютъ никакого отношенія къ языческимъ суевѣріямъ, и даже ихъ нельзя винить за ту нравственную распущенность, азъ-за которой-де отцы строго отнеслись къ древнему театру. Далѣе не въ театрѣ только правила соборовъ возбранятъ священнику смотрѣть на позорищныя игры. Они заповѣдуютъ ему удаляться и изъ собраній въ частныхъ домахъ, гдѣ не было жертвенника, напоминавшаго въ театрахъ о языческомъ идолослуженіи, когда тамъ начинались сценическія игры и представленія. *Не подобаетъ* (говоритъ 57-е правило лаодикійскаго собора) *освященнымъ, или причетникамъ зрѣти позорищныя представленія на бракахъ или пиршествахъ: но прежде вхожденія позорищныхъ лицъ востовати имъ, и отходити.* И по приведенному уже нами 27 правилу VI вселенскаго собора, *аще кто изъ клира званъ будетъ на бракъ: то при появленіи игръ, служащихъ къ обольщенію, да востанетъ и тотчасъ да удалится: ибо такъ повелѣваетъ намъ ученіе отецъ нашихъ.*

И древніе церковные писатели не языческую закваску преслѣдуютъ, когда возстаютъ противъ театровъ: они ратуютъ противъ нихъ во имя чистоты и цѣлости нравственнаго духа, какой они желали бы воспитать въ христіанахъ, ратуютъ потому, что видятъ въ нихъ много опасностей для доброй нравственности. Тертулліанъ не на языческія только зрѣлища нападаетъ, не за то только желалъ бы закрыть театръ для благочестивыхъ христіанъ, что онъ связанъ съ идолослуженіемъ, — онъ порицаетъ зрѣлища вообще. „Въ циркѣ и театрѣ (говоритъ онъ) возбуждаются бурныя и гнѣвныя чувства... Нѣтъ зрѣлища, которое бы не возмущало души. Тамъ, гдѣ есть возбужденіе души, есть

страсть... Гдѣ страсть, тамъ горячность; а горячность влечетъ за собою гнѣвъ, мщеніе и свиту другихъ страстей, не мирящихся съ ученіемъ христіанскимъ. Положимъ, что кто нибудь на зрѣлищахъ сидитъ съ скромнымъ и важнымъ видомъ, зависящимъ отъ его положенія въ обществѣ, возраста или характера: не вѣрьте между тѣмъ, что душа его остается неподвижною и безъ всякаго скрытаго волненія. ...Могутъ разсказывать въ театрѣ вещи хорошія и скромныя. Но діаволъ всѣмъ пользуется. Онъ вливаетъ смертоносный ядъ въ самыя пріятныя и дорогія творенія Божія"... Честность, гармонія, видимая на театрѣ, —это частица, подслащающая ядъ, предлагаемый здѣсь. —Тертулліанъ (могутъ сказать) былъ ригористъ, преувеличивавшій требованія христіанской нравственности до безпощадной суровости. Обратитесь къ проповѣдямъ св. Іоанна Златоуста, которыя говорились жителямъ такимъ городовъ, какъ Антіохія и Константинополь; его нравоученіе нельзя укорять въ своеобразной исключительности. Между тѣмъ у него множество сильныхъ нападеній на театральныя зрѣлища. Не священниковъ только, а всѣхъ добрыхъ христіанъ онъ проситъ „убѣгать сатанинскихъ зрѣлищъ и вреднаго посѣщенія конскихъ бѣговъ" [1]). Какая выгода (говорилъ онъ) ходить на зрѣлища беззаконія, посѣщать общее училище безстыдства, публичную школу невоздержанія, возсѣдать на сѣдалищѣ пагубы? Ибо не погрѣшитъ тотъ, кто сцену, это пагубнѣйшее мѣсто, полное всякаго рода болѣзней, эту вавилонскую печь, назоветъ и сѣдалищемъ пагубы, и школою распутства, и училищемъ невоздержанія, и всѣмъ, что ни есть постыднѣйшаго. Дѣйствительно, діаволъ, ввергнувъ городъ въ театръ, какъ-бы въ печь какую, затѣмъ поджигаетъ снизу, подкладывая не хворость, какъ нѣкогда иноплеменникъ тотъ (Навуходоносоръ), не нефть, не паклю, не смолу, а что гораздо хуже этого, любодѣйные взгляды, срамныя слова, развратныя стихотворенія и самыя негодныя пѣсни. Ту печь разожгли руки

1) VII бесѣда о Лазарѣ, 8. Бес. Злат. въ р. пер. Т. I! стр. 212.

иноплеменниковъ, а эту разжигаютъ помыслы, неразумнѣйшіе иноплеменниковъ. Эта печь хуже той; потому что и огнь здѣсь пагубнѣе: онъ не тѣла сожигаетъ, но разрушаетъ благосостояніе души; а еще хуже то, что горящіе (въ этомъ огнѣ) даже и не чувствуютъ этого; ибо еслибы чувствовали, то не производили бы громкаго смѣха при видѣ того, что происходитъ"... Тамъ можно видѣть и блудодѣянія, и прелюбодѣянія, можно слышать и богохульныя рѣчи, такъ что болѣзнь проникаетъ въ душу и чрезъ глаза и чрезъ слухъ" [1]). „Не все ли здѣсь соединено для того, чтобы губить душу? И безстыдныя женщины, и не цѣломудренныя пѣсни, и страстная музыка. Смотря на все это, какъ ты можешь говорить, что ничего человѣческаго ты не чувствуешь? Развѣ тѣло твое камень? Развѣ желѣзо? Или ты болѣе успѣлъ въ христіанской жизни, чѣмъ тѣ великіе мужи, которые пали отъ одного возрѣнія [2])?" Тестръ, по воззрѣніямъ Златоуста, пріучаетъ къ жизни праздной и разсѣянной,—порождаетъ холодность къ обязанностямъ семейнымъ и къ святому благочестію. „Не отсюда ли (спрашиваетъ онъ въ одномъ словѣ [3]), изобразивъ разныя обольщенія, какимъ подвергаются посѣтители театра) развращеніе жизни, разстройство брачныхъ союзовъ, распри и ссоры въ семействахъ? Въ самомъ дѣлѣ, когда ты, разстроившись тамошнимъ зрѣлищемъ, и сдѣлавшись болѣе сладострастнымъ и похотливымъ, и совершеннымъ врагомъ цѣломудрія, возвратишься домой и увидишь жену свою: тебѣ уже не такъ пріятно будетъ смотрѣть на нее, какова бы она ни была. Распалившись возбужденною на зрѣлищахъ похотію, и плѣнясь чужимъ обольстительнымъ лицомъ, ты отвращаешься отъ цѣло-

---

1) Св. Іоанна Златоуста VI бесѣда о покаяніи, 2. Бес. Злат. въ р. пер. Т. II, стр. 359—360.

2) VII бесѣда на Матѳея.

3) Бесѣда о Давидѣ и Саулѣ III, надписывается еще: „о томъ что ходить на зрѣлища гибельно, что это ведетъ къ прелюбодѣянію и бываетъ причиною неудовольствія и раздоровъ. Бес. св. І. Злат. въ русск. переводѣ Т. II, стр. 176—182.

мудренной и кроткой жены, подруги всей твоей жизни, оскорбляешь ее, осыпаешь тысячью упреков, не потому, чтобы было тебѣ за что винить ее, но потому, что стыдно выказать страсть и показать рану, съ которою ты возвратился оттолѣ домой; сплетаешь другіе предлоги, безумно выискивая поводъ къ ссорѣ; съ отвращеніемъ смотришь на всѣхъ домашнихъ, предавшись совершенно той глупой и нечистой похоти, которою уязвленъ, и нося въ душѣ запавшій въ нее звукъ голоса, поступь, взглядъ, движенія и всѣ образы блудные, ни на что домашнее не смотришь съ удовольствіемъ. И что говорю о женѣ и дѣтяхъ? На самую церковь будешь смотрѣть не такъ пріятно, и слова о цѣломудріи и чистотѣ будешь слушать съ неудовольствіемъ. Слова эти будутъ тебѣ не поученіемъ, а осужденіемъ; мало по малу ты уклонишься и наконецъ совсѣмъ отстанешь отъ этаго общеполезнаго ученія. Потому прошу всѣхъ васъ,—и сами избѣгайте гибельнаго пребыванія на зрѣлищахъ, и посѣщающихъ оныя увлекайте оттуда. Ибо все, что бываетъ тамъ, ведетъ не къ исправленію души, но къ погибели, осужденію и наказанію. Что пользы въ этомъ кратковременномъ удовольствіи, когда изъ него раждается постоянная скорбь, и ты, днемъ и ночью уязвляемый похотію, для всѣхъ становишься тягостнымъ и непріятнымъ?“. Слишкомъ разслабляющее нравственное дѣйствіе приписываетъ христіанскій правоучитель театральнымъ зрѣлищамъ, и онъ съ крайнимъ изумленіемъ отнесся бы къ сужденіямъ тѣхъ, которые желали бы открыть доступъ въ театры и служителямъ Божіимъ.

Ссылаются на примѣръ представителей духовенства другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, которые-де невозбранно посѣщаютъ театры и другія мѣста общественныхъ увеселеній. Но этотъ примѣръ не можетъ имѣть для насъ никакого значенія и нисколько не можетъ говорить противъ обычая православной Церкви, когда есть прямыя и положительныя правила, запрещающія для числящихся въ клирѣ входъ въ театръ и на конскія ристалища. Притомъ, если и допускается тамъ посѣщеніе театровъ лицами,

принадлежащими къ клиру, то это допускается не какъ правило, а какъ уклоненіе отъ правила, за цѣлостію котораго перестали наблюдать. Изъ жизни инославнаго духовенства намъ нужно брать для подражанія то, что заслуживаетъ одобреніе, а не то, что можетъ вызывать противъ себя нареканія, и въ чемъ видно нарушеніе прежней церковной дисциплины. Да и тамъ, гдѣ обычай дозволяетъ служителямъ религіи посѣщать театры и мѣста общественныхъ увеселеній, и гдѣ въ практикѣ жизни болѣе или менѣе забываются древнія строгія церковныя правила, напримѣръ въ протестантскихъ обществахъ,—и тамъ очень многіе соблазняются, когда видятъ въ театрѣ освященное лицо, долженствующее служить у престола Божія. Это явный знакъ, что въ сознаніи христіанскаго общества есть безотчетное представленіе о несовмѣстимости въ одномъ лицѣ служенія Богу и участія въ общественныхъ увеселеніяхъ. И когда тамъ у людей, желающихъ лучше устроить и направить жизнь духовенства, заходитъ рѣчь о предметѣ, нами обсуждаемомъ, они, слѣдуя внушеніямъ благоразумія, даютъ такой совѣтъ [1]) своимъ собратіямъ по служенію: въ виду воззрѣній общества на театры, и въ виду того, что въ нихъ представляется, если не законъ, то тактъ долженъ бы предписать служителямъ религіи не посѣщать театровъ и другихъ подобныхъ мѣстъ, чтобы не подать повода къ соблазну.

---

[1]) Evangel. Postoraltheolgie. Palmer. 1860, s. 131. Der evang. Pfarrer. Coch. 1882 s. 504—5.

III.

Внѣшнее приличіе священника.

1. Необходимость соблюденія внѣшняго приличія священнику.

Священнику, всегда и во всемъ обязанному блюсти достоинство своего званія, нужно не только охранять внутреннюю чистоту своей души и быть образцомъ для другихъ въ исполненіи нравственнаго закона, но и быть внимательнымъ къ своей внѣшности, чтобы не подать повода къ осужденію себя. Внѣшность человѣка,—его видимая поступь, походка, тѣлодвиженія, образъ веденія рѣчи, одежда,—служитъ обнаруженіемъ его души и какъ бы дополненіемъ его нравственной личности. При явленіи человѣка въ обществѣ, среди другихъ, первое, что бросается въ глаза и производитъ на другихъ такое или иное впечатлѣніе,—это именно внѣшній видъ его, и по этому внѣшнему виду слагается у людей выгодное или невыгодное представленіе о ихъ собратѣ. Еще премудрый сынъ Сираховъ сказалъ: *по виду узнается человѣкъ и по выраженію лица при встрѣчѣ познается разумный. Одежда и осклабленіе зубовъ и походка человѣка показываетъ свойство его* (Сир. XIX, 26—27). И эта истина, признанная всѣми. На основаніи этой истины святый Амвросій Медіоланскій совѣтуетъ клирикамъ и священнослужителямъ сохранять цѣломудренную скромность въ своихъ тѣлодвиженіяхъ (въ книгѣ „О должностяхъ священнослужителей“). „Въ движеніяхъ тѣла (говоритъ этотъ святой отецъ) выражается состояніе нашей души, такъ

что изъ внѣшнихъ дѣйствій тѣлесной природы нашей, по тѣсной связи души съ тѣломъ, мы заключаемъ и о внутреннихъ свойствахъ духовной природы нашей. Посему-то мы, и не видя души человѣка, потому что она закрыта для насъ, объ однихъ говоримъ, что они вѣтрены, а о другихъ, что они степенны, иныхъ называемъ гордыми и надменными, а иныхъ смиренными и кроткими, въ однихъ подозрѣваемъ хитрость и лукавство, а въ другихъ усматриваемъ искренность и чистосердечіе и т. под. Такимъ образомъ душа наша отражается во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ нашихъ, какъ въ зеркалѣ, и всѣ они служатъ для насъ какъ бы отголоскомъ или вывѣскою души. Помните, дѣти мои, какъ я одного пріятеля нашего, искавшаго у насъ мѣста, не смотря на все его желаніе и усердіе занять при насъ должность, не принялъ въ свой клиръ потому только, что пріемы его тѣлодвиженія въ обращеніи и дѣйствіяхъ были очень непристойны, а другаго, котораго я засталъ въ нашемъ клирѣ, удалилъ отъ себя, приказавъ ему и на глаза не являться, по той именно причинѣ, что онъ своею наглою и неистовою походкою и разными кривляніями, какъ бичемъ, поражалъ взоръ мой. И не обманулся я въ своемъ о нихъ мнѣніи и распоряженіи: ибо оба они впослѣдствіи отпали отъ Церкви, чѣмъ и доказали на самомъ дѣлѣ, что какими они являлись по внѣшнимъ тѣлодвиженіямъ своимъ, такими оказались чрезъ свое вѣроломство и по внутреннимъ качествамъ души“ [1]).

Священическое служеніе есть служеніе высокое. По званію пастыря Церкви, священникъ есть отецъ для своихъ прихожанъ, какимъ именемъ они и величаютъ его. Соотвѣтственно этому званію, и внѣшній видъ его долженъ внушать почтеніе къ нему. Какъ служитель Божій, онъ всегда и вездѣ долженъ выдерживать строгій и степенный характеръ. Отсюда и во всѣхъ внѣшнихъ пріемахъ его не должно быть ничего рѣзкаго, ничего

---

1). О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросія, епископа Медіоланскаго. Изданіе П. Поспѣлова, стр. 7—8.

грубаго и дерзскаго, ничего, отзывающагося легкомыслiемъ и обнаруживающаго въ себѣ недостатокъ мѣры и самообладанiя; но на всемъ внѣшнемъ видѣ его должна лежать печать серьезности, скромности и, если возможно, благоговѣйности, приличной сану священника.

2. Нарушенiя внѣшняго приличiя, унижающiя священный санъ.

Главная причина, могущая вести къ нарушенiю внѣшней благопристойности, требуемой отъ священника, —не сдержанная страсть, и первые видимые признаки во внѣшнемъ поведенiи священника, роняющiе его санъ и могущiе вызывать на него осужденiе со стороны другихъ.—это безпорядочныя обнаруженiя какой либо страсти, возобладавшей душею, лишающей ее спокойнаго самообладанiя. Въ особенности въ этомъ отношенiи опасна страсть гнѣва, или раздражительность. Кто поддается этой страсти, тотъ въ минуту гнѣва не владѣетъ собою и бываетъ не похожъ на самого себя: во внѣшнемъ видѣ его замѣчается такой же безпорядокъ, какой бываетъ виденъ на лицѣ земли во время бури. Лицо его теряетъ спокойное, полное достоинства выраженiе, и во внѣшней поступи его возможны такiя явленiя, какихъ онъ не допустилъ бы при твердомъ самообладанiи. Раздраженный выражаетъ свое внутреннее волненiе дикими угрожающими жестами, — не умѣренно размахиваетъ руками, топаетъ ногами, голосъ его издаетъ нечестовые крики и теряетъ тонъ спокойной разсудительности. У человѣка, пришедшаго въ гнѣвъ, по изображенiю св. Василiя Великаго, „кровь въ сердцѣ кипитъ, бурля и клокоча, какъ на сильномъ огнѣ; устремившись на поверхность тѣла, показываетъ она разгнѣваннаго въ иномъ видѣ, обыкновенныя и всѣмъ извѣстныя черты его замѣнивъ какъ бы личиной, употребляемой на позорищѣ. У нихъ не узнаешь тѣхъ глазъ, какiе имъ свойственны и обычны; напротивъ взоръ блуждаетъ и сверкаетъ огнемъ. У нихъ зубы скрипятъ, какъ у

вепрей, когда точатъ зубъ о зубъ. Лице блѣдно и налито кровію; все тѣло надуто, жилы готовы лопнуть, оттого что духъ взволнованъ внутреннею бурей. Голосъ жестокъ и напряженъ, рѣчь несвязна, вдается въ излишество, течетъ нераздѣльно, не въ порядкѣ, не вразумительно. А когда, какъ огнь при обиліи сгораемаго вещества, человѣкъ воспламенетъ до крайней степени огорчительнымъ для него; тогда, о! тогда увидишь такія зрѣлища, которыхъ нельзя пересказать словами и стерпѣть на самомъ дѣлѣ“ [1]).

Неприличныя въ каждомъ благовоспитанномъ человѣкѣ, бурныя проявленія гнѣвной страсти въ особенности унижаютъ и оскорбляютъ достоинство священническаго сана, Священникъ—служитель мира, долженствующій научать другихъ умѣрять и побѣждать свои страсти. Видъ его, увлеченнаго раздражительностію до забвенія приличія и нарушенія внѣшней благопристойности,— прямое противорѣчіе тому понятію, какое соединяется съ его саномъ, и онъ подастъ невольный поводъ къ осужденію священника, и если не къ подавленію, то къ умаленію уваженія, какое должно быть въ сердцахъ людей по отношенію къ лицу, облеченному священнымъ авторитетомъ. Потому св. Амвросій Медіоланскій совѣтуетъ служителямъ Божіимъ „всячески воздерживаться отъ гнѣва и раздрожительности, чтобы по возможности всегда сохранять приличіе и благопристойность. Если же нельзя совершенно предостеречься отъ этого, то нужно по крайней мѣрѣ стараться сдерживать и укрощать въ себѣ гнѣвливость. Необходимо намъ прежде всего стараться о томъ, чтобы незлобіе и спокойствіе душевное, чрезъ возможно частое упражненіе и привычку къ нимъ, обратились въ самую природу нашу. Потомъ, такъ какъ чувство гнѣва заключается въ самой природѣ чело-

---

1) Св. Василія Великаго бесѣда на гнѣвливыхъ. Творенія св. Отцевъ въ русскомъ переводѣ. Т. VIII, стр. 165—6.

вѣка и, такъ сказать, прирождено ему, такъ что искоренить его, или совсѣмъ уничтожить, нельзя: то должно стараться о томъ, чтобы разумъ нашъ предотвращалъ причину гнѣва, когда это можно предвидѣть. Но если уже гнѣвъ овладѣлъ нами прежде, чѣмъ могъ разсудокъ нашъ предвидѣть его, то нужно, по крайней мѣрѣ, размышлять о томъ, какъ бы ослабить, успокоить въ себѣ раздражительность, и умѣрить чувство гнѣва.. Если гнѣвъ вдругъ явится у тебя, предускоритъ твой разсудокъ, и овладѣетъ твоею мыслію, то ты всячески противься чувству гнѣва, будь твердъ и не падай духомъ; старайся терпѣніемъ и благоразуміемъ укрощать въ себѣ порывы гнѣва. Но если нельзя удержаться отъ гнѣва, если противникъ твой непомѣрною дерзостію и злобою вызываетъ тебя на гнѣвъ, то старайся, по крайней мѣрѣ, удерживать свой языкъ отъ злословія... Не гнѣваться нельзя. Не статочное дѣло, чтобы неправедливость и коварство другаго не трогали насъ, не возмущали нашего духа! Это уже будетъ не добродѣтель, а безчувственность По гнѣвайтеся такъ, чтобы не впадать въ согрѣшеніе и не доводить себя до потери разсудка. *Гнѣвайтеся, но не согрѣшайте* (Псал. IV, 5), научаетъ насъ Давидъ. Вотъ нашъ учитель, который умѣлъ больше побѣждать свои страсти благоразуміемъ и благочестіемъ, нежели совсѣмъ искоренять ихъ“[1]).

Есть другая страсть, которая можетъ доводить священнослужителя до нарушенія внѣшняго приличія. и которая, собственно говоря, никогда бы не должна встрѣчаться въ кругѣ лицъ, призванныхъ къ служенію Церкви,—это страсть, ведущая человѣка къ нетрезвости. Всякаго вида нетрезвости слѣдуетъ избѣгать пастырямъ Церкви. Извѣстно, какими печальными и унизительными послѣдствіями сопровождается несоблюденіе воз-

---

[1]) О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросія Медіоланскаго. Изданіе Поспѣлова, стр. 15—19.

держанія и умѣренности, предписываемыхъ священнику. Какое почтеніе будутъ оказывать священнику, если увидятъ сторонніе люди, какъ онъ подъ вліяніемъ винныхъ паровъ теряетъ твердую походку и спотыкается, если замѣтятъ, что у него языкъ прилипаетъ къ гортани, соловѣютъ глаза, и въ одеждѣ замѣчается такая неряшливость, какой онъ не допустилъ бы, еслибы былъ въ обыкновенномъ трезвомъ состояніи? Мы не говорили бы объ этомъ нарушеніи внѣшней благопристойности отъ нетрезвости. Но къ сожалѣнію, дѣйствительность, хотя и рѣдкая, дѣлаетъ нелишнимъ напоминаніе объ этомъ. Тѣмъ болѣе нужно быть осторожнымъ въ этомъ случаѣ, что судъ свѣтскаго общества любитъ обобщать явленія, и замѣченную неисправность въ одномъ готовъ переносить на цѣлое сословіе пастырей Церкви.

3. Забота о соблюденіи видимой благопристойности въ вещахъ, по видимому, безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи.

Этого мало, чтобы не нарушать внѣшней благопристойности какимъ либо безпорядочнымъ проявленіемъ несдержанной страсти. Св. Амвросій Медіоланскій совѣтуетъ священнослужителямъ всегда и во всемъ, во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ соблюдать благоразумную мѣру и выдерживать видъ благородства и достоинства. Онъ желаетъ, чтобы пастырь Церкви, насколько возможно, управлялъ обычными движеніями членовъ нашего тѣла, и силою своей воли исправлялъ и смягчалъ всякую рѣзкую форму этихъ движеній, и устранялъ всякое уклоненіе отъ правильной закономѣрности. Напримѣръ, походка человѣка вещь не важная въ нравственномъ отношеніи; она, повидимому, не входитъ въ область предметовъ, управляемыхъ нашею волею, и, кажется, излишне заботиться о томъ, чтобы не нарушить здѣсь благопристойности. Но св. Амвросій находитъ возможнымъ и считаетъ нужнымъ давать совѣты и касательно упорядоченія этой вещи, на кото-

рую обыкновенно не обращаютъ никакого вниманія. И здѣсь воля, руководимая чувствомъ мѣры, можетъ оказывать вліяніе, клонящееся къ соблюденію большаго внѣшняго приличія.

„Походка въ священнослужителѣ (по словамъ св. Амвросія Медіоланскаго) должна быть вообще скромная. Скоро ходить я не считаю для него приличнымъ, развѣ когда этого требуетъ какая либо особая нужда; ибо поспѣшно идущіе, запыхавшись, кривляютъ ртомъ, и при утомленіи и разсѣянности своей они обыкновенно спотыкаются или же и совсѣмъ падаютъ. Но я говорю не о тѣхъ, которые рѣдко и по нуждѣ дѣлаютъ это, но о тѣхъ, у которыхъ скорая походка, суетливая бѣготня отъ частаго повторенія обращается въ неисправимую привычку, дѣлается какъ бы природою ихъ. Впрочемъ бываютъ и такіе, которые въ тихой и плавной походкѣ подражаютъ тѣлодвиженіямъ комедіантовъ, или особенному колебанію статуй въ церемоніальныхъ носилкахъ (какъ это обыкновенно бываетъ въ торжественныхъ процессіяхъ), такъ что въ каждомъ шагѣ они какъ бы стараются наблюдать особенную мѣру, или тактъ. Я не одобряю ни надменной походки послѣднихъ..., ни суетливой побѣгушки первыхъ... Хороша и благопристойна походка простая и естественная, безъ всякаго притворства, когда она выражаетъ степенность и спокойствіе духа. Всякое притворство и неестественность всегда и во всемъ непріятны. Тѣлодвиженіями нашими должна управлять сама природа. Если есть какой либо недостатокъ въ природѣ, то его нужно исправлять посредствомъ частыхъ и тщательныхъ упражненій, но такъ, чтобы при этомъ не было никакой искусственности или поддѣлки подъ природу, а чтобы было одно только исправленіе“ 1).

Во внѣшнемъ видѣ, по наставленіямъ св. Амвросія Медіоланскаго, священнослужители особенно должны заботиться о со-

---

1) О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросія Медіоланскаго. Изданіе Поспѣлова, стр. 8—11.

блюденіи требованій цѣломудренной стыдливости. Пренебреженіе къ этимъ требованіямъ можетъ подрывать уваженіе къ человѣку, облеченному священнымъ саномъ и какъ бы отдѣленному изъ среды обыкновенныхъ людей. Насъ, по разсужденію святаго отца, сама природа учитъ стыдливости. Расположивъ въ совершенствѣ всѣ части нашего тѣла, она нѣкоторые низшіе члены отчасти удалила отъ глазъ и какъ бы скрыла, а отчасти научила покрывать ихъ. Если обнаружится какъ либо нагота нашего тѣла, мы приходимъ въ смущеніе и стыдъ. Св. Амвросій указываетъ на похвальный древній обычай, бывшій въ Римѣ и другихъ городахъ, что взрослыя дѣти и зятья не мылись въ баняхъ, вмѣстѣ съ своими родителями, чтобы чрезъ это не уменьшалось уваженіе ихъ къ родителямъ [1]). Нѣтъ нужды много распространяться о томъ, къ чему обязываетъ священнослужителя естественное чувство стыдливости. Требованія, отсюда вытекающія, понятны сами собою, безъ особеннаго разъясненія ихъ. Но не излишне напомнить, что соблюденіе стыдливости, обязательное для всѣхъ людей, въ особенности необходимо для служителей Божіихъ. Они являются для народа вѣстниками и посланниками Божіими, совершителями великихъ таинъ и раздаятелями небесной благодати. Ихъ не даромъ зовутъ людьми духовными Въ силу такого ихъ значенія все низменное нашей животной природы въ нихъ должно быть болѣе сокровенно, чѣмъ у другихъ простыхъ людей.

Самая большая опасность нарушенія внѣшней благопристойности можетъ угрожать отъ необузданности и несдержанности нашего языка. Нашъ языкъ стоитъ въ большей связи съ нашею душею, чѣмъ другой какой либо органъ нашего тѣла, и чрезъ него мы выражаемъ то, что есть внутри нашего духовнаго существа. Между тѣмъ въ своемъ проявленіи онъ похожъ на не-

---

1) О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросія Медіоланскаго. Изданіе Поспѣлова, стр. 12—13.

укротимаго коня, который, не будучи сдержанъ строгою уздою, можетъ подвергать насъ большимъ непріятностямъ. Будучи малъ и незамѣтенъ, онъ скорѣе, чѣмъ какой другой членъ нашъ, можетъ нарушать то приличіе, о соблюденіи котораго мы должны заботиться,—скорѣе, чѣмъ другой членъ, можетъ наносить безчестіе человѣку, не умѣющему владѣть имъ. Еще Господь, внушая особенную осторожность въ словѣ, сказалъ нѣкогда народу, собравшемуся слушать Его: *слышите и разумѣйте: не входящее во уста сквернитъ человѣка: но исходящее изоустъ, то сквернитъ человѣка* (Матѳ. XV, 11). И апостолъ Іаковъ, давая наставленіе братіямъ о воздержаніи языка, замѣчаетъ, что *языкъ въ такомъ положеніи находится между членами нашими, что оскверняетъ все тѣло и воспаляетъ кругъ жизни, будучи самъ воспаляемъ отъ геенны. Всякое естество звѣрей и птицъ, пресмыкающихся и морскихъ животныхъ укрощается и укрощено естествомъ человѣческимъ* (продолжаетъ онъ, указывая на опасную силу языка), *а языкъ укротить никто изъ людей не можетъ: это неудержимое зло; онъ исполненъ смертоноснаго яда* (Іоак. III, 6—8). *Кто не согрѣшаетъ въ словѣ, тотъ человѣкъ совершенный, могущій обуздать и все тѣло* (Іак. III 2). Эти священныя и богодуховновенныя слова побуждаютъ служителя Божія быть крайне внимательнымъ къ своему слову. Одно неосторожное, срамное или бранное, слово можетъ нарушить ту стройную гармонію, которую всегда и вездѣ долженъ выдерживать священникъ въ своемъ внѣшнемъ поведеніи.

У св. Амвросія Медіоланскаго есть нѣсколько замѣчаній, предостерегающихъ священнослужителя отъ нарушенія благопристойности словомъ. По его наставленіямъ, строго должны смотрѣть священники, чтобы какъ нибудь случайно не сказать чего либо не благопристойнаго или не скромнаго, чтобы изъ устъ ихъ не вышло ничего срамнаго. „Это и у простаго народа (говоритъ онъ) считается постыднымъ, безчестнымъ; въ нашемъ же духовномъ званіи никакое неприличное, а тѣмъ болѣе бранное слово не

должно оскорблять и поражать чувства стыдливости“ [1]). Этого мало, что священникамъ никакъ не слѣдуетъ говорить ничего не благопристойнаго; имъ не приличпо и слушать чужія бесѣды, обнаруживающія безстыдство, полныя грубости и цинизма. Какъ скоро услышитъ священникъ что либо, оскорбляющее его благородный слухъ, привыкшій къ священнымъ словамъ, его чувство должно побудить его оставить то мѣсто, которое оскверняется произношеніемъ неприличныхъ словъ.

Св. Амвросій Медіоланскій въ своихъ наставленіяхъ идетъ далѣе. Онъ касается не одного содержанія, но и тона рѣчи, внѣшней формы веденія бесѣдъ или разговоровъ, даже самаго способа произношенія словъ. И въ этой, повидимому, мелочной и безразличной въ нравственномъ отношеніи области нельзя все предоставлять случаю или естественному движенію своей природы, если священникъ хочетъ быть внимательнымъ къ сохраненію своего достоинства. По словамъ св. Амвросія, „въ обыденныхъ бесѣдахъ,—будетъ ли то простой дружескій разговоръ или разсужденіе о вѣрѣ, нужно наблюдать большую осторожность и осмотрительность. Вообще разговоры наши должны быть тихіе и пріятные, исполненные доброжелательства и чужды всякой непріязни. Въ дружеской бесѣдѣ не должно быть упорнаго спора; ибо такой споръ больше обыкновенно возбуждаетъ пустые вопросы, чѣмъ приноситъ какую либо пользу бесѣдующимъ. Разсужденіе о спорныхъ предметахъ должно быть безъ гнѣва и запальчивости, а совѣты и увѣщанія безъ обиды и раздраженія... Рѣчь наша должна быть простая, ясная, раздѣльная и не сбивчивая, безъ притязаній на искуственное украшеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не грубая. Она должна сопровождаться спокойствіемъ и степенностію... Самое произношеніе словъ должно быть проникнуто и растворено у насъ скромною учтивостію, дабы грубо выговорен-

---

1) О должностяхъ священнослужителей. Изд. Поспѣлова, стр. 4, 11.

ная рѣчь не оскорбила слуха другаго... И голосъ нашъ долженъ быть естественный, не слишкомъ громкій и не слишкомъ тихій, сколько чуждъ деревенской или простонародной грубости, столько и театральности. Онъ долженъ быть вполнѣ приличенъ важности нашего званія и святости служенія. Шутокъ въ разговорѣ о серьезныхъ предметахъ нужно намъ, служители Божіи, всячески избѣгать. Неумѣстными шутками мы можемъ оскорбить и унизить, какъ предметъ разговора, такъ и свой санъ. Да и вообще шутливость намъ не прилична„ 1)...

Какъ видитъ читатель, не сами отъ себя мы дѣлаемъ замѣчанія касательно соблюденія внѣшняго приличія священникомъ. Мы заимствуемъ ихъ у святаго отца, который, излагая обязанности священнослужителей и научая ихъ, какъ они должны вести себя, чтобы не уронить своего достоинства, счелъ полезнымъ и нужнымъ преподавать имъ подробныя правила касательно благоустроенія ихъ внѣшности. Думаемъ, что приведенныя нами замѣчанія, подкрѣпленныя авторитетомъ святаго отца, не покажутся излишними и малозначительными служителямъ Божіимъ.

4. Одежда священника.

Къ вопросу о внѣшнемъ приличіи священника имѣетъ ближайшее отношеніе *одежда*, въ какой онъ является предъ другими. Достоинство внѣшняго вида, о какомъ долженъ заботиться священникъ, требуетъ отъ него не только скромности и сдержанности въ тѣлодвиженіяхъ и дѣйствованіи членовъ нашего тѣла, но и особеннаго приличія въ одеждѣ и во внѣшнемъ убранствѣ.

Обычаемъ древности, наслѣдованнымъ нами изъ Греціи, строго опредѣлена особенность священнической одежды и его внѣшняго вида, и нашимъ священникамъ остается съ возможною точно-

---

1) О должностяхъ священнослужителей Церкви Христовой, св. Амвросія Медіоланскаго, Изд. Поспѣлова, стр. 4, 14, 32—4.

стію выполнять требованія этого обычая. По требованію этого обычая, священнику нельзя, не приличнo являться въ обществѣ въ одеждѣ мірскаго, или свѣтскаго человѣка. Ему усвоена особая, ему исключительно принадлежащая, одежда, которую запрещено носить людямъ, не имѣющимъ священнаго сана. Верхнею священническою одеждою служитъ длинная и широкая ряса, отличающаяся своимъ покроемъ отъ другихъ одеждъ, употребляемыхъ въ нашемъ обществѣ, а нижнею длинное полукафтанье, тоже не встрѣчающееся въ ряду одеждъ, носимыхъ свѣтскими людьми. Вмѣстѣ съ этимъ, къ особенностямъ внѣшняго священническаго вида относятся длинные волосы и борода: приличіе не дозволяетъ священнику стричь волосы на головѣ и брить бороду. Даже прическа волосъ на головѣ у священниковъ не такая, какая у другимъ людей свѣтскихъ. Это узаконеніе обычаемъ особенной одежды и особеннаго внѣшняго убранства для священника имѣетъ въ своемъ основаніи разумныя причины. Особая священническая одежда и другія особыя принадлежности его внѣшняго вида—символъ его особаго званія, символъ христіанской серьезности, символъ христіанскаго отреченія отъ міра, и возвышенія надъ его обычною, низменною суетою. Она напоминаетъ ему о его высокомъ служеніи, для котораго избираются люди, отдѣляемые изъ среды мірянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отличая священника отъ людей свѣтскихъ, она и другимъ, не утратившимъ въ себѣ духа вѣры и преданности Церкви, способна внушить почтеніе къ нимъ и можетъ побуждать встрѣчныхъ людей смотрѣть на нихъ, какъ на служителей Божіихъ. За то говорятъ обычаи нашей старины, донынѣ хранимые у нашего простаго народа. Когда среди нашихъ селъ и деревень идетъ или ѣдетъ священникъ, встрѣчные люди изъ простаго народа, и не знакомые съ нимъ, видя по одеждѣ пастыря Церкви, однимъ этимъ видомъ располагаются къ тому, чтобы скинуть предъ нимъ шапку и поклониться ему, а нѣкоторые еще и къ тому, чтобы испросить себѣ у него благословенія. Только для людей, воспитанныхъ не на національ-

ныхъ началахъ, и подъ дѣйствіемъ заносной цивилизаціи утратившихъ въ себѣ духъ церковный, пересталъ быть внушительнымъ нынѣшній видъ священника.

Между тѣмъ въ наше время замѣчается стремленіе къ измѣненію обычая, узаконившаго особенную одежду для священника. Людямъ новаго модиаго направленія въ духовномъ сословіи противною кажется длиннополая ряса съ развѣвающимися рукавами,—противны длинные волосы на головѣ. Противна была прежде и борода; но нынѣ люди узаконили ношеніе этого украшенія мужчины и для людей свѣтскихъ, и потому борода перестала быть предметомъ отвращенія и вызывать кислыя недовольныя гримасы у прежнихъ ненавистниковъ ея. Нерѣдкость нынѣ слышать заявленія, что пора бросить священникамъ ихъ длинополую одежду, и если нужно оставить ее, то развѣ для выхода въ Церковь къ отправленію богослуженія, (какъ это принято у православныхъ русскихъ священниковъ, служащихъ за границею),—что гораздо лучше носить имъ общеевропейскую одежду, употребляемую въ образованномъ обществѣ, и одѣваться въ сюртукъ, а въ болѣе парадныхъ случаяхъ и во фракъ. Модными священникамъ, тяготящимся своею одеждою, вторятъ въ этомъ случаѣ и многіе изъ свѣтскихъ радѣтелей ихъ блага. Лѣтъ пять, шесть назадъ былъ довольно оживленный споръ по этому предмету даже въ литературѣ. Органомъ новаторовъ, желавшихъ одѣть священника во фракъ и сюртукъ и уничтожить рѣзкое различіе во внѣшнемъ видѣ между священникомъ и представителями свѣтскаго общества, былъ, какъ извѣстно, *Церковно-Общественный Вѣстникъ*. Онъ съ жаромъ защищалъ и проводилъ новомодныя идеи касательно измѣненія священнической одежды, и хотя встрѣтилъ серьезныя возраженія и долженъ былъ прекратить споръ, но не счелъ себя побѣжденнымъ въ этомъ спорѣ.

Мы отнюдь не сочувствуемъ новаторскимъ стремленіямъ по отношенію къ измѣненію священнической одежды. Въ сужденіяхъ

поваторовъ много важныхъ недомысловъ, и ихъ желанія возникаютъ не изъ добрыхъ, не изъ похвальныхъ побужденій, и нигдѣ не могутъ найти себѣ оправданія.

Одежда не есть случайное, произвольное, не имѣющее никакого значенія, облаченіе человѣка. Она связана съ внутреннею жизнію человѣка или народа. Ея характеръ опредѣляется не одними климатическими условіями, но вмѣстѣ съ тѣмъ и еще болѣе тѣмъ духомъ, какимъ живетъ тотъ или другой человѣкъ или народъ, и какой, дѣйствуя внутри, создаетъ такую или иную форму своего проявленія и во внѣ. Одежда своего рода языкъ: какъ языкъ человѣка показываетъ принадлежность его къ тому или другому племени, такъ точно и одежда показываетъ принадлежность человѣка къ тому или другому кругу людей, живущихъ извѣстными началами. Измѣненіе ея человѣкомъ или народомъ свидѣтельствуетъ объ измѣненіи началъ ихъ внутренней жизни и является слѣдствіемъ этого измѣненія, и съ другой стороны ведетъ къ измѣненію внутренняго строя жизни. Не даромъ реформаторы, подобные Петру Великому, замышляя обновленіе народной жизни и привитіе къ ней новыхъ чуждыхъ началъ, между другими средствами къ тому считали нужнымъ дѣлать особыя узаконенія касательно измѣненія одежды и привычнаго убранства, употребляемаго въ народѣ, и даже съ измѣненія костюма начинали проведеніе въ жизнь своихъ реформаторскихъ плановъ. Ихъ инстинктъ или государственный умъ подсказывалъ имъ, что разрушеніе привычной привязанности въ народѣ къ своей одеждѣ и къ наслѣдованному отъ дѣдовъ убранству внѣшняго вида непремѣнно поведетъ къ разрушенію старыхъ началъ жизни и къ измѣненію ея строя, и они не обманывались въ своихъ надеждахъ и разсчетахъ. Гоненіе Петра Великаго на бороду и навязываніе русскимъ его подданнымъ европейскаго костюма нельзя считать капризомъ генія, не имѣющимъ для себя основаній. Не даромъ и люди, дорожащіе внутреннимъ основами жизни, не поддавались охотно волѣ реформа-

воровъ, нападавшихъ на стародавнюю одежду, и готовы были скорѣе платить штрафы и терпѣть гоненія, чѣмъ разстаться съ тѣмъ, съ чѣмъ свыклись они, какъ съ своею душею: имъ чуялось, и не совсѣмъ безъ основанія, что душу ихъ хотятъ выворачивать, когда заставляютъ измѣнять ихъ внѣшнее облаченіе, служащее дополненіемъ и выраженіемъ ихъ нравственной личности. У каждаго народа есть свои національныя одежды, и эти національныя одежды пріятны, выразительны, своеобразны и характерны. Ихъ создаетъ народная эстетика или народная фантазія. Пока народъ крѣпко держится основъ своей народной вѣры и общественности, онъ не рѣшится измѣнить своего національнаго костюма. Наши раскольники, гдѣ бы они ни жили,— въ Румыніи, Добруджѣ, Малой Азіи, Австріи или Швейцаріи, нигдѣ не измѣняютъ своего русскаго костюма и стоятъ за него, какъ за святыню, и собственно потому, что въ нихъ крѣпокъ національный духъ, создавшій эту одежду, что они вѣрны его завѣтамъ во внутренней своей жизни. Но какъ скоро привходятъ въ жизнь народа чуждыя, иноземныя вліянія, и начинаетъ измѣняться типъ національный, въ обществѣ, образующемся изъ среды народа, и поддающемся наносному вліянію, является измѣна національному костюму, и люди, усвоившіе чужія начала, вмѣстѣ съ тѣмъ бросаютъ свою народную одежду, и усвояютъ себѣ костюмъ тѣхъ, воздѣйствіе которыхъ замѣтно въ ихъ внутренней жизни. Этнографы не только по покрою платья, но и по цвѣтамъ, употребляемымъ въ одеждахъ той или другой мѣстности, опредѣляютъ, и довольно безошибочно, тѣ племенныя наслоенія, какія вошли въ составъ живущаго тамъ національнаго типа. Наблюдательная исторія замѣчаетъ, что при столкновеніи или совмѣстномъ жительствѣ двухъ племенныхъ расъ перевѣсъ вліянія одной расы надъ другою первѣе всего обнаруживается въ перениманіи формъ и цвѣтовъ одежды побѣждаемою слабѣйшею расою отъ сильнѣйшей. Когда великороссійскій элементъ сталкивается съ какимъ либо инородческимъ элементомъ,—мор-

довскимъ, черемисскимъ, и т. под.—первыми признаками подчиненія инородцевъ русскому элементу во внутренней жизни служитъ то, что они оставляютъ свой покрой платья и начинаютъ носить одежды русскія, теряютъ пристрастіе къ прежнимъ любимымъ цвѣтамъ въ одеждѣ, и начинаютъ отдавать предпочтеніе цвѣтамъ русскимъ,—красному, синему и бѣлому. Очевидно, есть неразрывная связь между духовнымъ началомъ, опредѣляющимъ характеръ народной жизни, и внѣшнимъ облаченіемъ, создаваемымъ народною эстетикою.

У насъ нынѣ въ употребленіи нѣсколько разрядовъ одеждъ, и каждый изъ нихъ служитъ вывѣскою извѣстнаго направленія, извѣстныхъ началъ жизни. Когда вы видите человѣка въ русской, національной одеждѣ,—по этой одеждѣ вы заключаете, что этотъ человѣкъ принадлежитъ къ слоямъ народа, вѣрнымъ прадѣдовскому обычаю. Но есть одежда смѣшанная или переходная, какую носятъ торговцы средней руки: выдѣляясь изъ среды народа, вслѣдствіе какихъ-либо обстоятельствъ, и хоть немного подвергаясь вліянію цивилизаціи, вѣющей сверху, люди какъ-то невольно и не замѣтно оставляютъ простоту прежняго костюма, и у нихъ является нѣчто среднее между одеждою народною и одеждою европейскою. Высшіе слои нашего образованнаго общества, усвоившіе себѣ начала европейской цивилизаціи, совершенно оставили принадлежности національнаго костюма, и у нихъ принята одежда, употребляемая во всей образованной Европѣ. Священническая одежда, отличная по своему характеру и отъ одежды народной и отъ одежды общеевропейской, принесена къ намъ вмѣстѣ съ православною вѣрою съ Востока, и служитъ выраженіемъ православнаго религіознаго начала, долженствующаго одушевлять духовное сословіе. Храненіе и употребленіе ея нашимъ духовенствомъ является свидѣтельствомъ силы вліянія этого религіознаго начала въ его нравственной жизни.

Что же значитъ послѣ этого желаніе измѣненія священнической одежды на одежду, носимую свѣтскими людьми, и служа-

щую символомъ европейской цивилизаціи, началами которой живетъ наше образованное общество? Это значитъ желать подавленія или стѣсненія религіознаго начала, которому должно служить и которому должно быть вѣрно и предано наше священство, въ пользу началъ европейской цивилизаціи и обычаевъ свѣта; это значитъ стремиться къ поставленію служителей Церкви на одномъ уровнѣ съ свѣтскими людьми и къ низведенію ихъ съ той высоты, на которой ставитъ ихъ достоинство ихъ сана; это значитъ хотѣть уничтоженія всякаго различія между духовнымъ и свѣтскимъ, между представителями духа религіи и представителями духа міра. Много добраго вмѣщаетъ въ себѣ и принесла намъ европейская цивилизація, но не мало и дурнаго. По крайней мѣрѣ къ религіи и Церкви, и въ частности къ вѣрѣ православной ея отношеніе или холодно и безучастно, или прямо враждебно. Она порываетъ связи съ Церковію у многихъ представителей нашего интеллигентнаго общества, и волны невѣрія, обуревающія наше поколѣніе, и угрожающія большими опасностями нашему отечеству и нашей Церкви въ будущемъ, привнесены къ намъ вліяніемъ европейской цивилизаціи. Люди честные, не руководящіеся поверхностными и вѣтреными сужденіями, увидятъ побѣду міра надъ Церковію въ лицѣ его духовенства, если оно вмѣсто своей оригинальной одежды, служащей символомъ религіознаго начала, одѣнется въ свѣтскій костюмъ, служащій выраженіемъ духа, чуждаго Церкви, и глубоко поскорбятъ о томъ. Безъ всякаго сомнѣнія не похвалу заслужитъ и въ исторіи тотъ, кому удалось бы въ этомъ случаѣ успѣть перемѣнить нынѣшнюю священническую одежду на сюртукъ и фракъ или короткое пальто. Особая одежда священническая напоминаетъ служителямъ Божіимъ то, что сказалъ Господь ученикамъ своимъ: *отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра* (Іоан. XV, 19). Но желающіе лишить священниковъ этой особой одежды и совѣтующіе имъ носить общій свѣтскій костюмъ тѣмъ самымъ какъ бы хотятъ сказать имъ: „будьте едино съ міромъ, и ничѣмъ не отдѣляй-

тесь отъ него, хотя бы онъ былъ враждебенъ тому святому началу, служить которому вы призваны." Это была бы измѣна тому знамени, которое должно одушевлять пастырей Церкви на подвигъ ихъ служенія,—это было бы началомъ отреченія отъ тѣхъ святыхъ и высокихъ идей, проводить въ жизнь которыя для ея освященія пастыри Церкви должны считать главнымъ своимъ призваніемъ.

Намъ могутъ сказать, что мы преувеличиваемъ дѣло, что простому незначительному житейскому явленію даемъ важный смыслъ, какого оно имѣть не можетъ, и что новаторамъ, ратующимъ за перемѣну священнической одежды, приписываемъ такія тенденціи, которыхъ они отнюдь не признаютъ своими. Охотно вѣримъ, что такъ думаютъ наши новаторы, и легко допускаемъ, что у нихъ нѣтъ сознательно антицерковнаго намѣренія, когда они хотятъ замѣнить рясу сюртукомъ, но не можемъ признать справедливыми и основательными ихъ разсужденія. Они такъ говорятъ потому, что не вдумываются въ вещи, смотрятъ на одни случайныя внѣшнія явленія, а не добираются до связи причинъ и явленій, не хотятъ вникать въ законы жизненныхъ явленій и не соображаютъ послѣдствій, какими сопровождаются измѣненія въ самыхъ незначительныхъ мелочахъ. Если ихъ нельзя обличать и обвинять въ прямыхъ антицерковныхъ стремленіяхъ, то во всякомъ случаѣ можно пожелать имъ болѣе внимательнаго и болѣе глубокаго обсужденія дѣла. Тогда для ихъ сознанія откроются такія перспективы, какихъ и не подозрѣваютъ они при узкомъ и поверхностномъ взглядѣ на дѣло. Исторія очень внушительно предостерегаетъ отъ безразличнаго отношенія къ такимъ вещамъ, каковы одежды, и жизнь, если только серьезно наблюдать за ея теченіемъ, очень ясно показываетъ, что существенныя измѣненія въ одеждахъ имѣютъ своимъ непремѣннымъ послѣдствіемъ измѣненіе въ направленія духа, движущаго людьми. Наши новаторы съ-проста, безъ заднихъ разсчетовъ, требуютъ новыхъ одеждъ для нашего священства, руководясь однимъ своимъ вкусомъ или по-

дражанiемъ модѣ. Но сдѣлайте разъ уступку началу реформы или разрушенiя установившихся порядковъ жизни: это начало, разъ допущенное въ ту или другу сферу жизни, не ограничится одною уступкою; оно потребуетъ другой, третьей, и трудно предвидѣть, гдѣ остановится это реформирующее начало. Новаторы, думающiе ограничиться перемѣнами въ одной одеждѣ, если успѣютъ въ этомъ, и сами не замѣтятъ, какъ помимо своей воли они очутятся на такомъ скользкомъ пути, который заведетъ ихъ туда, куда они и не думали.

Мы желали бы знать, что собственно побуждаетъ людей желать перемѣны нынѣшней священнической одежды, и, признаться, не находимъ и не слышимъ отъ другихъ никакихъ разумныхъ и нравственныхъ основанiй къ этому. Въ самомъ дѣлѣ что можетъ заставлять священниковъ желать перемѣны нынѣшняго ихъ костюма? Костюмъ нынѣшнiй, говорятъ, стѣсняетъ ихъ. Но въ чемъ стѣсненiе? Въ томъ, что они, отличенные имъ отъ прочихъ свѣтскихъ людей, нося его, не могутъ позволять себѣ многаго такого, что позволяютъ себѣ свѣтскiе люди. Въ немъ нельзя, не прилично явиться въ театръ, въ циркъ, въ мѣста общественныхъ увеселенiй и. т. под. Иначе, узнавая священника по костюму, будутъ указывать на него пальцами, и говорить, что онъ попалъ не въ свое мѣсто. Въ томъ, что въ немъ священнику необходимо вести себя вездѣ съ особенною осторожностiю, чтобы не уронить достоинства своего сана. Въ томъ, что онъ обязываетъ носящаго его выдерживать особенный тонъ въ поведенiи и заботиться о нравственной чистотѣ дѣйствiй, приличной служителю Божiю. Хочется смѣшаться съ толпою, чтобы въ свѣтскомъ костюмѣ не быть узнаваемымъ, и подъ покровомъ чужой одежды свободнѣе вести себя и спускатся въ такiя низменности, до какихъ не допускаетъ теперешняя ряса. Но нравственное ли это желанiе? Достойно ли пастыря Церкви и служителя Божiя такое побужденiе къ перемѣнѣ нынѣ принятой одежды? По нашему мнѣнiю, нужно желать особаго костюма для священниковъ, нужно

было создать его, если бы его не было. Для слабыхъ, способныхъ къ увѣченію, это узда, сдерживающая ихъ отъ уклоненія на такіе скользкіе пути, на которыхъ можно потерять священническое достоинство. Для всѣхъ вообще это значительное поощреніе къ внимательному наблюденію надъ собою и къ возвышенію видимаго строя жизни въ уровень съ требованіями, предъявляемыми священнымъ саномъ.

Говорятъ, колетъ глаза другимъ одежда священническая, и нѣкоторые не могутъ равнодушно выносить ея. Но это пустая отговорка, которой нельзя придавать никакого серьезнаго значенія, Если дѣйствительно есть такіе, которымъ противенъ костюмъ священническій, то это развѣ тѣ, которымъ тяжелы и ненавистны церковныя и религіозныя начала жизни, сдерживающія вашу волю. И такимъ не самъ по себѣ противенъ этотъ костюмъ, а именно потому, что служитъ для нихъ непріятнымъ напоминаніемъ о той святой, сдерживающей силѣ религіознаго закона, отъ которой уклонилась ихъ испорченная воля, и о которой они желали бы забыть вовсе. Ужели дорожить мнѣніемъ такихъ людей? Благочестивый взоръ, намъ кажется, скорѣе оскорбится, если предъ нимъ предстанетъ служитель Божій въ короткой и кургузой свѣтской одеждѣ. Нашъ коренной простой русскій народъ не захочетъ признать и за священника своего пастыря, если онъ для отправленія какой либо требы явится въ его домъ въ костюмѣ прикащика или становаго. Это будетъ для него новый поводъ къ расколу и къ уклоненію отъ Церкви; это будетъ для него большой соблазнъ, котораго онъ не перенесетъ. Да и не одинъ простой народъ, но и люди образованнаго круга, добраго направленія, считаютъ явленіемъ непормальнымъ, противнымъ ихъ религіозному чувству, когда видятъ предъ собою служителя Божія во вседневномъ костюмѣ мірянина. Нѣкоторыя великосвѣтскія барыни высказывали, что ихъ религіозное чувство всегда было невольно встревожено, когда въ бытность ихъ за границей православный священникъ послѣ литургіи выходилъ къ нимъ въ сюртукѣ и

пальто: такой непривычный и нежелательный для нихъ видъ служителя Божія способенъ-де разогнать или ослабить то теплое религіозное душевеніе, какое сообщаетъ намъ вѣра и Церковь, и какое выносится изъ дома молитвы послѣ богослуженія.

Если мы отвлечемся отъ условныхъ отношеній къ одеждѣ, наживаемыхъ временемъ, и посмотримъ на священническія одежды съ точки зрѣнія ихъ нравственной цѣлесообразности и ихъ эстетической формы, мы не найдемъ въ нихъ ничего, что бы могло оправдывать нападенія на нихъ, и не можемъ отдать предпочтенія предъ ними нашимъ одеждамъ свѣтскимъ. Кромѣ климатическихъ условій, которымъ одинаково можетъ удовлетворять какъ священническая, такъ и свѣтская одежда, употребленіе одежды вызывается нравственными побужденіями, для прикрытія наготы нашего тѣла. Въ этомъ отношеніи священническая одежда болѣе цѣломудренна, болѣе удовлетворяетъ нравственной стыдливости, чѣмъ общеупотребительная одежда свѣтскихъ людей. Обнимая вполнѣ весь станъ человѣка, она гораздо болѣе прикрываетъ *стыдѣнія плоти нашей*, чѣмъ наши свѣтскія разрѣзанныя и короткія одежды. И эта совершенная цѣломудренная прикровенность нашего тѣла какъ нельзя болѣе отвѣчаетъ характеру духовнаго лица и достоинству его служенія. Не излишне припомнить при этомъ, что самъ Господь въ ветхомъ завѣтѣ заповѣдалъ священникамъ заботиться объ особенномъ сокрытіи наготы своей. Онъ повелѣлъ Моисею сотворить для священниковъ *надраги льняны, покрывати стыдѣнія плоти ихъ, отъ бедръ даже до стегнъ будутъ. И да имать ихъ Ааронъ и сыновє єю..., да не наведутъ на ся грѣха, да не умрутъ.* И это повелѣніе обставлено въ законѣ Моисеевомъ словами: *это уставъ вѣчный (да будетъ) для него и для потомковъ его по немъ* (Исх. XXVIII, 42, 43). И съ эстетической точки зрѣнія вовсе не совершенство та одежда, которую всевластная мода узаконила для нашего образованнаго общества, и на которую иные желали бы перемѣнить священническую одежду. Чтобы удовлетворять эсте-

гическимъ условіямъ, одежда должна быть одеждою движущеюся, свободною, полною, и не должна стѣснять чѣловѣка и препятствовать движенію его членовъ. Мы не видимъ, чтобы этимъ требованіямъ больше отвѣчалъ свѣтскій костюмъ, чѣмъ нынѣшній духовный. Широкая священническая одежда придаетъ человѣку, носящему ее, болѣе строгій, степенный и величественный видъ, чѣмъ короткій и урѣзанный сюртукъ съ прочими принадлежностями свѣтскаго костюма. И при ней меньше стѣсненія для дѣятельности членовъ нашего тѣла, чѣмъ при бальномъ костюмѣ. Въ этомъ свѣтскомъ костюмѣ жесткія и рѣзкія формы; всюду спурокъ и принужденіе; все болѣе или менѣе стянуто, и нѣтъ свободы и выраженія. Мы привыкли къ этому костюму; но у эстетиковъ онъ встрѣчаетъ самый безпощадный судъ. Фишеръ не находитъ словъ, чтобы достаточно изобразить все безобразіе нашихъ модныхъ одеждъ, образовавшихся изъ грубой готоской одежды. Самую парадную нашу одежду,—фракъ,—онъ представляетъ самою смѣшною и безобразнѣйшею изъ всѣхъ мыслимыхъ одеждъ: безъ нужды и безъ цѣли урѣзанный спереди, онъ имѣетъ хвостъ позади; этотъ хвостъ назначенъ для прозаическаго кармана, который въ средніе вѣка гораздо изящнѣе носили, какъ особую привѣску, на красивомъ ремешкѣ или цѣпи; кривая линія хвоста или разрѣза, идущая по бедрамъ, безобразнымъ манеромъ перерѣзываетъ органическую форму тѣла... Немного лучшій отзывъ заслуживаютъ у него другія принадлежности нынѣшняго европейскаго костюма. По его словамъ, форма, данная модою нашей одеждѣ, такая урѣзанная, „жалкая, голодная, холодная, и не приглядная, что самый послѣдній нищій изъ народа, можетъ чувствовать побужденіе подать пфенингъ, (или копѣйку), самому богатому изъ насъ для сооруженія болѣе приличнаго костюма“ [1]). И на такой костюмъ, карикатурный и нищенскій по

[1]) Aesthetik oder Wissenschaft des Schönen. Friedr. Theod. Vischer. Zw. Thel. Erste Abtheilung. §§ 373 und 376, s. 285—7, 292—4.

формѣ, мѣнять простую, но въ то же время приличную и величественную священническую одежду—это было бы признакомъ неразумія и свидѣтельствомъ искаженнаго вкуса.

Если не убѣдительны для кого представленныя нами соображенія, тотъ пусть обратится къ исторіи и положительнымъ узаконеніямъ, и здѣсь онъ найдетъ прямыя распоряженія, направленныя къ сохраненію особой одежды священнослужителей, которой нельзя перемѣнять по прихоти или произволу. Правда, въ самые первые вѣка христіанства, когда еще не успѣли опредѣлиться подробности внѣшняго проявленія церковной жизни, не было различія въ одеждахъ между мірскими и освященными людьми. Всѣ благочестивые христіане считали нужнымъ соблюдать возможную скромность въ своемъ нарядѣ: эта цѣломудренная скромность была главнымъ руководительнымъ началомъ, которому слѣдовали всѣ члены новосозидаемой Церкви по отношенію къ выбору и употребленію одеждъ. Климентъ Александрійскій въ своемъ *Педагогѣ* [1]) не столько даетъ правило, сколько указываетъ на то, что было въ его время, когда говоритъ, что „людямъ чистымъ прилично пользоваться чистыми, бѣлыми и не изысканными одеждами“. Христіане знали и употребляли только шерстяную или льняную одежду,—бѣлую или темнокоричневую. Но по мѣрѣ того, какъ развивалась и опредѣлялась церковная жизнь и вырабатывались формы общественныхъ отношеній,—клиръ, выдѣленный изъ міряшъ, и внѣшнимъ образомъ отличался отъ нихъ. Исторія не можетъ указать точно, когда явился обычай, установившій особую одежду для лицъ, принадлежащихъ къ клиру; но несомнѣнно, что онъ явился довольно рано. На VI вселенскомъ соборѣ, или Трулльскомъ, обычай этотъ возведенъ въ законъ; 27 правиломъ этого собора предписано всѣмъ духовнымъ, гдѣ бы они ни находились, носить одежду, которая дана или опредѣлена для нихъ прежде, и запрещено употреблять одежду мірскихъ людей. *Никто изъ*

[1]) Кн. II, гл. 10.

числящихся въ клиръ (говоритъ это правило) *да не одѣвается въ неприличную одежду, ни пребывая во градѣ, ни находясь въ пути: но всякій изъ нихъ да употребляетъ одежды, уже опредѣленныя для состоящихъ въ клиръ. Аще же кто учинитъ сіе: на едину седмицу да будетъ отлученъ отъ священнослуженія.* А такъ какъ этотъ соборъ не хотѣлъ составлять новыхъ правилъ, *а прекраснымъ и крайняго тщанія достойнымъ призналъ то* (какъ читаемъ во 2-мъ правилѣ этого собора), *чтобы отнынѣ тверды и ненарушимы пребывали пріятыя и утвержденныя бывшими прежде насъ святыми и блаженными отцами, а также и намъ переданныя именемъ святыхъ и славныхъ апостоловъ,* то отсюда естественно вытекаетъ то заключеніе, что правило о ношеніи клириками одеждъ, уже опредѣленныхъ для нихъ,—не нововведеніе VI вселенскаго собора, а только подтвержденіе обычая, бывшаго въ силѣ задолго до него. Послѣ этого мысли объ измѣненіи одеждъ, усвоенныхъ клиру, нельзя не признать мыслію антиканоническою, и во имя каноновъ церковныхъ нелізя не отвергать ея.

Распоряженія, подобныя приведенному нами правилу VI-го вселенскаго собора, встрѣчались и въ послѣдующіе вѣка. Для западнаго духовенства подтверждено правило о ношеніи особой, ему усвоенной, одежды римскимъ соборомъ 743 года (3-е правило). Даже въ протестантскихъ обществахъ, гдѣ замѣтно больше стремленія къ сглаживанію различія между людьми духовными и свѣтскими, чѣмъ въ нашей восточной и римско-католической Церкви, даже и тамъ не разъ давались и подтверждались распоряженія о томъ, чтобы пасторы, и внѣ церкви, когда не отправляютъ возложенной на нихъ службы, и являются въ обществѣ не по вызову своихъ обязанностей, постоянно носили свою духовную одежду; потому что (говоритъ дармштадскій церковный указъ 1629) въ духовныхъ, позволяющихъ себѣ являться въ свѣтской одеждѣ, не будутъ видѣть духовныхъ, и чрезъ это они могутъ иногда подвергаться оскорбленію; и потому что (говоритъ другое

распоряженіе 1720 г.) духовнымъ лицамъ прилично и въ внѣшнемъ видѣ отличаться отъ простаго народа.

Такимъ образомъ трудно найти законное основаніе или оправданіе для желанія перемѣнить нынѣшнюю священническую одежду на одежду свѣтскую.

Но и при употребленіи узаконенной для священника одежды приличіе налагаетъ на него обязанность соблюдать законную мѣру въ своемъ внѣшнемъ убранствѣ. Чтобы не уронить своего достоинства и не подать повода къ соблазну и осужденію, ему нужно избѣгать съ одной стороны щегольства и изысканности, съ другой стороны неряшества. „Темныхъ одеждъ не носи точно также, какъ и свѣтлыхъ (говоритъ блаж. Іеронимъ въ письмѣ къ Непоціану объ образѣ жизни клириковъ). Щегольства и неопрятности одинаково должно избѣгать: первое говоритъ о любви къ удовольствіямъ, а второе о тщеславіи. Похвально носить льняную одежду, но не обращать вниманія на ея цѣнность. Но смѣшно и крайне неприлично, разставляя карманъ, хвастаться, что не имѣешь платка для утиранія пота [1])“.

Щегольство въ священникѣ противно той скромности, печать которой должна лежать на всѣхъ его дѣйствіяхъ, на всѣхъ обнаруженіяхъ его внутренняго существа. Заботясь объ излишнемъ убранствѣ своего внѣшняго вида и о нѣкоторой изысканности своего костюма, священникъ платитъ добровольную дань той суетности, которой служитъ мода съ своими малозначущими и часто жалкими изобрѣтеніями, и отъ которой желаетъ предохранить своихъ служителей св. Церковь, давши имъ одежду, на которую не смѣетъ простирать своего вліянія измѣнчивая мода. А нынѣ попадаются эти добровольные данники суетности, въ особенности между молодыми священниками. У нихъ подстриженные волосы, подрѣзанная борода, ряса какого либо необычнаго цвѣта, бросаю-

[1]) Творенія блаженнаго Іеронима въ русскомъ переводѣ. Письмо 49. Т. II, стр. 66.

щагося въ глаза, и укороченная противъ обыкновенной формы; изъ подъ рясы виднѣются выпущенные на сапоги брюки, не всегда черные, а иногда пестрые и клѣтчатые, надъ рясою широкіе накрахмаленные воротники; у нихъ не застегнута ряса на груди, какъ у прочихъ священниковъ, а намѣренно отворочена, отворочены и края рукавовъ рясы, съуженныхъ противъ другихъ,— и тамъ, и здѣсь блеститъ какая либо яркая шелковая оторочка или подкладка; въ рукахъ вмѣсто трости священнической маленькая палочка, какую носятъ свѣтскіе люди; на головѣ шляпа, взятая изъ модпаго магазина. Когда идетъ по улицѣ въ городѣ такой франтъ-священникъ, на лицѣ его видно выраженіе самодовольства и самоуслажденія. Но на сторонпихъ зрителей онъ далеко не производитъ такого впечатлѣнія, какого ожидаетъ. Людямъ, привыкшимъ къ скромному и почтенному виду служителей Божіихъ, непріятно рѣжетъ глаза такое франтовство лицъ, облеченныхъ званіемъ пастыря Церкви, и многіе, встрѣчая на дорогѣ такого щеголя—священника, провожаютъ его двусмысленною улыбкою. „Экой шутъ гороховый"! Вотъ какой отзывъ далъ одинъ изъ богомольцевъ средняго класса, когда случайно встрѣтилъ на дорогѣ въ Кіевѣ священника, одѣтаго по модному, съ претензіею на оригинальность въ костюмѣ.

Если противно въ священникѣ суетное увлеченіе щегольствомъ, то съ другой стороны не достойно его и допущеніе неряшливости въ костюмѣ. Священникъ не долженъ забывать, что санъ его обязываетъ его хранить благородство и чистоту своей внѣшности. Грязь, нечистота, неопрятность вездѣ дурны, какъ выраженіе внутренняго безпорядка; но особенно онѣ предосудительны въ человѣкѣ, поставленномъ на виду, и болѣе или менѣе возвышенномъ надъ другими. Онѣ роняютъ достоинство сана, какой онъ носитъ, и могутъ подрывать уваженіе къ нему. Когда священникъ является съ нечесаными, всклокоченными волосами, въ засаленной и грязной одеждѣ, совершенно утратившей свой первоначальный цвѣтъ, пожалуй дырявой или заплатанной, чув-

ствуется какъ-то не ловко, жалко и тяжело,—чувствуется, что совершенно не таковъ долженъ бы быть видъ служителя Божія. Дѣло не въ томъ, чтобы одѣваться богато и роскошно. Нѣтъ, роскошныя одежды вовсе не нужны для священника. Пусть онъ одѣвается просто,—пусть костюмъ его будетъ изъ самыхъ дешевыхъ матерій. Но нужно для приличія, чтобы все у него и на немъ было чисто и въ порядкѣ. Можно не много тратить денегъ на костюмъ, но въ то же время, и при не богатой одеждѣ, можно не нарушать требованій чистоты и порядка. Чистота и порядокъ при бѣдности способны внушить уваженіе къ человѣку, ихъ поддерживающему. Иначе, если священникъ небрежетъ о своемъ костюмѣ, и ходитъ неряшливо, скажутъ, что это человѣкъ опустившійся, не заботящійся поставить себя на томъ уровнѣ, на которомъ желательно видѣть служителей Божіихъ. Въ особенности священникъ долженъ быть внимателенъ къ своему внѣшнему виду, когда идетъ совершать службу Божію. Въ это время вся внѣшность его должна быть приведена въ такой порядокъ, чтобы видящіе его, по виду его, могли замѣчать, что онъ идетъ совершать великое и святое дѣло Божіе, и что онъ чувствуетъ высоту той тайны, къ которой приступить намѣревается.

IV.

Семейная жизнь священника.

Подобаетъ епископу (или священнослужителю) *быти непорочну, единыя жены мужу..., свой домъ добрѣ правящу чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою: аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о Церкви Божіей прилежати возможетъ* (1 Тим. III, 2. 4—6)? *Женамъ ихъ такожде чистымъ, не клеветивымъ* (*не навадницамъ*), *трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ* (1 Тим. 10 11). *Сего ради оставихъ тя въ Критѣ* (читаемъ мы въ другомъ посланіи апостола), *да недокончаная исправиши, и устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ. Аще кто есть непорочень, единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не во укореніи блуда, или непокорива* Тит. 1, 5. 6).

Разсужденіе о семейной жизни священника и ея устроеніи нельзя начать лучше, какъ приведеніемъ относящихся сюда богодуховдохновенныхъ словъ святаго апостола. Въ нихъ содержатся основныя руководящія правила по этому предмету для всѣхъ христіанскихъ вѣковъ.

1. Православный взглядъ на брачную жизнь священника.

Священнику прилична, и отъ священника требуется скромная, сосредоточенная жизнь. Но эта скромная священническая жизнь не отшельничество: званіе священника не налагаетъ на

него такого суроваго ига, какое принимаютъ на себя по особому обѣту люди, обрекающіе себя на аскетическіе подвиги иночества,— и отреченіе отъ семейства, отъ семейныхъ заботъ и радостей не входитъ въ число условій, которыхъ выполненіе необходимо для принятія священническаго сана. Брачная, семейная жизнь священника предполагается словами апостола, хотя она не предписывается ему никакимъ церковнымъ канономъ, какъ непремѣнная обязанность.

Въ римско-католической церкви, со времени папы Григорія VII (1076), сдѣлано обязательнымъ безбрачіе духовенства. При извѣстныхъ условіяхъ оно допускается и у насъ: по законоположеніямъ 16 апрѣля 1869 года дозволяется рукополагать въ санъ діакона и священника и неженатыхъ, равно какъ и вдовыхъ послѣ перваго брака, по достиженіи ими сорокалѣтняго возраста, если они извѣстны епархіальному начальству безукоризненною жизнію. Но въ практикѣ безсемейные или неженатые священники въ нашей русской Церкви составляютъ рѣдкое исключеніе. На всю Россію такихъ священниковъ едва ли наберется десятокъ, другой. Можно бы желать больше такихъ исключеній. Бываютъ положенія и времена, когда безбрачный и безсемейный священникъ больше можетъ оказать пользы Церкви, чѣмъ семейный. Такъ напримѣръ для миссіонерскаго служенія могли бы быть избираемы по преимуществу священники, не связанные семейными узами. Обязанный переѣзжать съ мѣста на мѣсто и имѣть въ своемъ вѣдѣніи приходы, простирающіеся на цѣлыя тысячи верстъ, какъ въ нашихъ сибирскихъ тундрахъ, священникъ—миссіонеръ не можетъ посвящать много времени семейству. Для него домъ долженъ быть тамъ, куда призываютъ его обязанности его служенія. Походную жизнь, вынуждаемую условіями миссіонерства, удобнѣе вести человѣку одинокому, чѣмъ обремененному семействомъ. Да и больше самоотверженной преданности дѣлу въ этомъ случаѣ можно предполагать у человѣка, котораго не отвлекаетъ отъ трудовъ служенія среди чужихъ людей мысль о своихъ близкихъ,

ждущихъ своего отца-кормителя и тоскующихъ по немъ. Дальше, больше безсемейныхъ священниковъ могли бы требовать времена гоненій и преслѣдованій Церкви, и вообще времена общественныхъ бѣдствій и волненій. Когда угрожаютъ священнику въ его имуществѣ и въ его жизни за преданность своему долгу, тогда конечно въ болѣе тяжеломъ положеніи чувствуетъ себя человѣкъ, который, какъ глава семейства, долженъ заботиться и думать не о себѣ только, но и о другихъ, связанныхъ съ нимъ союзомъ кровной любви, чѣмъ человѣкъ одинокій. При большей тяжести жертвы, требуемой въ этомъ случаѣ отъ семейнаго священника, ему естественно болѣе колебаться, чѣмъ человѣку, живущему одною своею головою, и скорѣе можно измѣнить вѣрности долгу, чѣмъ первому. Но времена гоненій и преслѣдованій исключительныя времена. При покровительствѣ Церкви нашего правительства, отъ насъ далека мысль о подобныхъ временахъ, и дай Богъ, чтобы никогда не увидали ихъ и наши потомки. Но говоря объ условіяхъ жизни священника, мы должны представлять всѣ возможныя, и самыя крайнія, положенія. Наша цивилизація, не смотря на всѣ ея успѣхи, не обезопашиваетъ служителей Церкви отъ преслѣдованій: въ ней таятся и зрѣютъ сѣмена дикости и начала, противныя вѣрѣ и христіанству. Времена преслѣдованій служителей Церкви всегда возможны, какъ показываетъ краткосрочный періодъ господства парижской коммуны,—и страданія за преданность долгу пастырей Церкви дѣло сбыточное и въ наши дни, какъ показываетъ примѣръ нѣсколькихъ пастырей нашей православной Церкви, скончавшихся мученически отъ рукъ жандармовъ-вѣшателей польской справы во время польскаго мятежа. Но какъ ни желательно при извѣстныхъ условіяхъ увеличеніе числа безбрачныхъ священниковъ, во всякомъ случаѣ въ православной Церкви они всегда были и будутъ немногими исключеніями.

При установившемся у насъ порядкѣ вещей, брачная семейная жизнь священниковъ болѣе обычное и естественное явленіе, чѣмъ жизнь одинокая. Въ древнія времена находились люди,

которые смущались брачною жизнію священниковъ и гнушались принимать причащеніе отъ служителей алтаря, имѣющихъ семейство, и живущихъ съ женою. Встрѣчаются и нынѣ, хотя очень рѣдко, такіе радѣтели благочестія и святости, которые священнослужителя инока предпочитаютъ священнослужителю женатому, и отъ перваго надѣются какъ будто больше получить благодатной силы въ таинствѣ, имъ совершаемомъ, чѣмъ отъ втораго. Вселенская Церковь весьма неблагопріятно относилась къ подобнымъ неразумнымъ ревнителямъ чистоты церковной: въ ихъ воззрѣніяхъ она видѣла опасное и грубое заблужденіе и соборнымъ голосомъ осудила его. Она высоко цѣнила и цѣнитъ дѣвство, принимаемое тѣмъ или другимъ человѣкомъ, но отнюдь не хотѣла и не хочетъ унизить бракъ, учрежденный самимъ Творцомъ и благословенный Господомъ, и пренебрегавшихъ этимъ божественнымъ учрежденіемъ подвергала строгому осужденію и отлученію. *Аще кто изъ дѣвствующихъ ради Господа будетъ превозноситься надъ бракосочетавшимися* (постановили отцы Гангрскаго собора (340 г.): *да будетъ подъ клятвою* 1). Она запрещала пресвитерамъ, имѣющимъ женъ, разводиться съ ними подъ видомъ благоговѣнія. угрожая въ противномъ случаѣ отлученіемъ отъ общенія церковнаго и изверженіемъ отъ священнаго чина (Апост. прав. 5). А на тѣхъ изъ мірянъ, которые соблазнялись брачною жизнію священника, и стѣснялись принимать отъ него благодать въ таинствахъ, она налагала клятву. *Аще кто о пресвитерѣ, вступившемъ въ бракъ, разсуждаетъ, яко не достоитъ причащатися приношенія, когда таковый совершилъ литургію* считаемъ мы 4 правилъ того же Гангрскаго собора): *да будетъ подъ клятвою.* Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно 13-е правило VI Вселенскаго сосора: оно со всею обстоятельностію разъясняетъ дѣло, которое нынъ кажется спорнымъ, и навсегда

---

1) Гангр. соб. прав. 10.

узаконяетъ тотъ священный порядокъ, который наша русская Церковь наслѣдовала отъ древности, и по которому честный бракъ не содержитъ въ себѣ ничего, не совмѣстимаго съ высотою священства. *Понеже мы увѣдали,* (постановили отцы VI Вселенскаго собора), *что въ римской церкви, въ видѣ правила, предано, чтобы тѣ, которые имѣютъ быти удостоены рукоположенія во діакона или пресвитера, обязывались не сообщатися болѣе съ своими женами: то мы, послѣдуя древнему правилу апостольскаго благоустройства и порядка, соизволяемъ, чтобы сожитіе священнослужителей по закону и впредь пребыло ненарушимымъ, отнюдь не расторгая союза ихъ съ женами, и не лишая ихъ взаимнаго въ приличное время соединенія. Итакъ, аще кто явится достойнымъ рукоположенія въ иподіакона, или во діакона, или во пресвитера, таковому отнюдь да не будетъ препятствіемъ къ возведенію на таковую степень сожитіе съ законною супругою: и отъ него во время поставленія да не требуется обязательства въ томъ, что онъ удержится отъ законнаго сообщенія съ женою своею, дабы мы не были принуждены симъ образомъ оскорбить Богомъ установленный и Имъ въ Его пришествіи благословенный бракъ: ибо глась Евангелія вопіетъ: яже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ* (Матѳ. XIX, 6): *и Апостолъ учитъ: бракъ честенъ и ложе нескверно* (Евр. XII, 4): *такожде: привязался еси женѣ, не ищи разрѣшенія* (1 Кор, VII, 27)... *А аще же кто, поступая вопреки Апостольскимъ правиламъ, дерзнетъ кого либо изъ священныхъ, то есть пресвитеровъ, или діаконовъ, или иподіаконовъ, лишати союза и общенія съ законною женою: да будетъ изверженъ. Подобно и аще кто, пресвитеръ, или діаконъ, подъ видомъ благоговѣнія, изгонитъ жену свою: да будетъ отлученъ отъ священнослуженія, а пребывая непреклоннымъ, да будетъ изверженъ.*

Церковь не возбраняетъ брачной жизни священникамъ по двумъ причинамъ. Первое, низшее, побужденіе къ допущенію брач-

ной жизни духовенства имѣетъ въ своемъ основаніи потребности нашей плотской природы. Во вниманіи къ этимъ потребностямъ нашей природы, апостолъ Павелъ заповѣдуетъ христіанамъ *лучше жениться, нежели разжигаться* (1 Кор. VII, 9). Повидимому, въ дѣлѣ священнаго служенія менѣе всего можно бы давать поблажки низшимъ побужденіямъ нашей природы, и отъ людей, избирающихъ своимъ жребіемъ жизнь священника, естественно требовать возвышенія надъ этими потребностями и отреченія отъ нихъ. Но святые отцы признали это неудобоносимымъ игомъ и разсудили, согласно съ указаніемъ самаго Господа, что *не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть* (Матѳ. XIX, 12). Была мысль возложенія этого ига на всѣхъ, призываемыхъ къ служенію Церкви, у нѣкоторыхъ отцевъ I Вселенскаго собора. Но противъ нея возстали люди святой жизни и высокаго аскетическаго настроенія, проведшіе жизнь въ побѣдоносной борьбѣ съ разными искушеніями, и она согласнымъ голосомъ отцовъ собора, послѣ совѣщанія, признана была непрактичною. Священнику по обязанностямъ своего званія приходится имѣть дѣло съ людьми разныхъ половъ, возрастовъ и состояній, и въ разныхъ обстоятельствахъ жизни. При этихъ сношеніяхъ, въ особенности съ лицами другаго пола, ему, при безбрачномъ состояніи, можетъ открываться весьма тяжелая борьба съ соблазномъ, изъ которой не легко выдти побѣдителемъ. Не даромъ въ странахъ римско-католическихъ, гдѣ узаконенно обязательное безбрачіе духовенства, въ народѣ ходятъ множество разсказовъ о ксендзахъ слишкомъ скандалезнаго свойства. Связи незаконныя у людей, обязавшихся безбрачіемъ, сплошь и рядомъ замѣняютъ тамъ брачный союзъ, благословенный Богомъ. Если даже не предполагать частаго прямаго паденія въ священникѣ безбрачномъ при сношеніяхъ съ лицами другаго пола, нужно по возможности остерегать его отъ прираженія нечистыхъ помысловъ, не соотвѣтствующихъ святости его служенія. А это прираженіе грѣховныхъ вожделѣній ближе къ человѣку, живущему внѣ брач-

наго союза, чѣмъ къ тому, кто испыталъ и радости, и тяготы семейной жизни. Брачныя узы, дозволяемыя Церковію священнику, въ этомъ случаѣ служатъ для него спасительнымъ средствомъ къ укрощенію и усмиренію страстныхъ возбужденій. Безбрачіе великая жертва Богу, которую приносятъ для снисканія царства Божія люди, имѣющіе въ виду высшее нравственное совершенство. Но тѣхъ людей, которые по доброй волѣ возлагаютъ на себя обѣтъ безбрачія или совершеннаго цѣломудрія, Церковь зоветъ въ пустыни, чтобы здѣсь вдали отъ общества человѣческаго, вдали отъ всѣхъ житейскихъ соблазновъ, они безпрепятственно могли выполнять воспринятый ими на себя обѣтъ. Она не дозволяетъ безъ нужды частаго обращенія съ міромъ, а тѣмъ болѣе съ лицами другаго пола, и людямъ, уже утвердившимся въ аскетическихъ подвигахъ, не довѣряя ихъ полному безстрастію и справедливо опасаясь, какъ бы соприкосновеніе съ міромъ не лишило ихъ вѣнца подвижническаго. Священнику же, по долгу его званія, невозможно жить въ отрѣшеніи отъ міра, вдали отъ людей и отъ условій обыденной жизни. Потому и не налагается на него подвигъ добровольнаго воздержанія отъ брака.

Но порядокъ, существовавшій въ православной Церкви и допускающій брачное состояніе духовенства, принятъ во вниманіе не по одному низшему, сейчасъ указанному нами, побужденію. Мы видимъ здѣсь дѣйствіе соображеній высшаго нравственнаго достоинства. Семейство есть мѣсто для олицетворенія и выраженія чистой самоотверженной любви христіанской, по указанію св. апостола Павла, облеченное особымъ таинственнымъ величіемъ и представляющее изъ себя отрасль любви, связующей Христа съ Церковію (Еф. V, 31. 32). Каждое семейство въ христіанствѣ есть малая церковь, и все тѣло Церкви составляется изъ совокупности такихъ малыхъ церквей, на которыя, при созиданіи ихъ, призывается особое благословеніе и особое содѣйствіе освящающей благодати въ таинствѣ брака. Въ видахъ религіозно-нравственныхъ, въ видахъ устроенія царства Божія на землѣ,

весьма важно, чтобы въ каждомъ болѣе или менѣе значительномъ кругѣ, въ каждомъ приходѣ во главѣ всѣхъ малыхъ церквей, его составляющихъ, стояла домашняя церковь служителя алтаря, во всемъ подобная другимъ малымъ церквамъ, но устроенная соотвѣтственно всѣмъ высокимъ требованіямъ христіанской жизни. Въ благословенномъ бракѣ, въ доброй семейной жизни священника Церковь представляетъ образецъ для другихъ, живущихъ подлѣ него, и въ особенности для ввѣренныхъ его нравственному руководству. При безбрачіи священника въ его жизни не можетъ быть всей полноты тѣхъ условій, изъ какихъ слагается обыкновенная домашняя жизнь христіанъ, и уже однимъ средствомъ у него меньше быть полезнымъ обществу: въ его одинокомъ домѣ, въ устроеніи имъ своей жизни, чисто личной и особной, нѣтъ полнаго назидательнаго примѣра для людей, живущихъ семейною жизнію.

2. Руководящія правила касательно устроенія семейной жизни священника.

Какъ скоро въ порядокъ церковный введена брачная, семейная жизнь священника, весьма естественно и необходимо заботиться о возможно-лучшемъ устроеніи ея и самому, призываемому къ священному служенію, и людямъ, имѣющимъ вліяніе на направленіе и ходъ церковной жизни. Служеніе священника между прочимъ есть служеніе добрымъ примѣромъ, и этотъ добрый примѣръ долженъ подавать онъ не одною своею личностію, не однимъ своимъ поведеніемъ: вмѣстѣ съ нимъ должны служить примѣромъ для другихъ и его домашніе. Вообще вся обстановка жизни священника, и все, съ чѣмъ непосредственно соприкасается онъ, и что болѣе или менѣе зависитъ отъ его воли, должно служить отраженіемъ того святаго духа, какой Церковь желаетъ видѣть въ служителѣ Божіемъ.

Святая Церковь, въ видахъ устроенія допускаемой ею семейной жизни священника, соотвѣтственно требованіямъ его высокаго служенія, дала нѣсколько руководящихъ правилъ, какими должно опредѣляться свойство и поведеніе членовъ священнической семьи. Блюдя достоинство священнаго сана и охраняя доброе вліяніе священническаго примѣра, Церковь требуетъ, чтобы всѣ члены семьи человѣка, призваннаго къ служенію престолу Божію, были православные и отличались честнымъ, не зазорнымъ поведеніемъ. Ему не позволено имѣть женою иновѣрную (IV вселенск. собора прав. 14) и даже нельзя безъ *разбора совокупляти дѣтей своихъ брачнымъ союзомъ съ еретиками* (Лаод соб. прав. 10 и Карѳ. пр. 30). По правилу Карѳагенскаго собора *епископы и пресвитеры и діаконы не прежде да поставляются, развѣ когда всѣхъ въ домѣ своемъ содѣлаютъ православными христіанами* (тоже требованіе заключается и въ 14 правилѣ IV вселенскаго собора). Далѣе, въ охраненіе нравственной чистоты семейнаго дома священническаго, по правиламъ церковнымъ, можетъ быть удостоиваемъ рукоположенія во священника изъ людей, не отказывающихся отъ семейной жизни, только человѣкъ, вступившій въ бракъ *съ дѣвицею* честною. *А вземшій въ супружество вдову или отверженную отъ супружества*, а тѣмъ болѣе не цѣломудренную *(блудницу или позорницную) не можетъ быти епископъ, ни пресвитеръ, ни діаконъ, ниже вообще въ списокъ священнаго чина* (Апост. прав. 18, VI всел. собора прав. 3). Требованіе нравственной чистоты отъ жены священника такъ строго, что *если она впадетъ въ прелюбодѣйство, по рукоположеніи мужа, то онъ долженъ развестися съ нею. Аще же сожительствуетъ: не можетъ касатися служенія, ему порученнаго* (Неок. соб. пр. 8).

Но этого мало, чтобы въ семейной жизни священника не было нарушенія прямыхъ постановленій Церкви. Соборныя правила, нами указанныя, намѣчаютъ только главныя черты того

характера, какой долженъ быть выдержанъ въ жизни и поведеніи священническаго семейства, но не опредѣляютъ полноты всѣхъ тѣхъ условій, соблюденіе которыхъ необходимо для поддержанія на надлежащей высотѣ нравственной чистоты и достоинства семейной жизни священника. Духъ, которымъ продиктованы эти правила, долженъ быть усвоенъ во всей цѣлости священникомъ и членами его семьи,—и тогда сама собою устроится добрая жизнь въ семейномъ домѣ священника. Въ древней Церкви не было подробныхъ правилъ, опредѣляющихъ условія достойной священнической жизни; но служители Божіи, руководимые духомъ Христовымъ, въ устроеніи своей семейной жизни были вліятельнымъ образцомъ чистой семейной нравственности; ихъ безупречная жизнь снискивала имъ уваженіе и не мало содѣйствовала утвержденію началъ христіанства среди тогдашняго христіанства. Видя благотворное вліяніе семействъ христіанскихъ пастырей на окружающую среду, Юліанъ богоотступникъ, съ цѣлію ослабленія этого вліянія и въ видахъ конкурренціи христіанству, предписывалъ языческимъ жрецамъ держать своихъ женъ, дѣтей и слугъ въ возможной чистотѣ нравовъ.

3. Жена священника.

При устроеніи семейной жизни въ соотвѣтствіи съ требованіями, предписываемыми священнику духомъ Церкви и сознаніемъ его высокаго служенія, первый самый важный вопросъ для человѣка, избирающаго священство своимъ жребіемъ, представляетъ выборъ для себя достойной спутницы жизни. Въ этомъ дѣлѣ кандидату священства нужно быть особенно осторожнымъ и осмотрительнымъ, въ виду того, что онъ, по принятіи священническаго служенія, будетъ отвѣчать не только за себя, но и за поведеніе и настроеніе своей жены и своихъ дѣтей, если Господь благословитъ его ими. Чѣмъ же руководиться кандидату священства при выборѣ для себя супруги?

Трудно указать въ этомъ случаѣ точныя правила, съ которыми бы каждый сообразовался при рѣшеніи такого важнаго вопроса жизни, какой представляетъ заключеніе брака. Можно начертить прекрасный идеалъ женщины, которая достойна раздѣлять жизненный подвигъ съ пастыремъ Церкви, можно составить подробный реестръ тѣхъ качествъ и добродѣтелей, какими должна отличаться невѣста будущаго священника. Но эти идеальныя предначертанія оказываются мало приложимыми къ дѣлу, когда рѣшается такой практическій вопросъ жизни, какъ брачное соединеніе двухъ любящихся сердецъ. Слово: *выборъ* жены или спутницы жизни, какое мы употребили, приступая къ рѣчи объ этомъ предметѣ, и какое встрѣчается въ подобныхъ случаяхъ у людей, писавшихъ объ устроеніи семейной жизни священника (Практическое руководство для священнослужителей, Нечаева, § 29: Пастырское богословіе, архимандрита Антонія § 50) своимъ прямымъ смысломъ не отвѣчаетъ существу дѣла. Бракъ не есть дѣло одного разсудка и не долженъ быть такимъ: настоящій правильный бракъ не бываетъ результатомъ простаго холоднаго разсчета. Бракъ первѣе всего дѣло сердца: въ молодомъ человѣкѣ, когда онъ рѣшается вступить въ бракъ, опредѣляющею силою являются не холодныя соображенія, не разсудочное примѣненіе носящагося въ головѣ идеала къ той или другой особѣ, а влеченіе сердца, часто совершенно внезапное и дѣйствующее помимо всѣхъ разсчетовъ. И когда поддается человѣкъ этому влеченію, тогда трудно подвергать холодному анализу и испытанію избранницу сердца. Притомъ влеченіе сердца, рѣшающее дѣло брака, не можетъ безразлично простираться на нѣсколько особъ: оно обыкновенно сосредоточивается на одномъ предметѣ, и тѣмъ самымъ устраняетъ простой выборъ одной изъ многихъ. Наконецъ браки заключаются, въ особенности со стороны лицъ женскаго пола, въ такіе молодые годы, когда въ дѣвицѣ, избираемой въ невѣсты тѣмъ или другимъ человѣкомъ, не выяснился и, можно сказать, не опредѣлился вполнѣ ея нрав-

ственный характеръ, и когда на основаніи даже близкаго знакомства съ нею нельзя съ увѣренностію сказать, какою она будетъ женою впослѣдствіи, и какъ сложится ея характеръ, по достиженіи ею полной нравственной зрѣлости. Каждый бракъ есть своего рода рискъ, который долженъ быть предпринимаемъ съ надеждою на Бога,—и каждый счастливый, благословенный бракъ есть особенная благодать Божія, за которую нельзя давать напередъ человѣческаго ручательства. Не даромъ установлено въ Церкви таинство брака, и не даромъ при заключеніи каждаго брака молитвенно испрашивается и свыше низводится отъ Бога на брачущихся таинственная благодать, освящающая ихъ союзъ и утверждающая ихъ взаимное согласіе и семейное счастіе.

Но нельзя предоставлять одной случайности дѣло такой великой важности, имѣющее роковое значеніе для человѣка на всю жизнь, какъ заключеніе брака. И при надеждѣ на божественную благодать, устрояющую счастіе людей, нельзя не придавать значенія совѣтамъ благоразумія, нельзя не взвѣшивать побужденій, склоняющихъ рѣшеніе самоопредѣляющей воли въ ту или другую сторону. Куда-жъ совѣты благоразумія могутъ направлять волю кандидата священства, ищущаго себѣ супруги или спутницы жизни?

При рѣшеніи этого вопроса, можно дать одно руководящее указаніе: пусть человѣкъ, имѣющій въ виду быть священникомъ, ищетъ себѣ супругу въ благочестивыхъ семействахъ, преданныхъ Церкви и свято блюдущихъ ея уставы. Въ пастырскомъ богословіи Антонія „совѣтуется кандидату священства избирать себѣ супругу *непремѣнно* изъ духовнаго званія (§ 50 п. б.): ибо взятая изъ другаго званія (по его словамъ) можетъ принести съ собою вовсе чуждый духъ, или образъ мыслей и чувствованій, нравы и обычаи.“ Мы не скажемъ этого и не поставимъ происхожденія отъ родителей духовнаго званія непремѣннымъ усло-

ніемъ, которому должна удовлетворять невѣста кандидата священства. Семействъ, расположенныхъ къ Церкви и живущихъ по духу благочестія, есть довольно и въ кругу мірянъ. Но во всякомъ случаѣ надежнѣе всего кандидату священства искать себѣ супруги въ такихъ семействахъ, духовныхъ или свѣтскихъ, въ которыхъ блюдутся строгіе благочестивые нравы. Въ такихъ семействахъ заботятся о томъ, чтобы дать доброе воспитаніе и доброе религіозное направленіе дѣтямъ, и юные члены такихъ семействъ выносятъ съ собою изъ дому настроеніе, наиболѣе соотвѣтствующее тому духу, какимъ долженъ отличаться и какой долженъ встрѣчать въ окружающихъ себя пастырь Церкви. Правила и привычки, какихъ долженъ держаться священникъ въ своей домашней жизни, не будутъ казаться новыми и тяжелыми для его жены, если онъ возьметъ ее изъ такого семейства. Но тѣ свѣтскія семейства, на которыхъ мало замѣтно вліяніе Церкви, и которыя не руководствуются въ своей жизни духомъ религіи и не держатъ церковныхъ уставовъ, не могутъ привлекать къ себѣ вниманіе кандидата священства, человѣка болѣе или менѣе благочестиваго и преданнаго Церкви, и среди нихъ ему не слѣдуетъ искать себѣ жены - помощницы на житейскомъ поприщѣ. Еслибы случилось какому либо кандидату священства вступить въ бракъ съ дѣвицею, возросшею среди такого семейства, то едва ли бы не почувствовалась, при первомъ устроеніи семейныхъ обычаевъ, большая дизгармонія между мужемъ-пастыремъ Церкви и его женою, воспитанною въ семействѣ, не отличающемся преданностію Церкви. Тогда отъ него можетъ потребоваться большой трудъ, чтобы подчинить ее своему вліянію и заставить уважать тѣ требованія, какимъ необходимо удовлетворять въ семействѣ служителя Божія, или и самъ онъ можетъ поступиться многимъ изъ того, соблюденіе чего считаетъ необходимымъ по сознанію и указанію своей пастырской совѣсти, чтобы только избѣжать семейныхъ раздоровъ. Въ такомъ случаѣ въ домѣ священника можетъ водвориться порядокъ, которому свойственнѣе быть въ домѣ

свѣтскаго человѣка, чѣмъ духовнаго. и который для стороняго, хотя бы и невольнаго, наблюдателя можетъ подавать не мало поводовъ къ соблазну. Въ настоящее время между молодыми дѣвицами не только свѣтскаго, но не рѣдко и духовнаго происхожденія встрѣчается не мало такихъ. которыя не хотятъ соединить своей судьбы съ людьми, имѣющими въ виду посвятить себя пастырскому служенію. Иной человѣкъ кажется вполнѣ достойнымъ и заслуживаетъ всякаго вниманія: но если онъ объявляетъ, что онъ хочетъ быть священникомъ, отъ него сторонятся такія дѣвицы, которыя безъ того готовы были бы соединить съ нимъ свою судьбу. Это происходитъ съ одной стороны отъ недостатка уваженія къ высокому званію служителя Божія, а съ другой отъ желанія свѣтскихъ развлеченій, которыхъ пастырь Церкви, при ограниченіяхъ. налагаемыхъ на него званіемъ, не можетъ доставлять своей супругѣ. Какъ скоро замѣчается такое, недружелюбное къ священству. расположеніе въ молодой дѣвицѣ,— кандидатъ священства долженъ отказаться отъ мысли имѣть ее своею женою, хотя бы она въ другихъ отношеніяхъ возбуждала его расположеніе къ себѣ. Не для чего сходиться вмѣстѣ и думать о заключеніи нерасторжимаго союза на всю жизнь такимъ лицамъ, которыя смотрятъ въ разныя стороны и хотятъ идти по расходящимся дорогамъ, изъ которыхъ одинъ желаетъ посвятить себя на служеніе Церкви, а другая стремится платить дань міру и его суетности. Отсюда можетъ проистекать много разныхъ и нескончаемыхъ пререканій и неудовольствій. Въ невѣсты кандидату священства не годятся модныя и свѣтскія дѣвицы, думающія о нарядахъ, танцахъ, балахъ и другихъ подобныхъ развлеченіяхъ, не любящія сидѣть дома и избѣгающія домашнихъ занятій, свысока смотрящія на то служеніе, какое несутъ пастыри Церкви. Съ такими спутницами жизни трудно священнику устроить свой домашній кровъ, согласно съ требованіями Церкви. Ихъ мѣсто не въ скромномъ домѣ пастыря Церкви,

а въ свѣтскихъ салонахъ, гдѣ можно думать больше объ удовольствіяхъ, чѣмъ объ обязанностяхъ.

Въ женѣ священника желательно видѣть женщину скромную, мирную и сдержанную, которая бы своими желаніями не уносилась въ великосвѣтскіе круги, и довольная своимъ положеніемъ способна была охранять покой своего дома,—женщину, отличающуюся безупречною нравственностію, которая никакимъ поступкомъ не могла бы подать повода къ соблазну и осужденію себя, а чрезъ себя посредственно и къ осужденію своего мужа,—женщину религіозную и благочестивую, отнюдь не пренебрегающую тѣмъ служеніемъ, какое избралъ супругъ ея, а напротивъ высоко уважающую званіе служителя Божія и дорожащую счастіемъ раздѣлять съ нимъ тяготу жизни,—женщину преданную своему мужу, сочувствующую всѣмъ его заботамъ, и не уступающую ему въ строгомъ исполненіи уставовъ Церкви, обязательныхъ для каждаго христіанина, и при этомъ женщину достаточно образованную, для того, чтобы раздѣлять чувства и стремленія своего супруга человѣка болѣе или менѣе развитаго школьнымъ образованіемъ, и чтобы умѣть поставить свой домъ соотвѣтственно тому уровню, на комъ стоитъ домашняя жизнь въ классѣ людей образованныхъ. Когда отыщется такая жена для человѣка, посвящающаго себя пастырскому служенію, она будетъ для него *помощницею*, *соотвѣтственною ему*, и будетъ отвѣчать тѣмъ цѣлямъ, какія имѣлъ премудрый Творецъ, когда при твореніи человѣка въ своемъ троичномъ совѣтѣ нашелъ, что *не добро быти человѣку единому* (Быт. 2, 18), и когда, создавъ жену изъ ребра мужа, привелъ ее ко Адаму.

Добрая жена священника можетъ быть помощницею своему мужу во многихъ отношеніяхъ. Она беретъ на себя главную часть заботъ по устроенію и приведенію въ порядокъ домашняго хозяйства. Освобождая мужа отъ хлопотъ по этому дѣлу, она даетъ ему больше свободы и возможности посвящать себя и свое

время на труды, вызываемые пастырскимъ долгомъ. Увѣренный въ ея заботливости о домашнемъ хозяйствѣ и ея умѣньи вести его, онъ спокойно отправляетъ свою службу, и когда возвращается домой, знаетъ, что все здѣсь въ порядкѣ, и все приготовлено, какъ слѣдуетъ. Вѣрная идеалу добродѣтельной жены, начертанному нѣкогда премудрымъ Соломономъ, она, не безпокоя своего мужа, *добываетъ шерсть и ленъ, и съ охотою работаетъ своими руками.... она встаетъ еще ночью* (раньше всѣхъ въ своемъ домѣ), *и раздаетъ пищу въ домъ своемъ и урочное служанкамъ своимъ, задумаетъ она о полѣ и пріобрѣтаетъ его; отъ плодовъ рукъ своихъ насаждаетъ виноградъ... Она чувствуетъ, что занятіе ея хорошо, и свѣтильникъ ея не гаснетъ и ночью,—протягиваетъ руки свои къ прялкѣ, и персты ея берутся за веретено...., не боится стужи для семьи своей,—потому что вся семья ея одѣта въ двойныя одежды... Наблюдая за хозяйствомъ въ домѣ своемъ, она не ѣстъ хлѣба праздности. Встаютъ дѣти,—и ублажаютъ ее,—мужъ,—и хвалитъ ее. Цѣна ея*, по словамъ Премудраго, *выше жемчуговъ* (Прич. XXXI, 10—28).

Другая помощь мужу-священнику отъ жены своей—въ воспитаніи дѣтей. Мужу, занятому внѣшнею дѣятельностію и часто разными требами отвлекаемому отъ своего дома, нельзя съ такимъ постоянствомъ слѣдить за дѣтьми своими, какъ то можетъ дѣлать его жена, сосредоточенная главнымъ образомъ на заботахъ о домѣ своемъ. и видящая въ служеніи семьѣ своей первое свое призваніе. Да у ней больше сердечнаго вліянія и материнской мягкости и теплоты, чтобы плодотворно дѣйствовать на дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ.

Далѣе жена не мало можетъ облегчать мужу несеніе подвига жизни вообще. Присутствіе при священникѣ благословенной для него Церковію помощницы, вполнѣ сочувствующей ему и гото-

вой раздѣлять съ нимъ какъ его заботы, такъ и радость и горе, способствуетъ поддержанію и сохраненію въ немъ бодрости и энергіи духа. Оно освобождаетъ его отъ невыгодъ тяжелаго одиночества, способнаго наводить уныніе на человѣка слабохарактернаго, въ особенности при встрѣчѣ съ какими либо житейскими невзгодами, для подавленія котораго безсемейные люди часто прибѣгаютъ къ опасной чаркѣ, доставляющей минутное забвеніе тяжелаго положенія. Оно доставляетъ человѣку неисчерпаемый и самый близкій источникъ утѣшенія, въ которомъ не можетъ не нуждаться священникъ, идущій по неровному пути жизни. Могутъ постигать его разныя непріятности,—отъ прихожанъ, отъ сосѣдей и сослуживцевъ, отъ начальства, отъ такихъ или другихъ ударовъ непривѣтливой судьбы: можетъ онъ испытывать разныя неудачи и тяжелыя разочарованія; могутъ ослабѣвать его силы въ борьбѣ съ такими или иными препятствіями, при стремленіи къ доброй, намѣченной имъ цѣли, и т. под.: въ такихъ случаяхъ одно доброе слово сочувствія лица, соединеннаго съ человѣкомъ, вызванномъ на жизненную борьбу, уже можетъ имѣть великую силу ободренія и успокоенія. Онъ не падетъ духомъ, когда видитъ и знаетъ, что подлѣ него есть другое лицо, готовое взять на себя часть бремени, его подавляющаго. Здѣсь важно не одно дѣятельное участіе въ трудѣ мужа, но и простое нравственное сочувствіе. Поддерживаемый этимъ, всегда вѣрнымъ себѣ и неизмѣннымъ, сочувствіемъ, онъ съ большею ревностію будетъ браться за тѣ задачи, которыя предлагаетъ ему жизнь, предъ нимъ развертывающаяся.

Наконецъ священникъ можетъ встрѣчать помощь въ женѣ своей и при исполненіи долга своего званія. Правда, жена не можетъ принимать непосредственнаго участія въ томъ, что возлагается Церковію на пастыря, какъ на лицо освященное, получившее особенныя полномочія отъ іерархической власти для совершенія своего высокаго служенія: *Жены ваша въ церквахъ да*

молчать (говоритъ св. апостолъ Павелъ): *срамно бо есть жень въ церкви глаголати* (1 Кор. XIV. 34. 35. Рр. 1 Тим. II. 11, 12). Плѣнять людей въ послушаніе Христово жены, по апостолу Петру, могутъ *житіемъ безъ слова*, когда другіе видятъ ихъ чистое, богоугодное житіе (1 Петр. III. 1. 2) Въ отношеніи къ совершенію священнаго дѣла служителя Божія нѣтъ разницы между женою священника и другими женами,— женами мірянъ: какъ тѣ, такъ и она должна быть вдали отъ алтаря Господня. Но обязанности пастыря Церкви очень многосложны, и онъ призывается содѣйствовать устроенію и лучшему направленію жизни прихожанъ въ различныхъ ея отношеніяхъ. Онъ не только совершитель богослуженія и требъ церковныхъ для душъ, ввѣренныхъ его пастырскому руководству, не только поставленный Богомъ учитель вѣры и нравственности: чувство долга можетъ побуждать его оказывать помощь своимъ прихожанамъ въ разныхъ нуждахъ, ими испытываемыхъ. Онъ сдѣлаетъ достойно своего званія, если будетъ заботиться о бѣдныхъ и больныхъ своего прихода и не останется безучастнымъ при какой либо бѣдѣ, разразившейся надъ тою или другою частію его прихожанъ. Онъ призывается устроять школы и содѣйствовать распространенію добраго просвѣщенія въ своемъ приходѣ. Отъ него ищутъ утѣшенія и совѣтовъ не въ однихъ дѣлахъ церковно-религіознаго свойства, но и въ разныхъ житейскихъ столкновеніяхъ и неурядицахъ, напримѣръ, при семейныхъ раздорахъ. Во всѣхъ этихъ и подобныхъ случаяхъ добрая жена можетъ быть незамѣнимою для него помощницею, если она сознаетъ призваніе своего мужа и достаточно развита и образована, чтобы оказать ему въ томъ или другомъ случаѣ существенное содѣйствіе. Она можетъ взять на себя часть заботы о бѣдныхъ и больныхъ, случающихся въ приходѣ, можетъ являться съ посильною помощію туда, гдѣ требуется эта помощь, и располагать къ этой помощи другихъ, владѣющихъ достаточными для того средствами, и ея содѣйствіе въ этихъ случаяхъ не только облегчитъ трудъ свя-

щенника, но и будетъ способствовать возвышенію его авторитета и усиленію расположенія и уваженія къ нему среди его прихожанъ. Она можетъ принять участіе въ образованіи въ особенности дѣвочекъ прихода своего мужа, и ея трудъ здѣсь можетъ быть болѣе полезенъ, чѣмъ трудъ какого либо случайнаго или заѣзжаго учителя. При ея женственной мягкости, и при желаніи держать себя поближе къ членамъ своего прихода, она можетъ приносить миръ и согласіе въ тѣ семейства, въ которыхъ начинается раздоръ и раздувается вражда, и сердце ея, руководимое любовію, способно оказать здѣсь больше пользы, чѣмъ властное слово ея мужа. Даже въ дѣлахъ, непосредственно соприкасающихся съ выполненіемъ существенныхъ и коренныхъ обязанностей священника, можетъ быть приносима со стороны жены извѣстная доля пользы трудящемуся мужу—пастырю. Она можетъ указывать ему упущенія, какія онъ можетъ допустить по своей должности, занятый разными дѣлами. Она можетъ возбуждать его усердіе и ревность при выполненіи имъ своего долга, если сама одушевлена духомъ благочестія. Она можетъ, въ помощь мужу, домашнимъ частнымъ обращеніемъ съ тѣмъ или другимъ членомъ прихода утверждать въ сердцахъ слово вѣры и содѣйствовать въ распространеніи среди прихожанъ духа благочестія. Исторія древней Церкви представляетъ примѣры женъ, которыя содѣйствавали своимъ мужьямъ въ распространеніи благочестія Христова, и вмѣстѣ съ ними несли труды на пользу вѣры и Церкви. Таковы были Акила и Прискилла, которыхъ имена неразлучны у апостола Павла, которыхъ обоихъ апостолъ называетъ сотрудниками своими во Христѣ Іисусѣ, и которымъ благодарны были всѣ церкви изъ язычниковъ (Рим. XVI. 3. 4. 2 Тим. IV. 19. 1 Кор. XVI. 19). По сказанію Дѣяній Апостольскихъ, они, встрѣтившись въ Ефесѣ съ Аполлосомъ, мужемъ краснорѣчивымъ и свѣдущимъ въ Писаніи, и увидѣвъ, что онъ знакомъ только съ начатками пути Господня, зная одно крещеніе Іоанново,—приняли его къ себѣ въ домъ и

точнѣе объяснили ему путь Господень (Дѣян. XVIII, 24—26). И, конечно, не одинъ Аполлосъ обязанъ былъ христіанскимъ просвѣщеніемъ этой супружеской четѣ, въ которой жена не уступала мужу въ ревности по вѣрѣ, почему у апостола имя ея стоитъ иногда выше имени мужа (Рим. XVI, 3. 2 Тим. IV, 19).

4. Порядокъ жизни въ домѣ священника.

Какова же должна быть семейная жизнь священника? Ни въ священномъ Писаніи, ни въ канонахъ церковныхъ нѣтъ подробныхъ спеціальныхъ предписаній, которыя бы съ точностію опредѣляли, какъ нужно устроять собственно семейную жизнь священника, и какіе порядки блюсти въ священническомъ домѣ. Апостолъ Павелъ говоритъ только: *подобаетъ* пресвитеру *быти свой домъ добрѣ правящу* (1 Тим. III, 4). По смыслу этого руководственнаго указанія святаго апостола, въ домѣ священника должно быть все, чего нужно желать для каждаго благоустроеннаго и благочестиваго семейства. Въ домѣ, хорошо устроенномъ и управляемомъ, предполагается взаимная любовь и доброе согласіе между всѣми, въ немъ живущими. Всѣ члены его блюдутъ чистоту нравовъ и заботятся о безукоризненномъ поведеніи, и ни одинъ изъ нихъ не подаетъ повода къ соблазну никакимъ неприличнымъ поступкомъ, никакимъ рѣзкимъ, тѣмъ болѣе грязнымъ словомъ, вообще никакою выходкою дикой страсти. Каждый, вступающій въ домъ священника, долженъ встрѣчать здѣсь скромность и привѣтливость: при входѣ въ него тотчасъ же должна чувствоваться каждымъ теплота сочувственной любви, готовой безъ пренебреженія отнестись къ каждому, хотя и низкому, человѣку, какъ скоро по какой либо нуждѣ онъ переступаетъ порогъ дома своего духовнаго отца.

Въ семействѣ священника должны строго соблюдаться обычаи, предписываемые религіознымъ чувствомъ и согласные съ цер-

ковными установленіями. Въ положенные дни поста при столѣ его не будетъ скоромной пищи, и нарушать постъ не долженъ позволять себѣ не только самъ священникъ, но и каждый изъ его домашнихъ. И не у себя только дома, но и въ другихъ мѣстахъ—въ гостяхъ или въ общественныхъ собраніяхъ,—члены священническаго семейства не будутъ безразлично и равнодушно относиться къ нарушенію поста, нынѣ входящему въ обычай среди болѣе или менѣе образованнаго общества. Далѣе, всѣ члены семьи священника должны по-христіански чтить праздники церковные, и посѣщеніе богослуженія во всѣ дни, чествуемые благочестивою частію нашего общества, должно быть для нихъ священною обязанностію. Члены семьи священника не устроятъ пирушки подъ праздникъ, когда Церковь зоветъ всѣхъ на всенощное богослуженіе и желаетъ сосредоточить мысли вѣрующихъ на предметахъ священнаго характера, и не примутъ участія въ подобные часы въ какихъ либо свѣтскихъ увеселеніяхъ, устраиваемыхъ другими. Въ домѣ священника не будетъ забыта и каждодневная молитва: каждый, живущій въ немъ, пусть вѣрно держится того обычая, по которому добрые христіане молятся Богу, садясь за столъ и вставая отъ стола, освящаютъ молитвою начало каждаго дня, послѣ сна ночнаго, и безъ молитвы не приступаютъ къ дѣлу, имъ предстоящему, и по окончаніи дневныхъ трудовъ благодарятъ Бога за счастливо проведенный день и просятъ у Него покрова себѣ и добраго покоя душѣ и тѣлу, когда отходятъ ко сну. У насъ не въ обычаѣ, по крайней мѣрѣ рѣдко случается, чтобы всѣ, входящіе въ составъ семейства священника, вмѣстѣ совершали свою ежедневную домашнюю молитву, положенную Церковію или налагаемую усердіемъ. А это было бы весьма хорошо, еслибы въ домахъ или домашнихъ церквахъ служителей Божіихъ ввелся и укоренился такой обычай, чтобы положенная молитва совершалась всѣми вмѣстѣ, чтобы въ присутствіи всѣхъ въ урочный часъ читалъ ее или самъ глава семейства, или кто либо изъ другихъ членовъ. Въ

семействахъ пасторовъ англиканскихъ и протестантскихъ гораздо чаще встрѣчается этотъ обычай, чѣмъ въ семействахъ нашихъ православныхъ священниковъ, и всѣ благонамѣренные люди, которымъ случалось говорить объ этомъ, всегда отзываются о немъ съ большимъ одобреніемъ. Привычки семейной жизни священника должны опредѣляться духомъ, соотвѣтствующимъ высокому званію служителя Божія, и этимъ привычкамъ должны подчиняться всѣ члены его дома, какъ бы ни казались онѣ со стороны стѣснительными. Это не бремя, налагаемое на родныхъ; семейство должно цѣнить то служеніе, какое несетъ глава его, и съ сердечною готовностію исполнять всѣ требованія, вытекающія изъ особеннаго положенія священника. Начала строгой и религіозной жизни, предписываемой священнику его званіемъ, добровольно должны быть приняты всѣми членами его дома, въ силу интереса, раздѣляемаго семействомъ съ своимъ главою.

Самая внѣшняя, видимая обстановка дома священника должна носить на себѣ отпечатокъ съ одной стороны скромности, а съ другой порядка. Если священникъ владѣетъ значительными матеріальными средствами, едва ли поступитъ онъ благоразумно, когда заведетъ въ своемъ домѣ такую роскошь, какую видитъ у людей богатыхъ высшаго круга. Зачѣмъ ему изысканная дорогая мебель? У мѣста ли въ его домѣ картины на стѣнахъ, изображающія бытовыя сцены сомнительнаго нравственнаго достоинства, какія такъ часто приходится встрѣчать въ свѣтскихъ гостиныхъ? Простота и скромность при богатствѣ всегда свидѣтельство хорошаго вкуса; а для священника она можетъ быть поставлена въ обязательное требованіе. Роскошь, въ чемъ бы она ни проявлялась, не гармонируетъ съ званіемъ и служеніемъ пастыря Церкви, и если изысканная обстановка бьетъ въ глаза людямъ, являющимся въ домъ священника, она производитъ на нихъ неблагопріятное впечатлѣніе. Въ домѣ священника болѣе, чѣмъ въ другомъ свѣтскомъ домѣ, являются люди бѣдные, несча-

стные, нуждающіеся въ утѣшеніи: не будетъ ли оскорблять глаза такихъ людей и не будетъ ли тяжело дѣйствовать на нихъ пышность человѣка-пастыря, обязаннаго имѣть дѣло не съ одними богатыми людьми и призваннаго приносить утѣшеніе всякому, постигнутому горемъ и бѣдствіемъ? Приличіе во внѣшней обстановкѣ можетъ и должно быть соблюдаемо священникомъ, и можетъ въ ней проявляться довольство, какимъ онъ владѣетъ: но все это можетъ быть въ формѣ скромной, безъ всякой изысканности, безъ увлеченій суетностію, гоняющеюся за эффектомъ, и безъ потворства чувственности.

Впрочемъ роскошь доступна только небольшому числу нашихъ священниковъ, и претензіи на аристократизмъ и изысканность во внѣшней обстановкѣ можно замѣчать изрѣдка у немногихъ городскихъ священниковъ. Большинство нашихъ пастырей люди, располагающіе незначительными матеріальными средствами: такимъ нечего и думать о томъ, чтобы въ устройствѣ и обстановкѣ своего дома подражать людямъ богатымъ. Въ домахъ такихъ священниковъ желательнѣе всего видѣть возможный порядокъ и чистоту. Такими качествами, по изображеніяхъ англійскихъ романовъ, воспроизводящихъ жизнь сельскихъ пасторовъ, пріятно поражаетъ всѣхъ домашняя обстановка англиканскихъ священниковъ. Порядокъ и чистота, замѣчаемыя въ домѣ, лучше всякой роскоши, пріятнѣе всѣхъ изысканныхъ украшеній, какія можно встрѣчать иногда и у людей сравнительно небогатыхъ. Нѣтъ ничего хуже, какъ стремленіе жить выше средствъ своихъ, и непріятное впечатлѣніе на всякаго производитъ невыдержанная претензія на роскошь въ домѣ бѣдномъ. Но порядокъ и чистота при бѣдности обнаруживаетъ душу твердую, характеръ серьезный, сердце мирное, и служитъ свидѣтельствомъ и выраженіемъ внутренней благопастроенности и нравственной крѣпости человѣка или семьи. Порядокъ и чистота у человѣка, живущаго незначительными доходами, почти добродѣтель, внушающая невольное уваженіе; а нѣтъ порядка, видно неряшество,—впечатлѣніе не-

выгодное, и домъ такой очевидно не можетъ быть названъ домомъ, хорошо управляемымъ, чего требуетъ отъ священника по отношенію къ его дому апостолъ.

5. Воспитаніе дѣтей священника и поведеніе членовъ семьи священника.

По предписанію апостола Павла, ожидается и требуется отъ священника ревностная забота о своемъ семействѣ и дѣтяхъ, объ ихъ добромъ воспитаніи, ихъ чистомъ нравственномъ и христіанскомъ направленіи. Эта забота пастыря о воспитаніи и добромъ направленіи членовъ своей семьи—начало и сокращеніе заботы о всемъ приходѣ. Любовь пастыря есть расширеніе любви отца. Хорошій семьянинъ, хорошій отецъ семейства обѣщаетъ изъ себя хорошаго пастыря, и на оборотъ. *Аще кто своего дома не умѣетъ правити,* говоритъ апостолъ, *како о Церкви Божіей прилежати возможетъ* (1 Тим. III, 5)? *И аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отверглся есть, и невѣрнаго горшій есть* (1 Тим. V, 8). Совершенно неестественно священнику оставлять семейство безъ попеченія, и тѣмъ нарушать требованія закона любви, вложеннаго въ наше сердце. Для священника, какъ и для всякаго, семейство представляетъ самый близкій предметъ, возбуждающій къ себѣ наибольшое и самое теплое участіе. Тотъ духъ, которымъ живетъ священникъ, первѣе всего долженъ распространяться въ средѣ, непосредственно съ нимъ связанной и служащей какъ бы продолженіемъ его личнаго существованія. Семейство далѣе—малый приходъ, гдѣ по вызову самой природы, должны дѣлаться опыты ревности, благочестія и благоразумія священника, и эти опыты ревности, благочестія и благоразумія въ воспитаніи священникомъ своихъ дѣтей находятъ свое приложеніе въ заботахъ его о нравственно-религіозномъ воспитаніи ввѣренныхъ его попеченію душъ его прихожанъ. Въ случаѣ небрежности священника о своемъ семействѣ приходъ

терлетъ уже потому, что не имѣетъ предъ глазами назидательнаго примѣра, который священнику, по долгу своего званія, нужно показывать лицамъ, имъ руководимымъ. И судъ Божій постигаетъ карою небрегущаго о семействѣ своемъ пастыря, какъ можно видѣть изъ примѣра ветхозавѣтнаго первосвященника Илія. Онъ мало обращалъ вниманія на распущенность и легкомысленное поведеніе своихъ сыновей и не прилагалъ должной заботливости къ ихъ исправленію, когда слышалъ объ ихъ дурныхъ поступкахъ. И вотъ Господь объявляетъ ему чрезъ отрока Самуила: *Вотъ, я сдѣлаю дѣло въ Израиль, о которомъ кто услышитъ, у того зазвенитъ въ обѣихъ ушахъ. Въ тотъ день Я исполню надъ Иліемъ все то, что Я говорилъ о домѣ его... Я объявилъ ему, что Я накажу домъ его на вѣки за ту вину, что онъ зналъ, какъ сыновья его нечествуютъ, и не обуздывалъ ихъ. И посему клянусь дому Илія, что вина дома Иліева не загладится ни жертвами, ни приношеніями хлѣбными во вѣкъ* (1 Цар. III, 11—14). Извѣстно, какъ исполнилась эта угроза Божія: евреи побѣждены и порабощены были филистимлянами, плѣненъ былъ ковчегъ завѣта, убиты были оба сына Илія, вызвавшіе гнѣвъ Божій, и скоропостижно скончался самъ Илій, услышавъ печальную вѣсть о смерти дѣтей своихъ и плѣненіи святыни народной. *Поученіе епископле къ іереомъ*, приписываемое митрополиту русскому Кирилу II, бывшее однимъ изъ главныхъ руководительныхъ архипастырскихъ наставленій нашему священству въ старой Россіи, обращаетъ особенное вниманіе пастырей на обязанность ихъ заботиться о своихъ дѣтяхъ. „Блюдите (говорится въ немъ) 1) и родимыхъ дѣтей вашихъ, да не осквернятся блудомъ до женитвы... Или бо попъ безъ грѣха былъ предъ Богомъ, за сыновня грѣхи посланъ бысть въ муку: занеже не училъ на добро сыну своего, ни казнилъ“.

---

1) Приб. къ изданію Твореній св. отцевъ. Т. I, стр. 431.

Духъ воспитанія дѣтей въ домѣ священника долженъ быть строго-христіанскій. Дать дѣтямъ своимъ религіозное образованіе и религіозное направленіе—вотъ первое, что должно лежать на мысли отца-священника. И дѣти, выходящія изъ семействъ священниковъ, приходя въ возрастъ, должны показывать изъ себя людей, не только хорошо знающихъ члены вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ близко принимающихъ къ сердцу дѣло Церкви и дѣло православія. И Церковь и общество имѣютъ право ожидать отъ нихъ полной преданности вѣрѣ и готовности защищать ее отъ нападеній вольнодумства и религіознаго индифферентизма. Недаромъ, по смыслу соборныхъ правилъ, въ домѣ священника не можетъ быть терпимымъ человѣкъ, уклоняющійся отъ вѣры и зараженный ересію, и сыну священника нельзя сочетаться бракомъ съ еретичкою (14 пр. VI Всел. соб. 45 и 30 Карѳ. соб.). Заботясь о религіозномъ воспитаніи своихъ дѣтей, вмѣстѣ съ тѣмъ священникъ долженъ такъ вести ихъ, чтобы они представляли изъ себя образцы послушанія и нравственной чистоты, какъ требуетъ того святый апостолъ (1 Тим. III, 4. Тит. 1, 6). Если въ дѣтяхъ священниковъ не встрѣчается того, что естественно ожидать отъ дѣтей служителей Божіихъ, т. е., если они оказываются людьми маловѣрующими и пренебрегающими Церковію и ея началами, если къ своемъ поведеніи они допускаютъ нарушенія нравственнаго долга, обязательнаго для всѣхъ христіанъ,—это служитъ немалымъ соблазномъ для общества, и голосъ народа вину за такое направленіе дѣтей лица духовнаго возлагаетъ на самаго священника, его осуждаетъ за то, что онъ не съумѣлъ или не позаботился дать дѣтямъ своимъ такое воспитаніе, къ какому, преимущественно предъ другими, обязывалъ его санъ и его положеніе среди общества.

Нравственная строгость, ожидаемая отъ членовъ священнической семьи въ силу духовнаго единенія съ главою семьи, обязываетъ ихъ соблюдать нѣкоторую сдержанность и въ отношеніи къ обычаямъ общественной жизни. Духъ служителя Церкви,

опредѣляющій его поведеніе, долженъ находить отраженіе и во внѣшнихъ формахъ, или общежительныхъ привычкахъ его жены и его дѣтей. Явленіе ихъ въ свѣтѣ или въ обществѣ должно быть скромное, и нѣтъ нужды часто являться имъ въ мѣстахъ общественныхъ собраній и увеселеній. Семейство священника можетъ имѣть друзей, можетъ видѣться съ ними, сколько угодно; но неприлично членамъ его пристращаться къ общественнымъ увеселеніямъ, неприлично играть роль среди увеселительныхъ собраній и блистать въ свѣтѣ. Личная строгость священника не загладитъ впечатлѣнія, производимаго суетностію и увлеченіями его жены и дѣтей. Мы не рекомендуемъ заключенія членамъ семьи священника; это бы было насиліемъ природы; молодости нужно повеселиться. Но не всѣмъ нужно увлекаться, что предлагаетъ свѣтъ для развлеченія людямъ. Есть много видовъ развлеченій, семейныхъ и скромныхъ, въ которыхъ могутъ принимать участіе жена и дѣти священника, не навлекая никакой тѣни на главу своего дома. А разсѣянная свѣтская жизнь, если они предаются ей, будетъ соблазномъ для другихъ.

Иногда случается слышать похвалы тому или другому священнику, что онъ живетъ открытымъ домомъ. Похвалы эти имѣютъ обоюдный смыслъ. Еще апостолъ предписывалъ служителю Церкви быть *страннолюбиву* (1 Тим. III, 2. Тим. 1, 8). Если священникъ или его семья открываетъ домъ свой, чтобы исполнить долгъ любви по отношенію къ ближнему, ищущему пріюта во время пути, если онъ съ готовностію принимаетъ всякаго, желающаго найти у него добрый совѣтъ или побесѣдовать съ нимъ о предметахъ серьезныхъ и священныхъ,—это добродѣтель съ его стороны, могущая заслужить ему уваженіе и расположеніе другихъ. Если, далѣе, двери священническаго дома всегда открыты для близкаго гостя, связаннаго съ нимъ чувствами родства, духовнаго единомыслія и внутренняго расположенія,—въ этомъ нѣтъ ничего предосудительнаго. Добрый гость можетъ вносить освѣженіе въ домъ среди обыденныхъ однообразныхъ заня-

тій его членовъ. Но у насъ большею частію не въ этомъ скромномъ смыслѣ разумѣютъ открытый домъ, когда хвалятъ то или другое семейство за открытую жизнь. У насъ нравятся и вызываютъ одобреніе тѣ открытые дома, въ которыхъ чуть не каждодневно можно найти удовлетвореніе людямъ, ищущимъ свѣтскихъ развлеченій, въ которыхъ всегда готовы карты, всегда собирается веселое общество, не знающее, куда дѣвать время, пожалуй слышно пѣніе и музыка, и часто составляются танцы. Въ такомъ смыслѣ не подобаетъ быть открытымъ домомъ дому священника. И если нѣчто подобное замѣчается въ томъ или другомъ семействѣ священника, то у серьезнаго человѣка оно скорѣе вызоветъ не похвалу, а сожалѣніе по не соотвѣтствію привычекъ этого дома съ требованіями долга и приличія священническаго. Все шумное, свѣтское, разсѣянное здѣсь не на своемъ мѣстѣ. Самое гостепріимство, отъ котораго пусть не уклоняется семейство священника, не должно нарушать тишины и скромности, какія должны обитать въ домѣ служителя Божія.

6. Отношеніе къ слугамъ домѣ священника.

Древнее *Поученіе* епископа къ *іереомъ* заботливость священника о благоустроеніи своего дома простираетъ и на слугъ, живущихъ въ немъ. „Слугъ своихъ (говоритъ оно) [1]) наставляйте въ ученіи Господнемъ; доставляйте имъ пищу и одежду въ довольствѣ.“ Въ домѣ служителя религіи и Церкви не естественно видѣть и между нанятыми слугами людей безъ вѣры и безъ благочестія; не естественно встрѣчать и между прочими членами его семьи вѣтренность и какой либо видъ распутства. Пастырь церкви, по долгу своего званія, долженъ употребить всю силу своего вліянія, чтобы поставить своихъ слугъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи въ полное соотвѣтствіе съ требованіями

[1]) Приб. къ Твор. св. отцевъ. Т. I, стр. 431.

того духа вѣры, какой долженъ царить въ его домѣ и опредѣлять собою поведеніе всѣхъ, живущихъ въ немъ. Пренебреженіе къ Церкви и ея уставамъ, уклоненіе отъ православія въ расколъ или штундизму, безнравственность лицъ, живущихъ въ семьѣ священника для такихъ или иныхъ услугъ, кладетъ пятно на его домъ и подвергаетъ его нравственной отвѣтственности предъ своею совѣстію, предъ обществомъ и предъ Церковію. И можно опасаться при этомъ дурнаго вліянія этихъ лицъ, поставленныхъ въ близкія отношенія къ священнику, на другихъ прихожанъ. Невниманіе со стороны священника къ безвѣрію или распутству слугъ, живущихъ у него, можетъ быть поставлено ему въ прямое нарушеніе его пастырскаго долга. Если нравственныя увѣщанія его къ исправленію ихъ не оказываютъ должнаго дѣйствія, его пастырское благоразуміе должно побуждать его искать себѣ другихъ слугъ, своимъ характеромъ и поведеніемъ болѣе отвѣчающихъ духу, его руководящему и имъ распространяемому.

Это одна сторона въ отношеніи къ слугамъ, которою не долженъ пренебрегать священникъ. Но въ *Поученіи къ іереомъ* его вниманію указывается и другая сторона, которую онъ не долженъ опускать изъ вида. Именно, священникъ долженъ показывать другимъ примѣръ человѣколюбиваго отношенія къ низшей братіи—къ слугамъ, на него работающимъ. Онъ долженъ давать имъ довольное содержаніе: дурно, если будутъ говорить, что въ домѣ такого-то священника слугъ морятъ голодомъ. Онъ всегда добросовѣстно долженъ разсчитываться съ ними, и никогда не долженъ удерживать у себя условленной имъ платы. Безчестіе для пастыря, если слуги будутъ жаловаться на него, что онъ нечестно расплатился съ ними, и будутъ требовать у него заслуженнаго ими предъ судомъ. Въ домѣ священника, по-христіански управляемомъ, не будутъ отягощать слугъ излишними работами и отнимать у нихъ свободные часы отдыха, хотя въ тоже самое время не будутъ поблажать ихъ бездѣльничанью. Въ домѣ священника въ обращеніи съ наемными слугами не

будутъ показывать и тѣни пренебреженія къ нимъ, но всегда будутъ относиться къ нимъ съ снисхожденіемъ и мягкостію, растворяемыми духомъ любви. Если вездѣ непріятны и неприличны несдержанные гнѣвные крики на слугъ, суровыя, жесткія бранныя слова и обидныя клички, какія позволяютъ себѣ иные господа и хозяева по отношенію къ людямъ, напимающимся въ услуженіе имъ, то тѣмъ болѣе они неумѣстны въ домѣ или семьѣ священника. Кому, какъ не священнику, сознавать, что всѣ люди,— и высоко поставленные, и принужденные нести низкую и тяжелую долю слугъ,—равно созданія Божіи, всѣ плоть едина, всѣ равно дороги Творцу, всѣ одинаково искуплены кровію Христовою, и всѣ по существу братья между собою? Христіанское чувство братства въ домѣ священника должно говорить сильнѣе, чѣмъ въ другомъ свѣтскомъ домѣ. Подъ дѣйствіемъ этого чувства, слуги въ семействѣ священническомъ меньше будутъ чувствовать тяжесть своего приниженнаго зависимаго положенія, больше будутъ питать расположенія и привязанности къ дому, и съ большимъ усердіемъ будутъ трудиться для блага семейства, видящаго въ нихъ не просто слугъ, но братьевъ о Христѣ.

V.

Домашнія и частныя занятія священника.

Подъ домашними занятіями священника, къ рѣчи о которыхъ мы приступаемъ, мы разумѣемъ такія занятія, которыя не входятъ въ кругъ служебныхъ его обязанностей, а составляютъ частный свободный трудъ его, предпринимаемый имъ помимо исполненія своего прямаго пастырскаго долга.

Посильный трудъ есть призваніе каждаго человѣка въ жизни. Въ этомъ трудѣ, къ какому призывается человѣкъ, первое и главное мѣсто должны занимать такія дѣла, которыя налагаются на человѣка его званіемъ и его служебнымъ положеніемъ въ обществѣ. Но выполненіе служебнаго долга обыкновенно не поглощаетъ всего времени и всѣхъ силъ священника. У него въ распоряженіи есть время и силы для другихъ занятій, помимо занятій оффиціальныхъ или служебныхъ. Кромѣ того, какъ человѣкъ образованный, какъ членъ общества, какъ семьянинъ, обязанный печись о своихъ близкихъ, онъ не можетъ отказаться отъ частныхъ интересовъ, вызывающихъ его на такую или иную дѣятельность, служащую дополненіемъ его дѣятельности служебной.

Священникъ не долженъ довольствоваться однимъ исполненіемъ церковныхъ требъ, на него возлагаемыхъ, и не долженъ уклоняться отъ труда частнаго. Всегда и вездѣ онъ долженъ показывать изъ себя человѣка занятаго, любящаго трудъ. Не-

пріятное впечатлѣніе производитъ на всякаго, въ особенности на людей, въ потѣ лица пріобрѣтающихъ для себя хлѣбъ насущный, если священникъ, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ службъ, кромѣ требъ, на которыя случайно могутъ позвать его, не знаетъ, куда дѣвать время, ничѣмъ не интересуется, ничего не читаетъ и ни къ чему не прилагаетъ рукъ своихъ, если онъ поздно встаетъ и послѣ завтрака или утренняго чаю ждетъ скорѣе обѣда, если онъ праздно ходитъ цѣлый день, ищетъ, съ кѣмъ бы провести время, готовъ пускаться въ распросы и пустыя бесѣды со всякимъ встрѣчнымъ и радъ случаю поѣхать куда нибудь, чтобы поболтать лишній часъ, другой. Но если священникъ, помимо своей службы, имѣетъ серьезные интересы, возбуждающіе его къ дѣятельности, если ему дорогъ каждый свободный часъ и на каждомъ такой часъ есть у него готовая работа, если, однимъ словомъ, онъ представляетъ изъ себя человѣка дѣловаго и трудящагося,—то трудъ его, посвященный доброму дѣлу, вызываетъ и умножаетъ уваженіе къ нему у всѣхъ, приходящихъ съ нимъ въ сопрокосновеніе.

Какой же частный трудъ наиболѣе приличенъ и полезенъ для священника? Чему должны быть посвящены его домашнія занятія? И какія занятія не совмѣстимы съ его служеніемъ?

1. Занятія умственныя.

Служеніе священника, въ ряду другихъ общественныхъ служеній, есть служеніе наиболѣе духовное, требующее умственной или духовной работы. Оно ближе всего подходитъ къ служенію учителя и воспитателя дѣтей, такъ какъ Церковь возлагаетъ на него обязанность преподавать народу ученіе вѣры и благочестія и воспитывать его для царства Божія. Соотвѣтственно такому характеру служенія священническаго, соотвѣтственно его званію, имѣющему право на наименованіе духовнаго по преимуществу, наиболѣе приличный трудъ, какому онъ можетъ посви

щать свободное время,—есть трудъ духовный или умственный, трудъ книжный, требующій работы мысли и способствующій обогащенію и укрѣпленію ума.

Первый предметъ, которымъ можетъ заниматься священникъ въ часы, свободные отъ служебныхъ занятій,—богословская или религіозная наука и богословская или духовная литература. На занятіе этимъ предметомъ священникъ долженъ бы смотрѣть не какъ на частный трудъ, предоставленный его свободѣ, а какъ на прямой долгъ свой. Религіозный учитель народа, онъ долженъ обогащать и наполнять свою душу тѣмъ знаніемъ, отъ полноты котораго призванъ сообщать потребную часть людямъ, ввѣреннымъ его нравственному попеченію. Поставленный на стражѣ вѣры, обязанный сѣять сѣмена добраго ученія въ сердцахъ людей, составляющихъ приходъ его, онъ долженъ обновлять и умножать запасъ тѣхъ знаній, при помощи которыхъ могъ бы бороться съ нападеніями невѣрія, неправовѣрія и раскола, разрѣшать разныя сомнѣнія и недоумѣнія, давать добрые совѣты нуждающимся въ религіозномъ назиданіи, вносить свѣтъ вѣры въ умы, его ищущіе, при помощи которыхъ, однимъ словомъ, могъ бы безъ затрудненія давать отвѣтъ всякому, *вопрошающему словесе о нашемъ упованіи*. Правда, въ священника поставляется человѣкъ, уже испытанный въ вѣрѣ, прошедшій курсъ по крайней мѣрѣ средняго духовнаго заведенія — семинаріи, и изучившій въ немъ богословскую науку въ возможной широтѣ. Но наука вообще, и въ частности наука богословская—нескончаемый матеріалъ. Только что кончившій курсъ школьникъ, какъ бы онъ ни былъ усерденъ въ продолженіе своего школьнаго образованія, не можетъ допустить мысли, что онъ овладѣлъ уже всѣмъ матеріаломъ науки, и уже не надъ чѣмъ болѣе работать ему въ ней. Цѣлой жизни не достанетъ, при самомъ усердномъ спеціальномъ занятіи наукою, для того, чтобы вполнѣ овладѣть ею и всѣмъ ея содержаніемъ. Пусть же человѣкъ, прослушавшій пол-

ный курсъ богословія, на мѣстѣ священника не останавливается на томъ, что дала ему школа, и не довольствуется тѣмъ, что онъ вынесъ изъ мѣста своего юношескаго воспитанія. Онъ долженъ идти далѣе по пути, указанному и проложенному для него школою, долженъ дополнять запасъ знаній, вынесенныхъ изъ нея, и утверждать въ своемъ умѣ то, что внѣшнимъ и страдательнымъ образомъ воспринималъ отъ своихъ наставниковъ; онъ долженъ освѣжать въ себѣ источникъ свѣдѣній, почерпнутыхъ въ школѣ. Если онъ не будетъ продолжать умственной работы надъ тою наукою, которая ближе всего къ его служенію,— заглохнутъ и покроются забвеніемъ и тѣ знанія, какія вынесъ онъ изъ школы, огрубѣетъ его мысль, и онъ потеряетъ большую половину силъ для успѣшнаго продолженія своего духовно-нравственнаго, учительскаго олуженія. Равнодушіе къ наукѣ и книжнымъ занятіямъ, отвращеніе отъ умственнаго труда, уклоненіе отъ занятій литературою и наукою богословскаго характера— униженіе званія священника и противорѣчіе соединяемому съ нимъ понятію религіознаго учителя.

Чѣмъ же заниматься въ наукѣ священнику? Нельзя требовать отъ него, чтобы онъ, подобно ученому или профессору, спеціально изучалъ ту или другую отрасль богословской науки, хотя конечно нисколько не унизило бы его, если бы онъ спеціально занялся тою или другою частію духовной науки и показалъ въ этомъ спеціальномъ изученіи замѣтные успѣхи. Для такого изученія науки у священника, говоря вообще, не достаетъ времени и средствъ. Да это въ его положеніи составляетъ своего рода умственную роскошь, если онъ спеціализируетъ свои занятія и хочетъ быть ученымъ или историкомъ, или канонистомъ, или догматистомъ и т. п. Для него нужнѣе и въ его положеніи естественнѣе восполненіе общаго богословскаго образованія. Чѣмъ же заниматься ему, въ видахъ восполненія общаго богословскаго образованія? Каждому священнику въ этомъ случаѣ должно под-

сказывать его собственное сознаніе, на что ему нужно обратить вниманіе, и многое здѣсь зависитъ отъ обстоятельствъ, среди которыхъ онъ поставленъ. Было бы напраснымъ и излишнимъ дѣломъ, если бы кто либо рѣшился составить каталогъ книгъ, которыя долженъ читать священникъ по поступленіи на мѣсто. Здѣсь не можетъ быть ничего обязательнаго, и дѣло должно быть предоставленно личному усмотрѣнію священника, который по соображенію нужды и возможности самъ найдетъ, что для него наиболѣе пригодно и доступно. Пусть только онъ не бросаетъ книги и не заглушаетъ въ себѣ интереса къ той наукѣ, которую изучалъ въ школѣ, готовясь къ духовному званію, и любовь къ которой старалась возбудить въ немъ школа. Тогда само собою откроется, на что ему слѣдуетъ обратить вниманіе при своихъ умственныхъ занятіяхъ. Онъ будетъ обращаться къ книгѣ, чтобы оживлять въ памяти школьное пріобрѣтеніе и восполнять то, чего не успѣла или не могла дать школа. Онъ не будетъ опускать случая знакомиться съ капитальными произведеніями по богословской наукѣ, о которыхъ онъ слыхалъ, но которыхъ не читалъ во время школьнаго образованія. Наука и литература постояно движется впередъ, постояно обогащается новыми и новыми произведеніями. Весьма желательно, чтобы образованный священникъ слѣдилъ за движеніемъ духовной науки и литературы, и знакомился, если не со всѣми, то по крайней мѣрѣ съ лучшими твореніями, относящимися къ той или другой отрасли религіозной науки, или уясняющими ту или другую сторону дѣятельности служителя Церкви. То являются сильныя проповѣди какого либо замѣчательнаго церковнаго оратора, то выходятъ новыя изложенія системъ по главнымъ богословскимъ наукамъ, то печатаются спеціальныя изслѣдованія, проливающія новый свѣтъ на важнѣйшіе пункты богословской или церковноисторической науки. Нельзя священнику быть совершенно равнодушнымъ къ подобнымъ новымъ явленіямъ въ области богословской науки и литературы. Какъ скоро поднимается говоръ о нихъ, его любо-

знательность должна побуждать его поближе познакомиться съ тѣмъ, говоръ о чемъ, какъ замѣчательномъ научномъ или литературномъ явленіи, доходитъ до него. Наконецъ каждое время выдвигаетъ и дѣлаетъ предметомъ особеннаго вниманія свои вопросы, имѣющіе ближайшее отношеніе къ служенію пастырскому. Напримѣръ, возникаетъ и усиливается штундизмъ или другая подобная секта; распространяются матеріалистическія ученія въ подрывъ религіозной вѣрѣ и доброму церковному направленію; замѣчается въ разныхъ кругахъ увлеченіе спиритизмомъ и т. под. Или по мѣстнымъ обстоятельствамъ оживаютъ споры съ старымъ расколомъ, дѣлаются запросы служителямъ православной Церкви отъ людей, увлекающихся чѣмъ либо въ римскомъ католичествѣ или протестанствѣ. Наука школьная могла ничего нечего не говорить объ этихъ вопросахъ, вновь выставляемыхъ жизнію. Но пастырь Церкви не долженъ быть нѣмымъ въ виду этихъ живыхъ вопросовъ. Онъ долженъ стараться пріобрѣсть ясное представленіе о тѣхъ вещахъ, какія возбуждаютъ толки въ людяхъ, его окружающихъ. И вотъ для него указаніе, чѣмъ ему заняться, чѣмъ дополнить свое образованіе. Онъ долженъ знать, въ чемъ состоитъ неправота тѣхъ или другихъ увлеченій, замѣчаемыхъ у современниковъ, и долженъ имѣть въ мысли готовый запасъ оружія для отраженія неправыхъ мнѣній. Литература, разбирающая ученія, занимающія и увлекающія современные умы, должна быть ему болѣе или менѣе извѣстна.

Но священнику можно заниматься не одною богословскою наукою. Если онъ имѣетъ склонность и владѣетъ достаточными научными средствами, онъ можетъ посвящать свободное время и на изученіе какой либо изъ свѣтскихъ или гуманныхъ наукъ и умножать свои знанія по отраслямъ наукъ небогословскихъ. Въ этомъ никто не найдетъ ничего страннаго, а тѣмъ менѣе предосудительнаго. Всякая истина, которой доискивается какая бы то ни было свѣтская наука,—представляетъ изъ себя предметъ,

достойный вниманія серьезнаго человѣка, призваннаго отправлять самыя священныя миссіи въ обществѣ. И всякій серьезный научный трудъ, хотя бы онъ относился къ спеціальности, не имѣющей непосредственной связи съ богословіемъ или пастырскимъ служеніемъ, можетъ свидѣтельствовать только объ умственной зрѣлости священника и о стремленіи его къ духовному самоусовершенствованію. Нельзя предписать священнику изучать одну богословскую науку и читать одни религіозныя книги: однообразіе занятій отнюдь не законъ для него; напротивъ оно можетъ быть отяготительно для него. Своего рода развлеченіе, доставляющее не мало оживленія, — занятія какою либо отраслію знаній, не стоящихъ въ прямой связи съ главнымъ предметомъ его служенія. Можетъ онъ изучать и философію, и филологію, и исторію, и астрономію и даже естественную науку. Видные успѣхи его въ какой либо изъ этихъ наукъ могутъ способствовать возвышенію его личнаго авторитета и снисканію уваженія къ служителямъ религіи вообще со стороны людей свѣтскихъ, какъ это показываетъ примѣръ Сидонскаго, Павскаго, Григоровича и другихъ. Даже естественною наукою, сказали мы, можно заниматься священнику. Эта наука въ современной постановкѣ, по принятому нынѣ взгляду, менѣе всего пригодна священнику и менѣе всего гармонируетъ съ его настроеніемъ. Но въ такомъ взглядѣ много фальши. На самомъ дѣлѣ есть много внутренняго сродства между наукою о Богѣ и наукою о природѣ. Книга природы есть другая библія или другое откровеніе о Богѣ: чудеса, разсыпанныя въ ней творческою рукою, открываютъ человѣческому глазу, по указанію апостола Павла, невидимое Божіе, присносущную силу, неистощимую благость и неизъяснимую премудрость Творца вселенной (Рим. 1, 20). А если нынѣ книга природы неумѣющихъ читать ее скорѣе отводитъ отъ Бога, чѣмъ приводитъ къ Нему, если современная естественная наука сблизилась съ невѣріемъ, и послѣднее изъ нея заимствуетъ возраженія противъ божественнаго откровеннаго ученія,

то здѣсь, по нашему представленію, побужденіе не къ тому, чтобы бѣжали отъ нея служители религіи, а напротивъ къ тому, чтобы они обратили на нее особенное вниманіе и посвящали ей свои заботы. Чтобы успѣшно бороться съ невѣріемъ, священнику весьма важно знать ту науку, изъ которой невѣріе любитъ брать свои возраженія противъ истинъ религіи. И когда невѣрующіе естественники будутъ встрѣчать въ вѣрующихъ служителяхъ церкви людей, знакомыхъ съ ихъ отраслію знаній, умѣющихъ бороться съ ними ихъ же оружіемъ, они будутъ терять подъ собою твердую почву. Можно надѣяться, что наука о природѣ приняла бы другое направленіе, если бы чаще къ ней и ея воздѣлыванію обращались люди твердой религіозной мысли.

2 Съ занятіемъ книгою, —самымъ естественнымъ занятіемъ въ положеніи священника,—тѣсно связанъ трудъ авторскій. Священнику можно не только страдательно усвоять то, что пишется въ книгахъ, и изучать чужія произведенія, но и дѣятельно самому участвовать въ литературномъ трудѣ. При томъ развитіи и образованіи, какимъ владѣетъ большинство нашихъ священниковъ, этотъ трудъ долженъ быть вполнѣ доступенъ для нихъ. Духовная школа издавна пріученіе къ сочиненіямъ и образованіе навыка стройно, логично и чисто излагать свои мысли считала одною изъ главныхъ своихъ обязанностей по отношенію къ своимъ воспитанникамъ. Мы не хотимъ представлять этотъ трудъ духовной школы напраснымъ, не достигающимъ своей цѣли, и имѣемъ основаніе полагать, что каждый, окончившій въ ней курсъ, достаточно владѣетъ перомъ, чтобы излагать и передавать другимъ свои мысли, наблюденія и познанія. Потому священникъ авторскій трудъ не можетъ считать чужимъ для себя.

Священникъ впрочемъ не призванъ быть писателемъ, и мы не можемъ приглашать его сдѣлать авторскій трудъ формальнымъ своимъ занятіемъ. Мы говоримъ объ этомъ трудѣ, какъ трудѣ, предоставленномъ свободѣ человѣка, на который онъ можетъ

употреблять свое свободное время,—находя этотъ трудъ вполнѣ приличнымъ для священника и соотвѣтствующимъ его положенію и научному развитію. Не можемъ однако не замѣтить, что есть родъ авторской дѣятельности, упражненіе въ которомъ не только желательно, но даже требуется отъ священника,—это проповѣдничество. Духовная школа для того главнымъ образомъ пріучаетъ всѣхъ своихъ воспитанниковъ къ свободному изложенію своихъ мыслей или авторству, чтобы сдѣлать ихъ искусными и сильными въ дѣлѣ проповѣдническомъ. Проповѣдничество вмѣняется въ обязанность пастырю Церкви и наставленіемъ апостола (2 Тим. IV, 2), и соборными правилами, и постановленіями нашей Церкви. По 19 правилу VI вселенскаго собора предстоятель Церкви, какъ епископъ, такъ и пресвитеръ, долженъ поучать народъ словесамъ благочестія по вся дни, наипаче же въ дни воскресные. А нашъ Уставъ духовныхъ консисторій (ст. 9) требуетъ, чтобы священники, получившіе надлежащее образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ (какихъ мы видимъ, за немногими исключеніями, на нашихъ приходахъ), произносили свои собственныя поученія, составляя ихъ примѣнительно къ понятію и потребностямъ мѣстныхъ слушателей. Выполняя это требованіе, они (какъ выражено въ Инструкціи благочиннымъ) дѣлаютъ честь своему сану и пользу христіанамъ. Считая дѣло проповѣди, [1]) согласно съ Книгою о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, первѣйшею для себя обязанностію, священникъ не только можетъ, но и долженъ свои свободные часы употреблять на то, чтобы усовершать себя въ этомъ, существенно важномъ для него, занятіи. Въ эти часы онъ можетъ обдумывать то, о чемъ ему нужнѣе и полезнѣе говорить съ народомъ, можетъ изучать и уяснять для себя тѣ пункты, о которыхъ считаетъ нужнымъ чаще бесѣдовать въ церкви, можетъ упражнять себя въ томъ, чтобы говорить съ своими слушателями вполнѣ понятнымъ и вразумительнымъ для нихъ языкомъ, и въ то же время достойнымъ священной каѳедры,

1) §§ 10, 11, 12, и 13, стр. 1—18.

наконецъ можетъ заблаговременно заготовлять рядъ поученій, съ какими онъ имѣетъ выступить предъ народомъ, по долгу своего званія, излагая ихъ вполнѣ или только начертывая главный планъ ихъ. Если священникъ серьезно займется этимъ дѣломъ, Господь не замедлитъ благословить успѣхомъ его труды, и онъ поставитъ себя въ рядъ тѣхъ пресвитеровъ, которые, по апостолу, должны сподобляться сугубой чести за свое умѣлое слово и ученіе (1 Тим. V, 17).

Священникъ можетъ заниматься авторскимъ трудомъ, относящимся къ области проповѣдничества, не имѣя въ виду обнародованія своихъ произведеній въ печати. Его можетъ побуждать къ этому одна заботливость о своемъ самоусовершеніи и о лучшемъ выполненіи лежащаго на немъ учительскаго долга. Но ничего нѣтъ выходящаго изъ порядка вещей, если священникъ пишетъ что либо не для себя только и не для одного блага своихъ прихожанъ, а имѣя въ виду болѣе широкій кругъ читателей, именно для печати. Нынѣ такъ много печатныхъ органовъ и повременныхъ изданій, что дѣльному слову, въ особенности слову убѣжденія, проникнутому добрымъ духомъ, всегда можно найти себѣ мѣсто. Въ Германіи пасторы довольно часто заявляютъ себя своими произведеніями въ печати, и это служитъ выразительнымъ свидѣтельствомъ того, что они не бѣгаютъ умственнаго труда и стоятъ, въ ряду другихъ сословій, на достаточно высокой степени развитія. Въ послѣднія десятилѣтія и у насъ все чаще и чаще стали являться въ печати труды православныхъ священниковъ, и нѣкоторые изъ пастырей не только академическаго, но и семинарскаго образованія пріобрѣли своимъ литературнымъ трудомъ довольно видную извѣстность въ кругѣ, интересующемся духовною литературою. Эта извѣстность служитъ сколько къ чести ихъ личной, столько и къ чести того сословія, которое, въ лицѣ ихъ, выставляетъ трудящихся и мыслящихъ представителей. Мы можемъ пожелать не сокращенія, а расширенія и увеличенія той авторской производительности, съ какою наше пастырство является въ нашей печати.

Дѣлиться съ читающею публикою чрезъ печатное слово можно священнику разсужденіями о предметахъ разнообразнаго свойства. Ближе всего ему предлагать вниманію своихъ собратій и людей, сочуствующихъ интересамъ духовнымъ, опыты проповѣднаго слова, свои пастырскія наблюденія и разсужденія о вопросахъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ кругу обязанностей священника. Можно и естественно ожидать отъ него статей для назидательнаго чтенія, способныхъ возбудить и поддержать чувство вѣры и духъ благочестія, а также учебныхъ пособій по предметамъ начальнаго религіознаго образованія. Но ничто не препятствуетъ ему, если есть у него склонность, усердіе и достаточный запасъ знаній, расширять программу своихъ авторскихъ занятій и являться въ печати съ учеными трудами, разъясняющими тѣ или другіе предметы изъ области богословской, церконо-исторической или даже общей гуманной науки. Чѣмъ шире его дѣятельность, чѣмъ достойнѣе въ учено-литературномъ отношеніи его авторскіе труды, тѣмъ съ большимъ уваженіемъ будутъ относиться къ нему и къ его слову.

Для поддержанія интереса къ умственнымъ научнымъ занятіямъ и для веденія такихъ занятій необходимы книги, безъ которыхъ въ научной сферѣ, какъ безъ рукъ, ничего не подѣлаете. А книги для большинства нашихъ сельскихъ пастырей не легко доступны, по крайней мѣрѣ въ такомъ обиліи, какое требуется для того, чтобы слѣдить за наукою и литературою и не урывками заниматься этимъ дѣломъ. Вблизи нѣтъ мало-мальски порядочныхъ библіотекъ, изъ которыхъ священникъ могъ бы брать нужныя и полезныя для него сочиненія. А самому ему при тѣхъ достаткахъ, какими онъ располагаетъ, и на какіе долженъ содержать себя и свое семейство, часто затруднительно удѣлять какую либо сумму на покупку и пріобрѣтеніе книгъ. И вотъ въ этомъ недостаткѣ, или въ этой малодоступности книгъ для нашего сельскаго священника заключается причина того отчужденія отъ

умственнаго труда и того равнодушія къ научнымъ интересамъ, какое нерѣдко замѣчается среди нашего священства, и какого не должно бы быть у людей, болѣе десяти лѣтъ обучавшихся въ школѣ и въ ней привыкшихъ къ книгѣ. Мы не можемъ не признать серьезнаго значенія за этимъ обстоятельствомъ, и въ виду его отнюдь не расположены раздѣлять суроваго осужденія, какому подвергаются часто наши пастыри за заглушеніе въ себѣ научныхъ интересовъ со стороны лицъ, смотрящихъ на дѣло свысока и не желающихъ принимать во вниманіе тѣхъ условій, въ какія поставлены наши пастыри. Но мы не можемъ считать неустранимымъ это затрудненіе для священника къ продолженію умственныхъ занятій, и думаемъ, что при стремленіи къ самообразованію священники найдутъ средства къ выходу изъ этого затрудненія. Самонужнѣйшія книги они могли бы пріобрѣтать для себя на свой счетъ: такихъ книгъ не можетъ быть много, и на пріобрѣтеніе ихъ не невозможно удѣлять малую часть и при небогатыхъ доходахъ, какими располагаютъ наши священники. Не будетъ ни отъ кого запрета, если что либо употребить на покупку книгъ изъ церковныхъ суммъ; въ церкви, этомъ первомъ и для всѣхъ открытомъ училищѣ, не только можетъ, но и должна бы быть учительная библіотека. Не одни богослужебныя книги непремѣнно должны находится въ церкви: въ ней не должно быть недостатка и въ книгахъ, назначенныхъ для назиданія народа. Къ этому обязываетъ Уставъ церковный, по указаніямъ котораго [1]) должны читаться въ церквахъ при богослуженіи извѣстныя учительныя творенія отцовъ церкви, напримѣръ въ періодъ времени отъ Пасхи до Пятидесятницы толкованія Златоуста на Евангеліе отъ Іоанна, отъ недѣли Пятидесятницы до сентября толкованія тогоже отца на Евангеліе отъ Матѳея, отъ недѣли по Воздвиженіи до сырной недѣли толкованія на Евангеліе отъ Луки

---

1) Церк. Уставъ, гл. 10. л. 22 на обор. и л. 23.

Ѳеофилакта, Метафраста Логоѳетовъ, толкованія Златоуста на посланія св. апостола Павла и Маргаритъ, а въ Четыредесятницу Шестодневникъ Златоуста, отдѣлы изъ твореній св. Ефрема Сирина, Лавсаика и Лѣствицы. Значитъ, эти указанныя творенія отеческія и другія подобныя предполагаются Уставомъ находящимися въ церкви, на ряду съ книгами церковно-богослужебными. Къ этому располагаетъ и наша правительствующая власть церковная, когда она нарочито разсылаетъ по всѣмъ церквамъ книги, ею составленныя или признаваемыя полезными для назиданія народа, какъ это сдѣлано въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія. Тогда нарочито составлено было митрополитами Платономъ и Гавріиломъ „Собраніе разныхъ поученій на всѣ воскресные и праздничные дни, на три части раздѣленное“ и этими поученіями за полезное и нужное разсуждено снабдить всѣ церкви. Вмѣстѣ съ этою книгою издана и назначена для чтенія по церквамъ и для домашняго чтенія въ семействахъ „Книга краткихъ поученій о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ Божіихъ и о должностяхъ, изъ разныхъ св. отецъ и учителей собранная“, а въ дополненіе къ ней изъ твореній святителя Тихона Задонскаго издано Синодомъ „Наставленіе о собственныхъ всякаго христіанина должностяхъ“. Такими распоряженіями церковной власти полагается основаніе церковнымъ библіотекамъ: поддержаніе ихъ и пополненіе книгами, являющимися съ теченіемъ времени и важными съ религіозно-назидательной точки зрѣнія, вполнѣ согласно съ видами, проводимыми нашею властію въ жизнь церковную, и по мѣрѣ возможности поощряется ею.

Этими библіотеками, частною личною и церковною, пожалуй, еще не много можетъ быть дано для удовлетворенія ученой любознательности священника и для поддержанія и оживленія тѣхъ умственныхъ интересовъ, какіе питать ему слѣдуетъ. Въ этомъ отношеніи цѣлямъ самообразованія съ большею пользою могутъ служить окружныя библіотеки, и устроеніе ихъ, при недостаткѣ

частныхъ средствъ священника, можно рекомендовать въ видахъ той существенной пользы, какую онѣ могутъ приносить священникамъ, не желающимъ оставлять умственныхъ занятій и заботящимся объ обогащеніи себя нужными свѣдѣніями. Что трудно и не по силамъ для одного, то можетъ сдѣлать товарищество: нѣсколько лицъ извѣстнаго округа, внося ежегодно небольшую плату на книжное дѣло, съ теченіемъ времени могутъ образовать порядочную библіотеку. Начало такому учрежденію положено такъ называемыми благочинническими библіотеками, нынѣ существующими для духовенства, входящаго въ составъ извѣстнаго благочиннического округа, и поддерживаемыми на счетъ небольшихъ взносовъ отъ членовъ этого округа. Этихъ благочинническихъ или окружныхъ библіотекъ у насъ очень мало, и какія есть, тѣ идутъ вяло и едва держатся. Между тѣмъ это дѣло очень важное и полезное, и заслуживаетъ не только сочувствія, но и всяческаго поощренія со стороны людей, могущихъ имѣть вліяніе на бытъ духовенства. При нихъ могутъ быть обезпечены болѣе или менѣе тѣ умственныя средства, въ какихъ не можетъ не нуждаться священникъ, живущій въ сельской глуши, если хочетъ держать себя на извѣстной высотѣ образованія и слѣдить за движеніемъ современной мысли и жизни. И существованіе ихъ съ другой стороны можетъ будить и оживлять любовь къ книгѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживать живой умственный интересъ къ разнымъ вопросамъ науки и жизни въ тѣхъ людяхъ, которые безъ нихъ легко могутъ поддаться вліянію обстановки, не располагающей къ книжному труду, и всецѣло погрузиться въ хозяйственныя и мелкія приходскія хлопоты. Для устроенія такихъ библіотекъ не нужно большихъ пожертвованій. Здѣсь нужнѣе всего добрая инициатива, неослабное постоянство и умѣлый разсчетливый распорядитель. Если деньги, собираемыя на эту библіотеку, не будутъ тратиться на летучіе листки, интересъ которыхъ ограничивается предѣлами одного нынѣшняго дня, и которые завтра бросаются, какъ ненужные, если далѣе библіотека

не будетъ наполняться произведеніями такъ называемой легкой литературы, которыя читаются для одной забавы и праздпаго времяпрепровожденія, и если все вниманіе распорядителей библіотеки будетъ обращено на то, чтобы пріобрѣтать серьезныя и прежде всего капитальныя сочиненія по предметамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ религіозно-умственнымъ потребностямъ духовенства, то безъ сомнѣнія въ недолгій срокъ библіотека обзавелась бы значительнымъ количествомъ наиболѣе важныхъ произведеній духовной литературы. А когда въ библіотекѣ будутъ на лицо главныя капитальныя произведенія дудовной литературы, то легко пополнять ее новыми сочиненіями и, если позволяютъ средства, полезно разнообразить ея содержаніе, и кромѣ произведеній духовной литературы выписывать въ нее и сочиненія, относящіяся къ свѣтской гуманной наукѣ, отдавая предпочтеніе между ними тѣмъ, которыя снискали себѣ почетную извѣстность въ читающемъ мірѣ и отличаются добрымъ направленіемъ. Если представимъ, что подобная библіотека существуетъ и пополняется десятки лѣтъ, съ умѣлымъ выборомъ и разчетливостію, то безъ ошибки можемъ полагать, что въ ней найдется все, въ чемъ окажется существенная надобность священнику, не оставляющему заботы о своемъ самообразованіи. Изъ подобныхъ окружныхъ библіотекъ могли бы циркулировать или переходить отъ одного члена къ другому выписываемыя въ нихъ періодическія изданія, а равнымъ образомъ и новыя капитальныя сочиненія, являющіяся въ литературѣ и заставляющія говорить о себѣ. А за другими книгами, прежде пріобрѣтенными въ библіотеку, по мѣрѣ надобности каждый членъ могъ бы обращаться во всякое время. Такимъ образомъ облегчилась бы возможность удовлетворенія умственнымъ запросамъ, какіе мы предполагаемъ въ образованномъ священникѣ.

Въ Германіи существуютъ подобныя окружныя библіотеки, и онѣ поддерживаютъ живой научный интересъ въ тамошнемъ духовенствѣ. Въ Виртембергѣ опредѣлено закономъ, чтобы каждый пасторъ вносилъ извѣстную небольшую сумму въ книжный фондъ,

существующій для поддержанія окружной библіотеки, и на этотъ фондъ въ окружную библіотеку выписывается все замѣчательное, являющееся въ современной литературѣ и могущее интересовать священника. Періодическія изданія и книги, по порядку, всѣми аккуратно соблюдаемому, обращаются между членами, входящими въ составъ округа, и каждый изъ нихъ во всякое время имѣетъ подъ руками полезныя и серьезныя книги, пользуясь которыми онъ освѣщаетъ свой кругозоръ, слѣдитъ за тѣмъ, что дѣлается въ наукѣ и жизни, и умножаетъ свои свѣдѣнія.

Книжныя и умственныя занятія, какъ ни приличны они въ положеніи священника и какъ ни полезны для него въ видухъ его собственнаго самоусовершенія, не должны быть центромъ его дѣятельности и поглощать собою его главное вниманіе. Первый предметъ его вниманія—это обязанности его службы, и къ усердному выполненію этихъ обязанностей, къ возможно лучшему совершенію того, чего требуетъ отъ него долгъ его званія, должны быть направлены всѣ его заботы. Книжныя и умственныя занятія, какія можно рекомендовать ему и къ какимъ онъ можетъ имѣть склонность,—для него занятія частныя, и къ нимъ онъ можетъ обращаться только въ часы, остающіеся у него свободными послѣ исполненія служебныхъ обязанностей. Прекрасно видѣть въ священникѣ человѣка многознающаго, ученаго, писателя. Но если священникъ до того увлекается занятіями ученаго или писателя, что изъ-за нихъ готовъ пренебрегать обязанностями своего служенія, если для него непріятно всякое отвлеченіе отъ нихъ къ исполненію какой либо требы, и онъ спѣшно и пожалуй кое-какъ отправляетъ требы, какія долженъ совершать по долгу приходскаго пастыря, то этимъ онъ ставитъ себя въ фальшивое положеніе и не можетъ не вызывать противъ себя нареканій и осужденія. Священникъ долженъ помнить, что онъ прежде всего священникъ, а не присяжный ученый, спеціально обязанный изучать ту или другую науку, и видящій въ этомъ главное свое призваніе. Пусть книга или перо будутъ друзьями священника,

пусть по возможности часто они являются въ рукахъ священника въ свободное время; но какъ скоро зовутъ его обязанности службы, онъ охотно и безъ замедленія долженъ оставлять ихъ: служебная дѣятельность должна имѣть у него предпочтеніе предъ всѣми другими частными занятіями. Не одни книжныя, но и всякія другія частныя занятія, къ какимъ можетъ обращаться священникъ по разнымъ побужденіямъ, должны отступать на второй планъ предъ тѣмъ, чего требуетъ отъ него долгъ его званія.

Впрочемъ, кажется, у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ имѣть приложеніе предостереженіе священниковъ отъ увлеченія книжными умственными занятіями до пренебреженія обязанностями своего званія. Не умѣстнѣе ли у насъ напротивъ возбужденіе любви къ книгѣ въ средѣ духовенства и принятіе какихъ либо мѣръ, чтобы не дать заглохнуть научнымъ интересамъ въ нашемъ пастырствѣ? Въ Германіи, гдѣ весь пасторатъ состоитъ изъ людей съ высшимъ университетскимъ образованіемъ, считаютъ не излишними подобныя мѣропріятія, направленныя къ поддержанію въ пасторахъ живаго интереса къ научнымъ занятіямъ и къ возбужденію среди нихъ умственно-религіозной дѣятельности. Въ иныхъ протестантскихъ странахъ (Виртембергѣ напримѣръ) члены духовенства обязаны представлять генералъ-суперинтенденту особыя богословскія разсужденія,—молодые викаріи каждогодно, а настоятели церквей, болѣе занятые служебными обязанностями, каждые два или три года, по одному разсужденію. Темы для такихъ разсужденій предлагаетъ генералъ-суперинтендентъ, по сношенію съ декапами, ему подвѣдомственными; но не запрещается пасторамъ и самимъ выбирать предметъ для разсужденія и разъяснить тотъ или другой вопросъ, ихъ интересующій. Упоминаемъ объ этомъ не для того, чтобы рекомендовать или вызвать у насъ что либо подобное. Та широкая практическая дѣятельность, къ которой призывается наше священство, мало совмѣстима съ подобными отвлеченно-школярными занятіями, и обязательное составленіе богословскихъ разсужденій нашими священни-

ками,—разсужденій, напоминающихъ собою школьныя задачи или упражненія,—было бы для нихъ тяжелымъ игомъ и могло бы часто причинять ущербъ тому церковному дѣлу, для какого они поставляются среди прихода. Мы выставляемъ чужой обычай на видъ, чтобы показать, какъ въ другихъ вѣроисповѣдныхъ обществахъ считаютъ необходимымъ сохраненіе живаго научнаго интереса къ научнымъ занятіямъ среди духовенства, но желаемъ, чтобы у насъ этотъ интересъ поддерживался не внѣшними принудительными мѣрами, а свободнымъ сознаніемъ пастырства, которому Церковь въ школѣ дастъ достаточно полное образованіе.

2. Занятія педагогическія.

Кромѣ книжныхъ занятій, вызываемыхъ потребностію умственнаго самоусовершенствованія священника, священникъ можетъ посвятить себя и свое свободное время, остающееся у него отъ исполненія прямыхъ служебныхъ обязанностей, дѣлу педагогическому,—дѣлу воспитанія и образованія дѣтей, у себя ли въ домѣ, или лучше въ школѣ.

Это педагогическое дѣло вполнѣ сообразно съ званіемъ священника, обязаннаго учить вѣрѣ и благочестію всѣхъ, находящихся въ его приходѣ, и можетъ быть дополненіемъ его пастырской учительской дѣятельности. Занятія въ школѣ священникъ можетъ брать на себя въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія той цѣли, которая указана ему Церковію, призвавшею его къ пастырскому служенію. Если онъ хочетъ въ своемъ приходѣ создать поколѣніе, преданное Церкви и живущее по духу Христову (а онъ долженъ стараться объ этомъ въ силу своего пастырскаго званія), онъ долженъ обратить особенное вниманіе на дѣтей своего прихода въ этомъ нѣжномъ возрастѣ, воспріимчивомъ ко всѣмъ добрымъ впечатлѣніямъ; онъ долженъ сѣять въ душахъ сѣмена вѣры и доброй нравственности для того, чтобы они, воз-

растая потомъ, принесли плодъ свой и сдѣлали изъ дѣтей добрыхъ христіанъ и полезныхъ членовъ общества: „Младенческій возрасгъ (говоритъ Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ) яко скудельный сосудъ чимъ напоенъ будетъ, добрымъ или злымъ, таковую [1]) воню и впредь издавать будетъ.“ Потому (совѣтуетъ эта книга [2]) „пресвитеръ приличпо своему знанію сдѣлаетъ, если во всякій недѣльный день по полудни собираться велитъ въ церковь или школу маловозрастнымъ отрокамъ, и тамо ихъ будетъ обучать.“ Священникъ упуститъ благопріятное время, когда не приложитъ никакого попеченія къ воспитанію и обученію дѣдей своего прихода: съ взрослыми вести дѣло труднѣе, чѣмъ съ дѣтьми, податливыми на всякое вліяніе, и направленіе ихъ на путь спасенія (а это лежитъ на обязанности священника) будетъ соединено съ не малыми препятствіями, когда въ юности они были брошены на произволъ случая или возрастали подъ вліяніями, мало благопріятными для утвержденія въ нихъ духа вѣры и благочестія.

Независимо отъ этихъ цѣлей, входящихъ въ виды пастырскаго служенія, есть и другія побужденія, могущія склонять священника къ педагогически - образовательному дѣлу. Въ нашемъ народѣ есть большая потребность образованія, хотя она и не ощущается живо всею его массою. Народъ нашъ называетъ себя темнымъ народомъ, и характеризуя такъ себя, онъ тѣмъ самымъ заявляетъ, что онъ лишенъ свѣта образованія, необходимаго для возвышенія человѣческаго достоинства и для лучшаго устроенія нашей жизни. Среди этого темнаго люда священникъ является наиболѣе просвѣщеннымъ лицомъ, и изъ любви къ народу, изъ желанія ему блага, ему естественно распространять вокругъ себя тѣ начала знанія, какими онъ можетъ освѣтить темную массу

---

[1]) § 87, стр. 119.
[2]) § 88, стр. 120.

народонаселенія,—естественно содѣйствовать тому, чтобы народъ нашъ знакомился съ грамотностію и вмѣстѣ съ грамотностію усвоялъ себѣ облагораживающее и просвѣщающее вліяніе знанія. Наше правительство заботится о просвѣщеніи народа, и въ послѣднія десятилѣтія явилось не мало народныхъ сельскихъ школъ, открываемыхъ и поддерживаемыхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Но если бы этихъ школъ было вдвое, втрое болѣе теперешняго числа, онѣ не могли бы удовлетворить всей потребности просвѣщенія нашего многомилліоннаго народа, и при нихъ еще много остается дѣтей, которыя не имѣютъ возможности ознакомиться съ грамотою. Новый усердный учитель народа никогда не будетъ лишнимъ, какъ бы много ни устроило министерство своихъ школъ. Къ этому нужно прибавить еще то, что нашъ народъ издавна привыкъ относиться съ особымъ довѣріемъ къ учителю, прикосновенному къ Церкви, по самому служенію своему могущему дать ему излюбленную имъ грамоту церковную и научить тому, что для его благочестиваго чувства всего дороже,—вѣрѣ и закону Божію. Учители свѣтскіе возбуждали у него прежде недовѣріе къ себѣ, и нельзя сказать, чтобы это недовѣріе изчезло совершенно и теперь: не смотря на заботы правительства приготовить учителей мірянъ для народныхъ школъ, эти учителя не снискали себѣ вниманія народа, и священникъ-учитель всегда будетъ для него почтеннѣе, авторитетнѣе, чѣмъ учитель свѣтскій, готовый иногда идти въ разрѣзъ съ святыми преданіями, хранимыми въ народѣ, и посягать на неприкосновенность обычаевъ, освященныхъ церковію. Не нужно пренебрегать этимъ довѣріемъ, съ какимъ народъ относится къ своимъ пастырямъ, желая имъ первѣе всего поручать образованіе или обученіе своихъ дѣтей. Нужно пользоваться имъ, чтобы не выпустить изъ рукъ одного изъ важнѣйшихъ средствъ къ проведенію въ народъ религіознаго вліянія Церкви и утвержденію въ немъ добрыхъ началъ вѣры и нравственности, какое представляетъ изъ себя школа. При небреженіи священниковъ объ этомъ дѣлѣ, обра-

зованіемъ дѣтей могутъ овладѣть силы, чуждыя Церкви, и онѣ могутъ вести школьное дѣло въ направленіи, вовсе не желательномъ для служителей Церкви, какъ и бывали примѣры вредной пропаганды въ школахъ со стороны людей, отпатнувшихся отъ Церкви и утерявшихъ вѣру.

Наше правительство сознаетъ великое значеніе духовенства для образованія народа, и желаетъ, чтобы это образованіе основывалось на церковныхъ началахъ и велось въ духѣ Церкви, чему служить главнымъ образомъ могутъ пастыри церкви. Положеніемъ о церковно-приходскихъ школахъ оно зоветъ нашихъ священниковъ къ усиленной просвѣтительной дѣятельности во благо народа, и недавно наше духовенство съ высоты престола слышало этотъ святой призывъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе надежды Монарха, что духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія. Мы не хотимъ допускать грустнаго предположенія, чтобы этотъ призывъ не возбудилъ возможно горячаго усердія къ осуществленію благихъ намѣреній Монарха, касательно просвѣщенія народа, среди нашего духовенства, такъ преданнаго Церкви и Богомъ установленной предержащей власти.

Священникъ не можетъ вести школьныхъ занятій съ учениками такъ регулярно, какъ это можетъ дѣлать учитель, кромѣ учительской должности не знающій никакихъ другихъ служебныхъ обязанностей. У священника много прямаго пастырскаго дѣла, много требъ, отрывающихъ его отъ исполненія учительскаго долга, и иныя изъ нихъ такъ важны и настоятельны, что изъза нихъ онъ долженъ оставлять даже служеніе литургіи, уже начатой, если напримѣръ его позовутъ напутствовать, т. е. исповѣдать и причастить тяжко больнаго или окрестить слабаго, умирающаго младенца Въ этомъ обстоятельствѣ, по мнѣнію иныхъ, заключается немаловажное препятствіе, мѣшающее священнику брать на себя педагогическія занятія въ школѣ, требующія строгаго порядка. Само собою понятно, что исполненіе пастырскихъ

обязанностей должно быть первымъ дѣломъ священника, и онъ не долженъ оставлять ихъ ни для какого другаго дѣла. Но не смотря на сложность пастырскихъ обязанностей, исполненіе ихъ не поглощаетъ всего времени священника. А неотложныя требы, обязывающія его прекращать какое бы то ни было, имъ исправляемое, служеніе, вовсе не такъ часты, чтобы на нихъ указывать, какъ на серьезное препятствіе къ занятіямъ священника съ дѣтьми въ школѣ или дома. Полагаемъ, что усердіе священника, если только оно есть у него, найдетъ достаточно свободныхъ часовъ для добраго и полезнаго педагогическаго дѣла. Бѣды не будетъ, если изрѣдка, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, священнику придется оставлять или измѣнять урочные часы, назначенные для школьныхъ занятій. Церковь указываетъ ему, чѣмъ онъ можетъ пользовать приходящихъ въ храмъ на богослуженіе людей, если настоятельная нужда заставляетъ его на время остановить служеніе литургіи. Тѣмъ возможнѣе занять ему чѣмъ либо полезнымъ дѣтей, у него учащихся, если онъ не можетъ быть съ ними въ часъ, назначенный для его учительской бесѣды съ ними.

Мы впрочемъ говоримъ о педагогическихъ занятіяхъ священника въ школѣ или дома, не какъ о чемъ либо обязательномъ и необходимомъ для него, а какъ о дѣлѣ, въ высшей степени приличномъ для него. Пусть онъ, соображаясь съ обстоятельствами и съ мѣрою времени, находящагося у него въ распоряженіи, беретъ на себя изъ педагогическаго дѣла то, что для него наиболѣе сподручно и менѣе затруднительно. Можетъ быть, для него неудобно брать на себя обученіе грамотѣ, — чтенію, письму, ариѳметикѣ и другимъ подобнымъ предметамъ мірскаго свойства, входящимъ въ курсъ народной школы. Но законъ Божій, религіозное обученіе—это его предметъ, и онъ не долженъ бы допускать, чтобы преподаваніе этого предмета переходило отъ него къ другимъ учителямъ. Пусть на этомъ предметѣ онъ сосредоточитъ свое вниманіе, пусть имъ однимъ ограничится: тогда

не потребуется отъ него столько времени, сколько его нужно для учителя, занимающагося съ дѣтьми по всѣмъ другимъ предметамъ, и окажется для него вполнѣ возможнымъ совмѣстить съ исполненіемъ пастырскаго долга и исполненіе долга религіознаго учителя въ школѣ. Это религіозное обученіе онъ можетъ брать на себя въ школѣ народной, въ школѣ частной или домашней и въ школѣ церковно-приходской. Устроеніе послѣдней лежитъ ближе всего къ его заботамъ. Нельзя требовать, чтобы священникъ непремѣнно самъ занимался въ этой школѣ. Онъ можетъ имѣть, онъ долженъ искать сподручныхъ помощниковъ себѣ для занятій въ этой школѣ. Такими сподручными помощниками ему въ этомъ дѣлѣ могутъ быть подчиненные члены клира,—діаконы (гдѣ они есть) и псаломщики, члены семьи священника или кого либо изъ его причта,—могутъ быть и приглашенные отъ инуду, въ особенности изъ лицъ, готовящихся къ священническому служенію. Но самъ онъ отнюдь не долженъ стоять въ сторонѣ отъ этой, близкой ему, школы. Ему должно принадлежать самое бдительное наблюденіе за ходомъ, направленіемъ и успѣхами обученія въ этой школѣ; ему должно принадлежать главное руководство всѣмъ педагогическимъ дѣломъ, какое ведется въ этой школѣ, и для приданія ей большаго авторитета въ глазахъ прихожанъ, для болѣе благотворнаго вліянія на учащихся ему слѣдовало бы самому являться въ ней въ качествѣ учителя и сообщать дѣтямъ то, что имъ необходимѣе знать съ точки зрѣнія религіозно-воспитательной, и что способно воспитать въ нихъ духъ вѣры и благочестія.

При словѣ о педагогическихъ занятіяхъ священника съ дѣтьми, въ школѣ или дома, нельзя опускать изъ вида и соображеній экономическаго свойства. При многочисленности нуждъ, какимъ долженъ удовлетворять священникъ, какъ домохозяинъ и отецъ семейства, и при незначительности его доходовъ, онъ нерѣдко оказывается вынужденнымъ искать побочныхъ занятій для

пріумноженія средствъ содержанія, доставляемыхъ ему его должностію. Изъ этихъ побочныхъ занятій обученіе дѣтей, съ видами на нѣкоторое вознагражденіе за этотъ трудъ, представляется наиболѣе соотвѣтствующимъ его служенію и образованію. Такъ смотрѣла всегда на это дѣло и Церковь. Въ древнія времена случалось иногда, что пастыри Церкви, для пріумноженія своихъ доходовъ, обращались къ сторонннмъ свѣтскимъ занятіямъ, принимали на себя мірскія и житейскія попеченія у мірскихъ начальниковъ и вельможъ. Церковь неодобрительно относилась къ этому и, возбраняя совмѣщеніе пастырскаго служенія съ мірскими попеченіями, указывала священникамъ, ищущимъ себѣ какого либо прибыльнаго труда, на обученіе дѣтей, какъ на дѣло, наиболѣе приличное пастырю. *Лучше да идетъ* священникъ, занимающій мірскую должность у глаголемыхъ вельможъ, *учити отроковъ и домочадцевъ, читая имъ божественное Писаніе: ибо для сего и священство получилъ* (говоритъ 10-е правило VII вселенскаго собора).

3. Трудъ физическій и хозяйственныя занятія.

Можетъ обращаться священникъ и къ другимъ честнымъ и полезнымъ занятіямъ, въ видахъ обезпеченія себя и своего семейства и пріумноженія скромныхъ средствъ своего содержанія, и онъ не сдѣлаетъ ничего предосудительнаго, если тѣмъ или другимъ родомъ труда, имъ на себя предпринимаемаго, будетъ стараться устроять благосостояніе своего дома. Это дозволено ему канонами церковными. Тотъ же вселенскій соборъ, который рекомендуетъ священнику избирать для себя изъ разныхъ житейскихъ занятій обученіе дѣтей, какъ трудъ, наиболѣе ему приличный, разрѣшаетъ ему и многіе другіе труды, могущіе приносить ему какой либо доходъ. Запрещая замѣченное имъ отступленіе отъ церковнаго обычая, состоявшее въ томъ, что клирикъ, въ видахъ полученія большихъ доходовъ, опредѣлялся къ двумъ церквамъ

вмѣстѣ, что, по словамъ отцовъ собора, свойственно торговлѣ и низкому своекорыстію, соборъ, вмѣсто этого совмѣщенія служеній въ двухъ церквахъ, рекомендовалъ служителямъ церкви, для обезпеченія себя, обращаться къ какимъ либо честнымъ занятіямъ. *Для потребностей сея жизни* (постановили отцы въ 15 правилѣ VII вселенскаго собора) *есть различныя занятія: и сими, аще кто пожелаетъ, да пріобрѣтаетъ потребное для тѣла.*

Соотвѣтственно приведеннымъ нами указаніямъ соборныхъ каноновъ, священникъ, не уклоняясь отъ труда умственнаго, можетъ предаваться и труду физическому, можетъ брать на себя и занятія матеріальнаго свойства, какими люди снискиваютъ себѣ средства жизни, хотя нужно замѣтить, что Церковь свое разрѣшеніе священнику занятій подобнаго рода обставила нѣкоторыми ограниченіями.

Примѣръ физическаго или тѣлеснаго труда представляютъ для пастырей церкви святые апостолы, которые, пропося благовѣстіе Христово и служа Церкви, не уклонялись отъ житейскихъ занятій, къ какимъ пріучались и пріобыкли съ дѣтства. Апостолъ Павелъ, по его собственному признанію (1 Кор. XV, 10), потрудившійся болѣе другихъ апостоловъ въ проповѣданіи Евангелія и благоустроеніи церквей, при своемъ апостольскомъ служеніи находилъ время и считалъ не неприличнымъ для себя заниматься ручнымъ ремесленнымъ трудомъ, и этимъ трудомъ добывалъ средства для удовлетворенія своихъ собственныхъ нуждъ и нуждъ близкихъ ему лицъ. Онъ былъ ремесломъ скинотворецъ, и этого ремесла не оставлялъ во все продолженіе своего служенія Церкви Христовой (Дѣян. XVIII, 3). Не разъ въ своихъ рѣчахъ и въ своихъ посланіяхъ онъ ссылался предъ вѣрующими на то, что онъ снискиваетъ пропитаніе трудомъ рукъ своихъ и, ссылаясь на это, заявлялъ желаніе, чтобы и другіе подражали ему въ этомъ отношеніи. *Сребра или злата, или ризъ ни еди-*

наго возжелахъ (говоритъ онъ пресвитерамъ ефесскимъ). *Сами вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужисте руцѣ мои сіи* (Дѣян. XX, 35). *Вы помните, братія* (писалъ онъ солунянамъ), *трудъ нашъ и изнуреніе: ночью и днемъ работая, чтобы не отяготить кого изъ васъ, мы проповѣдывали у васъ благовѣстіе Божіе* (1 Сол. II, 9). *Вы сами знаете, какъ должны вы подражать намъ* (читаемъ мы въ другомъ посланіи тѣмъ же солунянамъ); *ибо мы... ни у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою ночь и день, чтобы не обременить кого изъ васъ; не потому, чтобы мы не имѣли власти, но чтобы себя самихъ дать вамъ въ образецъ для подражанія намъ* (2 Сол. III, 7—9. Ср. 1 Кор. IV, 12).

Какого же рода хозяйственныя занятія приличны священнику? Къ какому труду внѣшняго матеріальнаго характера ему можно обращаться, въ видахъ пріобрѣтенія или нѣкотораго пріумноженія средствъ жизни?

Апостолъ Павелъ занимался ремесломъ и ремесломъ снискивалъ себѣ необходимое обезпеченіе. Имѣя въ виду такой высокій примѣръ, священникъ можетъ не стыдиться ремесленнаго труда, если есть у него къ тому расположеніе и практическое умѣнье, и никто не осудитъ его, если онъ въ въ свободные часы занимается такимъ либо благороднымъ мастерствомъ, и занимается съ тѣмъ, чтобы произведеніями своего труда содѣйствовать благоустроенію своего хозяйства. Между занятіями, требующими физическаго труда, есть много видовъ, и иныя изъ нихъ не составляютъ простаго ручнаго мастерства, и изъ области ремесла переходятъ въ область искусства, напримѣръ, живописное или иконное искусство. Занятія этимъ или подобнымъ искусствомъ, нисколько не оскорбляя достоинства священническаго званія, составляютъ своего рода пріятное и полезное развлеченіе для него и, разнообразя его жизнь, вносятъ въ нее больше полноты и содержанія, и предохраняютъ отъ скуки и пустоты, независимо отъ

тѣхъ возможныхъ матеріальныхъ выгодъ, какія чрезъ нихъ можно пріобрѣтать.

Но практическій ручной трудъ по изготовленію какихъ либо предметовъ искусства или ремесла, хотя онъ не предосудителенъ для человѣка въ званіи священника, не можетъ быть для него трудомъ обыкновеннымъ. Онъ требуетъ предварительной подготовки, нѣкотораго нарочитаго обученія, и только не многіе изъ людей, готовящихся къ священному званію, вслѣдствіе извѣстныхъ природныхъ предрасположеній, могутъ овладѣвать тѣмъ или другимъ практическимъ искусствомъ, и въ немъ упражняться, по поступленіи на мѣсто, улучая для него свободное отъ служебныхъ занятій время.

Самое естественное и обычное для священника въ его положеніи занятіе, къ которому можетъ обращаться онъ безъ особенныхъ долгихъ приготовленій,—это занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Къ этому занятію располагаетъ священника тотъ порядокъ вещей, по которому у насъ въ селахъ дается священнику или причту каждой церкви извѣстное количество десятинъ земли, и дается съ тѣмъ, чтобы онъ извлекалъ изъ нея доходъ въ подспорье къ другимъ средствамъ своего содержанія, и, обработывая ее, пріобрѣталъ необходимое для пропитанія себя и своего семейства. Это экономическое условіе жизни нашего священства утверждено издавна, и нѣтъ нужды стремиться къ измѣненію его; оно принято не у насъ только въ Россіи, но и въ другихъ странахъ. Кромѣ экономической выгоды, можно ожидать и другихъ добрыхъ дѣйствій отъ этого занятія. Оно обращаетъ священника къ природѣ, и это обращеніе можетъ освѣжительно дѣйствовать на его духъ: природа на воспріимчиваго человѣка производитъ нравственное укрѣпляющее вліяніе. Не даромъ люди, истомленные условіями искусственной городской жизни, бѣгутъ перѣзко изъ мѣстъ своего обитанія, обставленныхъ всѣми удобствами, въ сельскую глушь, чтобы здѣсь, на лонѣ матери-природы, почерп-

нуть для себя освѣженіе и найти струю новой жизненной силы, могущей сообщить бодрость и энергію надломленнымъ душевнымъ силамъ. Далѣе, чрезъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ священникъ входитъ въ близкія отношенія къ своимъ прихожанамъ: вмѣстѣ съ ними собирая плоды, какіе даетъ человѣку земля, предоставленная въ его распоряженіе, онъ непосредственно участвуетъ въ ихъ интересахъ и живетъ, такъ сказать, одною жизнію съ ними. А это не остается безъ значенія для внутренняго нравственнаго сближенія его съ своими прихожанами, необходимаго для усиленія и утвержденія его пастырскаго вліянія на нихъ.

При мысли о сельскомъ хозяйствѣ и его приличіи для священника многихъ смущаетъ черная работа, какая съ нимъ соединяется. Эта черная работа, говорятъ, совершенно не приличествуетъ сану священника и можетъ унижать его, когда онъ принимается за нее. Можно ли, напримѣръ, священнику удобрять и унавоживать землю и собственноручно нести другіе труды, какихъ требуетъ обработка поля? Не унизитъ ли онъ своего достоинства и не оскорбить ли святыни тайны, которую призывается совершать, если будетъ приступать къ ней съ грязными, заскорузлыми руками, прямо отъ сохи или рабочей телѣги? Будутъ ли питать къ нему подобающее уваженіе его прихожане и сторонніе люди, когда будутъ видѣть его въ полѣ за работою наемника или простолюдина? Видя неудобства, сопряженныя для священника съ трудомъ воздѣлыванія земли, многіе высказываютъ желаніе, чтобы священникъ избавленъ былъ отъ необходимости вести сельскохозяйственныя занятія, и чтобы вмѣсто земли, которая дается причту въ видѣ обезпеченія его содержанія, полагалось опредѣленное денежное вознагражденіе, соотвѣтственное доходу съ той земли. Но черная работа, которой боятся и стыдятся ревнующіе о достоинствѣ священнаго сана, не есть необходимость для священника и при нынѣшнемъ положеніи вещей, когда причту каждой сельской церкви отведено извѣстное количество земли. Если свя-

щенникъ опасается уронить свое достоинство земледѣльческимъ трудомъ, онъ можетъ воздѣлывать землю и извлекать изъ нея нѣкоторый доходъ наемными руками, въ которыхъ у насъ нѣтъ недостатка. Всѣ, болѣе или менѣе крупные, землевладѣльцы не сами пашутъ и обработываютъ землю, не сами собираютъ ея произрастенія, а при посредствѣ рабочихъ за опредѣленную поденную, мѣсячную или годичную плату. Можно заниматься сельскимъ хозяйствомъ, обработывать землю и собирать то, что она приноситъ, уклоняясь отъ труда, чернящаго руки, и предоставляя себѣ болѣе чистую и благородную часть въ земледѣльческой работѣ. Можно извлекать доходъ изъ земли, и въ то же время не допустить ничего, что могло бы, на чей либо щепетильный взглядъ, умалить и унизить благородство священническаго званія. Пусть же священникъ, при занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ, обращается къ пособію наемныхъ сподручныхъ силъ для выполненія низкой черной работы; тогда въ этихъ занятіяхъ не будетъ ничего, могущаго служить къ униженію его авторитета. Это гораздо лучше, чѣмъ отказаться отъ земли и требовать за нее соотвѣтственнаго вознагражденія. Это вознагражденіе соединено съ большими затрудненіями, и если оно будетъ разложено на прихожанъ, оно можетъ вызывать нареканія и едва ли будетъ исправно доставляться. И едва ли это вознагражденіе, разъ постановленное, будетъ удовлетворять священника. Цѣнность земли и ея произведеній постоянно и постепенно возвышается: а доходъ съ нея, разъ положенный священнику, не можетъ постоянно измѣниться и весьма скоро окажется значительно ниже того, что онъ самъ извлекалъ бы изъ нея, если бы имѣлъ ее въ своемъ владѣніи. Пока же добьется причтъ его возвышенія, пройдетъ не мало времени, и пожалуй— встрѣтится при этомъ много непріятностей, да если и увѣнчаются успѣхомъ хлопоты о возвышеніи вознагражденія за землю, величина его опять едва ли будетъ отвѣчать потребностямъ времени. Нѣтъ, совершенно не практична мысль о замѣнѣ земли,

предоставляемой въ распоряженіе священника или причта, опредѣленнымъ денежнымъ вознагражденіемъ.

Не видя необходимости священнику самому собственноручно обработывать землю, мы впрочемъ не считаемъ унизительнымъ для кого бы то ни было непосредственный физическій трудъ, какого требуетъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ. Всѣмъ потомкамъ Адама сказано послѣ грѣхопаденія прародительскаго; *въ потѣ лица твоего снѣси хлѣбъ твой* (Быт. III. 19), Этотъ приговоръ Божій касается всѣхъ, и мы не въ правѣ считать унизительнымъ для себя исполненіе этого приговора Божія. Въ древнихъ республикахъ иныя лица, оказавшія великія услуги отечеству, отъ дѣлъ гражданскаго управленія удалялись въ тишину сельскаго уединенія, и въ этомъ уединеніи не стыдились прилагать руки свои къ такимъ работамъ, какія несли послѣдніе изъ гражданъ, и это отнюдь не служило къ ихъ униженію, а напротивъ еще болѣе возвышало ихъ имя въ глазахъ другихъ. И въ христіанской Церкви, въ древнія и въ среднія времена, служеніе священника не считалось не совмѣстимымъ съ физическою работою, какой требуетъ воздѣлываніе земли. Евстаоій, митрополитъ солунскій, жившій въ XII вѣкѣ, въ одномъ словѣ представляетъ идеалъ человѣка въ лицѣ Филооея опсикійскаго. Этотъ Филооей былъ добрый семьянинъ и усердный земледѣлецъ, и по своему желанію удостоенъ былъ званія священника. Когда онъ сдѣлался священникомъ, онъ не могъ много времени отдавать прежнимъ своимъ обычнымъ занятіямъ по хозяйству и по всему тому, что необходимо для живущихъ въ мірѣ, но не отказался отъ земледѣлія. „Любилъ же онъ (говоритъ Евстаоій) не только наемными руками распахивать землю для разнаго рода посѣвовъ, но *и собственными руками трудиться около нея*, считая это дѣломъ благороднымъ и приличнымъ для себя. И земледѣліе привлекало его не только потому, что это занятіе честное, но и потому, что оно изсушаетъ лишнюю влагу въ тѣлѣ, укрѣп-

листь человѣка и пріучаетъ его къ терпѣнію и постоянству въ занятіяхъ, а потому и въ добродѣтели. Такимъ образомъ, уроками отъ земли поучая душу, онъ и домашнимъ своимъ пріобрѣталъ достаточное для нихъ, и нуждающимся давалъ хлѣбъ отъ праведныхъ трудовъ своихъ“ [1]). Съ этимъ примѣромъ св. Филооея опсикійскаго и съ похвальнымъ указаніемъ на него Евстаѳія солунскаго не согласуется совѣтъ нашего отечественнаго писателя, издавшаго довольно замѣчательныя руководительныя письма по пастырскому богословію, протоіерея Е. Поѳова, по которому „нигдѣ и никогда священникъ не долженъ заниматься работами по сельскому хозяйству до подобія крестьянина, такъ что трудно было бы узнать его среди этихъ занятій и терялось бы уваженіе къ его сану“ [2]). Сопоставляя эти два разногласныя показанія, мы предоставляемъ самому читателю рѣшить, гдѣ больше правды,—въ похвальномъ ли словѣ Евстаѳія Филоосю опсикійскому, или въ письмахъ по православно-пастырскому богословію.

Между сельско-хозяйственными занятіями священнику въ особенности сподручны такіе виды ихъ, которые въ сельскохозяйственномъ быту выходятъ за предѣлы необходимаго, не требуютъ такого сложнаго физическаго труда, какого требуетъ обработка поля, а требуютъ скорѣе любви и охоты къ дѣлу и небольшаго знанія, легко пріобрѣтаемаго опытомъ. Таковы напримѣръ садоводство и пчеловодство. Для успѣшнаго веденія этихъ отраслей хозяйства не нужно долгаго изнурительнаго труда, не требуется и черной работы, могущей казаться унизительной для священника. Священнику не стыдно и онъ не унизитъ своего

---

1) Евстаѳій, митроп. солунскій, XII в., Игумена Арсенія, стр. 51.

2) Письма по православно-пастырскому богословію въ 4-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ч. IV, стр. 85—86.

сама, если, время отъ времени, самъ своими руками будетъ трудиться надъ насажденіемъ, культивированіемъ и усовершенствованіемъ своего сада, или если устроитъ у себя пчельникъ и будетъ смотрѣть за нимъ, какъ добрый хозяинъ. Труды его, требуемые этими отраслями хозяйственной дѣятельности, будутъ не изнуреніемъ для него, а отдохновеніемъ среди другихъ заботъ и хлопотъ, и они будутъ доставлять ему то движеніе, какое, по словамъ Евстаѳія, необходимо для изсушенія излишней влаги въ тѣлѣ и укрѣпленія здоровья. Относится къ удовольствію, а не къ удовлетворенію существенной потребности человѣка то, что доставляетъ садъ или пчелы. Тѣмъ пріятнѣе должны быть эти занятія, что въ результатѣ они имѣютъ пріобрѣтеніе вещей, служащихъ къ невиннымъ наслажденіямъ человѣка. Но независимо отъ пріятностей, здѣсь можетъ быть и существенная польза. Хорошо поведенное садоводство или пчеловодство можетъ давать плоды не для одного собственнаго потребленія священника, но и для продажи; и этимъ можно не мало умножать средства, необходимыя для удовлетворенія разнообразныхъ семейственныхъ потребностей. При недостаточномъ развитіи у насъ подобныхъ побочныхъ отраслей хозяйства, онѣ могутъ быть весьма прибыльны, и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ священники не пренебрегаютъ ими, онѣ составляютъ не послѣднюю выгодную статью въ ихъ хозяйствѣ.

Какъ ни естественно, при настоящемъ порядкѣ вещей, нашему сельскому священнику заниматься сельскимъ хозяйствомъ,— оно не составляетъ для него необходимости, и хорошее веденіе своего сельскаго хозяйства не можетъ служить къ возвышенію его пастырскаго авторитета. Можно быть отличнымъ священникомъ, всецѣло преданнымъ благу своей паствы, и въ то же время мало заниматься хозяйствомъ или вовсе не заниматься имъ. Сельское хозяйство для священника всегда побочное занятіе, служащее подспорьемъ ему въ пріобрѣтеніи средствъ содержанія.

Если онъ найдетъ возможнымъ обойтись, въ устроеніи своего внѣшняго быта, безъ излишнихъ сельско-хозяйственныхъ заботъ, отъ этого не пострадаетъ то пастырское служеніе, къ какому призываетъ его Церковь. У насъ, въ не такъ давніе годы, хотѣли сдѣлать изъ священниковъ спеціалистовъ-агрономовъ и включили было въ число обязательныхъ предметовъ преподаванія въ семинаріи сельское хозяйство, которое и значилось въ семинарской программѣ не одинъ десятокъ лѣтъ. Надѣялись, что будущіе священники, познакомившись въ школѣ съ усовершенствованными способами веденія сельскаго хозяйства, по поступленіи на мѣсто, и сами станутъ получать больше дохода съ своего участка земли, а вмѣстѣ съ тѣмъ послужатъ поучительнымъ примѣромъ раціональнаго веденія сельскаго хозяйства и для крестьянъ. Но это была ошибочная мѣра, которая не привела ни къ какимъ добрымъ практическимъ результатамъ, и потому скоро была оставлена. Священники не сдѣлались учеными агрономами, да и не могли сдѣлаться такими ни въ школѣ, ни въ жизни,—въ школѣ потому, что ихъ отвлекали отъ занятія агрономіей другіе предметы, изученіе которыхъ болѣе необходимо для приготовленія къ достойному прохожденію пастырскаго служенія,—въ жизни потому, что ихъ вниманіе не могло быть сосредоточено на сельско-хозяйственныхъ заботахъ, какъ этого можно ожидать и требовать отъ людей, считающихъ сельское хозяйство главнымъ своимъ призваніемъ, и имъ они предавались послѣ другихъ дѣлъ, входящихъ въ кругъ прямыхъ ихъ обязанностей. Потому, и при изученіи сельскаго хозяйства въ семинаріяхъ, священники не были двигателями улучшеній въ сельскомъ хозяйствѣ. Да это и не ихъ дѣло. Намъ кажется не практичною, если не прямо опасною, самая мысль расположить священника къ усиленному занятію сельскимъ хозяйствомъ и побудить его идти впереди другихъ въ этомъ дѣлѣ. Священникъ можетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ, не унижая своего сана. Но дѣлать его экономомъ, спеціалистомъ по агрономіи—преувеличеніе, могущее вести къ вреднымъ

для пастырскаго служенія послѣдствіямъ. При излишней преданности этому дѣлу онъ можетъ дойти до религіознаго загрубѣнія. Мы представляемъ, что священникъ первѣе всего долженъ быть носителемъ высшихъ идей и служителемъ духа. А при увлеченіи агрономическими интересами въ той мѣрѣ, въ какой оно возможно и дозволительно для помѣщиковъ, полагающихъ, такъ сказать, всю душу въ сельское хозяйство, или для арендаторовъ чужихъ имѣній съ цѣлью извлеченія изъ нихъ наибольшаго дохода,—его религіозно-идеальное настроеніе можетъ быть подавлено матеріально-промышленнымъ духомъ, какому тогда онъ невольно поддается.

4. Не дозволенныя священнику занятія.

Разрѣшая священнику различныя прибыльныя занятія, Церковь, какъ мы замѣтили, обставила свое разрѣшеніе нѣкоторыми ограниченіями и указала нѣсколько занятій, которыя не приличны священнику и не совмѣстимы съ его высокимъ, святымъ служеніемъ. Это во-первыхъ дѣла, безнравственныя по своему характеру и унизительныя для служителя Божія, долженствующаго распространять среди другихъ начала благочестія. Въ правилахъ соборныхъ между запрещенными для священника занятіями упоминаются такія, какихъ, полагаемъ, не допуститъ совѣсть священника, и о какихъ не можетъ быть и мысли у современныхъ пастырей,—это занятія тѣхъ, которые на пагубу душъ собираютъ и содержатъ блудницъ (86 прав. VI всел. собора). Древность, нужно думать, подавала поводъ постановить правило, подвергающее отлученію и извержению клириковъ, занимающихся этимъ постыднымъ и презрительнымъ дѣломъ. Но нынѣ, полагаемъ, нѣтъ нужды предостерегать священниковъ отъ подобныхъ занятій. Никто, далѣе, изъ нынѣшнихъ священниковъ не откроетъ корчемницы или питейнаго заведенія, что положительно запрещено имъ канонами (9 правило VI всел. собора), и не станетъ пріоб-

рѣтать пропитанія, служа въ корчемницѣ другимъ и унижая чрезъ то свой санъ. Но этого мало для поддержанія чести и достоинства священника. Эта честь священническая не должна бы дозволять ему и отдавать другимъ свои дома подъ питейныя заведенія или передавать въ аренду устроенныя въ его имѣніи винокурни и корчемницы, хотя это послѣднее не запрещено законами (Св. Зак. т. IX ст. 381). Въ третьихъ, въ высшей степени не благовидно занятіе ростовщика, и оно прямо запрещено священнику канонами (апост. пр. 44, 11 прав. 1 всел. собора, 4 пр. лаодик. соб., 10 пр. трульскаго, 5 и 21 прав. карѳаг.). Но для священника мало, если онъ только не является оффиціальнымъ ростовщикомъ, дающимъ подъ залогъ деньги изъ корыстныхъ видовъ. Ему не пристало вообще свои деньги давать другимъ въ долгъ съ тѣмъ, чтобы получать съ нихъ большій процентъ, въ видахъ скорѣйшаго приращенія капитала. Священникъ долженъ помнить, что постановили по этому предмету отцы I вселенскаго собора: *Понеже* (читаемъ мы въ. 17 правилѣ этого собора) *многіе причисленные къ клиру, любостяжанію и лихоимству послѣдуя, забыли божественное писаніе, глаголющее: сребра своего не даде въ лихву* (Псал. XVI 5),—*и дающія въ долгъ, требуютъ сотыхъ: судилъ святый и великій соборъ, чтобы, аще кто послѣ сего опредѣленія обрящется взимающій ростъ съ даннаго въ заемъ, или иной оборотъ дающій сему дѣлу, или половиннаго роста требующій, или нѣчто иное вымышляющій ради постыдной корысти, таковый былъ извергаемъ изъ клира и чуждъ духовнаго сословія.* Священникъ можетъ и долженъ давать отъ своихъ избытковъ нуждающимся. Но въ этомъ случаѣ имъ должно руководить желаніе помочь ближнему, а не личная корысть, не стремленіе къ обогащенію на счетъ человѣка, дѣлающаго долги. Давая другимъ деньги, священникъ долженъ имѣть въ виду примѣръ милосердаго самаряпина, который помогалъ несчастному, изъ чувства состраданія, вовсе не разсчитывая на какое либо

вознагражденіе., и отнюдь не слѣдовать тому евангельскому рабу, который, поймавъ единаго отъ клевретъ своихъ, должнаго ему стомъ пѣнязь, *емь его давляше, и ведъ всади его въ темницу, дондеже воздастъ должное* (Матѳ. XVIII, 28—30). Достаточно священнику довольствоваться тѣмъ приростомъ капитала, какой даютъ государственныя кредитныя учрежденія. При нынѣшнихъ условіяхъ экономической жизни, помѣщеніе въ нихъ капиталовъ не запрещено ни причтамъ, ни церквамъ. Помѣщая въ нихъ свои излишки, священникъ освобождаетъ себя отъ личныхъ сношеній съ должниками и отъ необходимости взысканія съ нихъ долговъ, часто сопряженной съ большими непріятностями, и поставляющей священника въ неловкое положеніе. Не совмѣстимы далѣе съ священнымъ служеніемъ такія дѣла и занятія, которыя раздвоютъ вниманіе служители церкви, отвлекаютъ его отъ исполненія прямыхъ пастырскихъ обязанностей и ставятъ его въ разрядъ лицъ, занимающихъ извѣстное мѣсто въ обществѣ въ силу той профессіи, какую несутъ они. Въ силу этого запрещены священнику мірскія попеченія (6 апост. пр. и 10 прав. VII всел. собора), связанныя съ отправленіемъ какой либо гражданской должности. *Не подобаетъ епископу и пресвитеру* (говоритъ 81 апостольское правило) *вдаватися въ народныя управленія, но не опустительно быти при дѣлахъ церковныхъ. Или убо убѣжденъ будетъ сего не творити, или да будетъ изверженъ. Епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ* (читаемъ далѣе въ 83 апостольскомъ правилѣ), *въ воинскомъ дѣлѣ упражняющійся и хотящій удержати обое, то есть, римское начальство и священническую должность, да будетъ изверженъ изъ священнаго чина. Ибо Кесарево Кесареви, а Божіе Богови* (Ср. 7 прав. IV всел. соб.). Еще болѣе, чѣмъ занятіе какихъ либо гражданскихъ должностей, запрещается священнику принятіе какого либо служенія у вельможи или частнаго лица, принятіе на себя обязанности быть управителемъ домомъ, имѣніемъ и т. под. у кого либо, владѣющаго значительными

средствами. Кромѣ того, что подобныя дѣла отвлекаютъ священника отъ его долга, они унижаютъ его санъ, заставляя его быть въ нѣкоторомъ услуженіи у другаго. IV вселенскій соборъ очень строго отнесся къ тѣмъ, которые дозволяли себѣ подобное нарушеніе порядка церковнаго. Въ основаніи запрещенія таковыхъ занятій лежитъ во-первыхъ то соображеніе, которое выражено въ евангеліи словами Господа: *никто же можетъ двѣма господинома работати: либо единаго возлюбитъ, а другаго возненавидитъ: или единаго держится, о друзѣмъ же нерадити начнетъ: не можете Богу работати и мамонѣ* (Матѳ. VI, 24), на что и указано въ 81 правилѣ апостольскомъ, а во-вторыхъ желаніе ограничить духъ корыстолюбія, который увлекаетъ духовныхъ лицъ къ подобнымъ, чуждымъ имъ, занятіямъ. Такъ въ 3 правилѣ IV вселенскаго собора мы читаемъ: *дошло до святаго собора, что нѣкоторые изъ принадлежащихъ къ клиру, ради гнуснаго прибытка, берутъ на откупъ чужія имѣнія, и устрояютъ мірскія дѣла, о Божіемъ служеніи не брегутъ, а по домамъ мірскихъ людей скитаются, и порученія по имѣніямъ пріемлютъ изъ сребролюбія. Посему опредѣлилъ святый и великій соборъ, чтобы впредь никто, ни епископъ, ни клирикъ, ни монашествующій не бралъ на откупъ имѣній и въ распоряженіе мірскими дѣлами не вступался: развѣ токмо по законамъ призванъ будетъ къ неизбѣжному попечительству надъ малолѣтними, или епископъ града поручитъ кому имѣть попеченіе о церковныхъ дѣлахъ, или о сиротахъ и вдовахъ безпомощныхъ, и о лицахъ, которымъ особенно нужно оказать церковную помощь, ради страха Божія* (Ср. 19 пр. карѳ. соб., 10 пр. VII всел. соб. 11 пр. конст. двукрати. соб.).

Наравнѣ съ гражданскими дѣлами, возлагаемыми въ обществѣ на извѣстный чиновный классъ людей, наравнѣ съ управленіемъ чужими имѣніями, Церковь считаетъ несовмѣстимою съ

званіемъ священника и торговлю, какъ постоянное занятіе. Для этого занятія въ государствѣ существуетъ особый классъ людей, считающій торговыя дѣла своимъ главнымъ призваніемъ, несущій особыя гильдейскія повинности и снабженный особыми, вытекающими отсюда, правами. Торговля, какъ постоянное и спеціальное дѣло купца, требуетъ себѣ человѣка изъ дня въ день, и если бы предался ей членъ клира, онъ по необходимости сталъ бы не радѣть о дѣлѣ Божіемъ. *Никто же воинъ бывая* (говоритъ апостолъ Павелъ) *обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ* (2 Тим II, 4). А священникъ есть именно воинъ Христовъ или стражъ Церкви: купли житейскія помѣшали бы ему быть усерднымъ служителемъ Церкви, угоднымъ высшему небесному Воеводѣ. И когда отцы Церкви старались урегулировать занятія священниковъ, они припоминали приведенное выраженіе апостола, и всѣмъ лицамъ духовнаго сана повелѣвали *взирать на написанное: никто, воинствуя Богу, не обязуется куплями житейскими* (19 прав. каро. соб.). Но если торговля не прилична священнику, какъ ремесло или какъ постоянное занятіе, это не значитъ, что онъ не можетъ вовсе за опредѣленную цѣну сбывать другимъ свои достатки. Нѣтъ, онъ всегда можетъ, не нарушая достоинства своего званія, продавать другимъ произведенія своего поля или сада или произведенія своего труда, физическаго ли то или умственнаго. Такая повременная и случайная продажа не подлежитъ осужденію и такъ же доступна для него, какъ для другаго, не вписаннаго въ сословіе купеческое. Ему не пристали и для него запрещены только такія вещи, берясь за которыя онъ вторгается въ дѣла людей, вписанныхъ въ купеческія гильдіи. Къ этому его могъ бы увлекать духъ корысти, котораго не должно быть у пастыря Церкви.

Въ основаніе своего поведенія священникъ долженъ поставить правило Апостола: *не сребролюбцы правомъ: довольни*

сущими (Евр. XIII, 5). Священнику не слѣдуетъ забывать, что апостолъ Павелъ, опредѣляя качества, какими долженъ отличаться пастырь Церкви, между прочимъ поставляетъ на видъ то, что епископу или пресвитеру подобаетъ быть *не мшелоимцу, не сребролюбцу* (1 Тим. III, 3) *и не сквернострястательну* (Тит. 1, 7).

VI.

Житейскія отношенія священника.

Какъ держать себя священнику въ сношеніяхъ съ другими людьми, приходящими въ соприкосновеніе съ нимъ или по служебнымъ дѣламъ, или по какимъ либо частнымъ отношеніямъ?

Умѣнье жить съ людьми есть своего рода наука, которая не всѣмъ одинаково дается. Священникъ, самымъ званіемъ своимъ поставляемый въ близкія отношенія къ разнымъ лицамъ, долженъ постараться болѣе или менѣе овладѣть этою наукою, чтобы создать себѣ достойное положеніе среди другихъ и избѣжать многихъ непріятностей, происходящихъ часто отъ мелочей, легко устранимыхъ въ общежитейскомъ быту, при доброй волѣ и умѣломъ тактѣ священника.

1. Отношенія священника къ прихожанамъ.

Первыя лица, съ которыми болѣе и чаще всего имѣетъ сношенія священникъ,—это его прихожане. Живя среди нихъ, онъ постоянно видитъ ихъ предъ собою: они обращаются къ нему по вызову своихъ религіозныхъ потребностей, а нерѣдко и по своимъ частнымъ дѣламъ, и самъ онъ является къ нимъ не только тогда, когда нужно принести имъ слово религіознаго утѣшенія и совершить для нихъ ту или другую церковную требу, но и тогда, когда его вызываютъ къ тому не духовныя, пастыр-

ескія побужденія, но общежитейскія хозяйственныя нужды. Устроить добрыя отношенія между собою и своими прихожанами — дѣло житейской мудрости пастыря, о которомъ онъ долженъ позаботиться въ видахъ своего собственнаго блага, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ видахъ болѣе успѣшнаго достиженія цѣли, указанной ему его служеніемъ или Церковію, призвавшею его къ этому служенію.

Отношенія пастыря къ своимъ прихожанамъ должны опредѣляться духомъ любви, какую онъ долженъ имѣть къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, и отзываться сердечностію. Къ священнику въ его приходѣ всѣ обращаются съ словомъ: *отецъ* или *батюшка*. Это не пустое слово. Оно указываетъ тотъ тонъ, какой священникъ долженъ выдерживать въ своихъ ежедневныхъ сношеніяхъ съ прихожанами, какъ членами одной духовной семьи. Священнику слѣдуетъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ прихожанамъ оправдывать это многознаменательное названіе, утвержденное за нимъ не только обычаемъ, но и Церковію. Священникъ не отвѣчаетъ этому названію, если стоитъ въ холодныхъ, чисто оффиціальныхъ отношеніяхъ къ своимъ прихожанамъ, и не хочетъ ничего ни знать, ни дѣлать, что выходитъ за предѣлы этой холодной оффиціальности. Мало онъ оказываетъ вниманія и любви своимъ прихожанамъ, если хочетъ быть только исправнымъ по должности и не заставляетъ долго ждать себя, если его зовутъ совершить какую либо требу, въ церкви или въ домѣ. Требуется и ожидается отъ него, какъ отъ духовнаго отца, сердечное участіе въ положеніи и дѣлахъ его духовныхъ дѣтей, непосредственная, такъ сказать, семейственная близость къ нимъ. Въ силу этой близости священникъ не встрѣтитъ своего прихожанина суровымъ взглядомъ, когда тотъ обратится къ нему по какому либо поводу, и не поскупится для него на теплое слово. Въ силу этой близости онъ не будетъ сторониться отъ того, чѣмъ живутъ его прихожане, и что волнуетъ и занимаетъ ихъ, а съ сердечною готовностью войдетъ въ ихъ поло-

женіе и въ ихъ интересы, раздѣлитъ ихъ радость и ихъ горе, и не откажется дать имъ добрый совѣтъ въ такихъ или иныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни. Намъ представляется желаннымъ такое отношеніе священника къ своимъ прихожанамъ, чтобы они, привязанные къ нему любовію и увѣренные въ его вниманіи къ себѣ, видѣли въ немъ своего ближайшаго руководителя, и къ нему, а не къ кому либо другому обращались, съ своими недоумѣніями и затрудненіями, съ своими заботами и предположеніями, съ своими печалями и радостями, и чтобы онъ былъ ихъ и совѣтникомъ, и попечителемъ, и судіею, и рѣшителемъ всѣхъ споровъ.

Близость священника къ своимъ прихожанамъ не должна простираться до полнаго сліянія и уравненія съ ними въ привычкахъ и во внутреннемъ складѣ жизни и до пониженія предъ ними пастырскаго авторитета. Будучи близокъ и доступенъ для всѣхъ изъ своихъ прихожанъ, священникъ не долженъ опускать изъ вида то достоинство, какимъ облеченъ онъ Церковію, и во всѣхъ сношеніяхъ съ ними долженъ вести себя такъ, чтобы не уронить своего сана. Нужно, чтобы не только любили его прихожане, но вмѣстѣ съ тѣмъ чтили въ немъ служителя Божія и своего духовнаго отца. Нужно, чтобы онъ являлся предъ ними не другомъ и товарищемъ только, но и отцомъ, имѣющимъ надъ ними высшую власть, данную ему чрезъ Церковь отъ Бога, и отцомъ первѣе, чѣмъ товарищемъ и другомъ. Чтобы поддержать на надлежащей высотѣ свой пастырскій авторитетъ предъ прихожанами, священнику не нужно облекать себя предъ ними напускною литургическою важностію, не нужно усвоять себѣ начальственные замашки и высокій тонъ въ обращеніи съ простыми людьми. Эти внѣшнія средства, бьющія на глаза, сами по себѣ не достаточны для цѣли въ настоящемъ случаѣ и не могутъ создать уваженія къ священнику въ сердцахъ, ищущихъ духа, содержанія въ человѣкѣ, приходящемъ съ ними въ соприкосновеніе, и не могущихъ долго довольствоваться одною формою; они

скорѣе удалятъ отъ священника его прихожанъ, которые при начальственныхъ пріемахъ обращенія съ ними пастыря, закроютъ предъ нимъ свою душу, ослабятъ и умалятъ тѣ обычныя связи, какія должны существовать между пастыремъ и его духовными дѣтьми. Можно держать себя просто съ простыми поселянами, не набрасывая на себя никакой важности, и лучше держать просто; только нужно при этомъ избѣгать всего, могущаго компрометтировать священника. Это главное, о чемъ нужно заботиться священнику въ видахъ поддержанія пастырскаго авторитета и снисканія уваженія къ себѣ со стороны прихожанъ. Въ этихъ видахъ священникъ въ своемъ обращеніи съ прихожанами не допустится до пустаго балагурства и плоскихъ шутокъ съ ними, не позволитъ въ своемъ присутствіи циническихъ бесѣдъ и грубыхъ перебранокъ тѣхъ или другихъ изъ прихожанъ, не станетъ участвовать въ ихъ попойкахъ и деревенскихъ увеселеніяхъ. Нашъ простой народъ привыкъ дѣлить хлѣбъ-соль съ своими пастырями, и въ дни празднествъ какихъ либо, церковныхъ или семейственныхъ, когда онъ видитъ въ своихъ домахъ священника, онъ считаетъ долгомъ угостить его. Можно не отказываться отъ предложенія раздѣлить трапезу съ прихожаниномъ, если это предложеніе дѣлается отъ добраго сердца и искренняго расположенія къ своему духовному отцу; суровымъ отказомъ пожалуй можно оскорбить любовь и усердіе добраго духовнаго сына. Но раздѣляя предложенную трапезу, священнику нужно показывать изъ себя примѣръ трезвенности и воздержанія. Если же напротивъ замѣтятъ въ немъ слабость и нетрезвенность, если онъ, принимая угощеніе прихожанина, допуститъ какое либо излишество, предосудительное и въ человѣкѣ, низко поставленномъ, онъ уронитъ тѣмъ свой санъ и свой авторитетъ и подорветъ уваженіе къ съ себѣ у тѣхъ людей, которые должны чтить его, какъ своего духовнаго отца.

Чтобы не нарушить добрыхъ отношеній къ своимъ прихожанамъ, священнику нужно имѣть немало снисходительности и

великодушія и не быть слишкомъ настойчивымъ въ своихъ требованіяхъ. Могутъ безпокоить его тѣ или другіе изъ прихожанъ мелочными. пожалуй неумѣстными, просьбами, могутъ приставать къ нему съ назойливыми заявленіями, могутъ обращаться къ нему съ такими требованіями, какимъ онъ не можетъ удовлетворить. Терпѣливо нужно выслушивать подобныя заявленія и не разражаться гнѣвными словами, даже и тогда, когда видите неумѣстность обращенной къ вамъ просьбы. Можно спокойно и съ самообладаніемъ разъяснить заявляющимъ предъ вами неумѣстныя просьбы и желанія, почему вы не можете принять ихъ и дѣйствовать согласно съ ними. Можетъ быть допущена со стороны простыхъ прихожанъ невѣжливость и грубоватый тонъ въ обращеніи съ священниковъ; ниже достоинства священническаго обижаться этимъ: чаще всего проявленія грубоватости и невѣжливости со стороны простыхъ селянъ зависятъ не отъ ихъ злой воли и намѣреннаго желанія оказать непріятность своему священнику, а отъ ихъ необразованности, отъ ихъ неумѣнья поставить себя въ должныя отношенія къ людямъ, выше ихъ стоящимъ, и вести предъ ними приличную рѣчь. Въ случаяхъ замѣченной невѣжественной формы обращенія того или другаго прихожанина можно, не сердясь, съ спокойствіемъ и ласкою дать ему дружеское или отеческое наставленіе.

Весьма возможны случаи столкновенія и пререканій священника съ своими прихожанами по поводу какихъ либо вопросовъ, возникающихъ при житейскихъ сношеніяхъ между людьми, живущими въ сосѣдствѣ и пользующимися взаимными услугами, напримѣръ при разсчетахъ за какую либо наемную работу, совершенную для священника кѣмъ либо изъ его прихожанъ, при покупкѣ или продажѣ какой либо вещи, при возникновеніи вопроса о правѣ на владѣніе тѣмъ или другимъ участкомъ земли и т. п. Не хорошо и не благовидно, если священникъ своею притязательностію или духомъ корысти возбуждаетъ и вызываетъ споръ изъ-за подобныхъ матеріальныхъ интересовъ. А если они возни-

кають помимо его воли, онъ долженъ испытать всѣ способы мирнаго, любовнаго рѣшенія спора, и вмѣтѣ съ тѣмъ долженъ помнить, что его сану и положенію соотвѣтствуетъ болѣе уступчивость, чѣмъ неумолимая требовательность и настойчивость. Если замѣшанъ въ дѣлѣ его личный матеріальный интересъ, имъ можетъ пожертвовать священникъ, чтобы не нарушить и не испортить добрыхъ отношеній къ своимъ духовнымъ дѣтямъ. Уступчивостію въ своемъ интересѣ, за который можетъ стоять формальное право, онъ покажетъ добрый примѣръ христіанскаго поведенія другимъ; ею онъ можетъ болѣе возвысить свой авторитетъ, когда увидятъ тѣ христіанскій побужденія, во имя которыхъ онъ готовъ отступаться отъ своего формальнаго права, и едва ли проиграетъ онъ и съ точки зрѣнія матеріальныхъ интересовъ, если разъ, другой поступится своими выгодами въ пользу своихъ прихожанъ при столкновеніяхъ съ ними. Кромѣ чувства мира, покупаемаго такою уступчивостію, онъ найдетъ при этомъ оправданіе себѣ со стороны лучшей части своего прихода, которая не можетъ не замѣчать христіанскаго духа, руководящаго ея пастыремъ, и совѣсть народа не позволитъ ему злоупотреблять добротою своего духовнаго отца, и доставитъ ему вознагражденіе за тѣ потери, какія онъ терпѣлъ прежде вслѣдствіе своей уступчивости прихожанамъ и желанія жить мирно съ ними. Между тѣмъ священникъ, жалующійся суду на своего прихожанина по поводу несогласія изъ-за какого либо житейскаго интереса, представляетъ изъ себя явленіе, мало говорящее въ свою пользу, хотя бы при этомъ онъ былъ правъ, и совершенно на его сторонѣ былъ законъ и внѣшнее право. Ему свойственнѣе судъ совѣсти и духъ прощенія, чѣмъ искаціе внѣшней правды предъ судомъ гражданскимъ. И тотъ священникъ, который дѣлаетъ частыя жалобы и позывы въ судъ тѣмъ или другимъ изъ своихъ прихожанъ, чрезъ это не пріобрѣтаетъ ни любви, ни уваженія своихъ прихожанъ, а только показываетъ себя человѣкомъ, чуждымъ пастырскаго духа. Руководственнымъ предостереженіемъ въ этомъ случаѣ

можетъ быть для священника извѣстное наставленіе ап. Павла, обращенное ко всѣмъ вѣрующимъ, въ которомъ апостолъ укоряетъ ихъ за то, что они, имѣя дѣло съ другимъ, обращаются къ житейскимъ судамъ. *И то уже весьма унизительно для васъ* (говоритъ апостолъ), *что вы имѣете тяжбы между собою. Для чего бы вамъ лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія? Но вы сами обижаете и отнимаете, и притомъ у братьевъ* (1 Кор VI, 1—8). Если апостолъ находилъ умѣстнымъ и необходимымъ съ такимъ словомъ обращаться къ простымъ вѣрующимъ, то тѣмъ болѣе оно должно находить приложеніе къ поведенію священника, служителя и учителя мира и любви по преимуществу. Всѣ прихожане его дѣти по духу, и отеческая любовь въ немъ не должна допускать его до жесткихъ препирательствъ съ ними по житейскимъ дѣламъ и судебныхъ жалобъ на нихъ.

Впрочемъ уступчивость священника и стремленіе къ полюбовному рѣшенію дѣла въ столкновеніяхъ съ своими прихожанами должны имѣть свои границы. Тамъ, гдѣ дѣло касается одного личнаго интереса священника, онъ можетъ дѣйствовать, руководясь тѣмъ духомъ, какой внушалъ всѣмъ Господь нашъ въ своей нагорной бесѣдѣ, говоря: *хотящему судитися съ тобою, и ризу твою взяти, отпусти ему и срачицу* (Матѳ. V, 40). Но когда онъ замѣчаетъ посягательство не на свой личный интересъ, а на интересы церкви, когда напримѣръ хотятъ завладѣть деньгами или имуществомъ, принадлежащимъ той церкви, въ которой онъ приставленъ, какъ ея настоятель, или когда хотятъ урѣзать у причта его церкви землю, данную ему въ обезпеченіе его существованія, онъ обязанъ выступить на защиту церкви и причта, обязанъ отстаивать право на владѣніе тѣмъ или другимъ имуществомъ, незаконно отнимаемое чьими либо корыстолюбивыми стремленіями. Нельзя позволять незаконно расхищать собственность церкви или причта. Въ этомъ случаѣ во имя

интереса церкви священникъ вынуждается принять всѣ законныя мѣры къ тому, чтобы удержать при церкви то, что дано ей и что принадлежало ей прежде, и исканіе предъ судомъ или вчинаніе гражданскихъ жалобъ не будетъ тогда служить къ униженію его сана. Скорѣе онъ будетъ виновенъ въ нерадѣніи о церковномъ благѣ, если по своей добротѣ и уступчивости позволитъ оттягать отъ церкви то, что ей безспорно принадлежало. Также точно слѣдуетъ поступать, когда будетъ нанесена какая либо непріятность священнику, напримѣръ, будетъ взведена на него грубая хула или оказано ему дерзкое оскорбленіе. Долгъ христіанской любви побуждаетъ его терпѣливо перенести нанесенное ему оскорбленіе, если дѣло касается его личности. Но когда при этомъ нанесено оскорбленіе не его личности, а его сану, или когда вмѣстѣ съ нимъ поругана святыня Церкви и подверглась публичному осмѣянію вѣра, которую онъ долженъ защищать и охранять предъ всѣми, то и при всей готовности простить личное оскорбленіе, священникъ можетъ и долженъ просить законъ и власть, его охраняющую, защищать отъ поруганія то, что должно быть предметомъ общаго почитанія и благоговѣнія.

Въ отношеніяхъ священника въ своимъ прихожанамъ важное значеніе имѣютъ тѣ доходы, какіе онъ получаетъ отъ нихъ за свое служеніе и требоисправленіе для нихъ, и на какіе онъ имѣетъ право разчитывать, поступая на мѣсто. Между средствами обезпеченія священно-церковно-служитей на первомъ мѣстѣ, по нашимъ церковно-гражданскимъ постановленіямъ, стоятъ добровольныя даянія прихожанъ за исполненіе для нихъ церковныхъ и приходскихъ требъ. Эти добровольныя даянія прихожанъ очень часто служатъ камнемъ претыканія, о который разбиваются добрыя отношенія пастыря къ своимъ духовнымъ дѣтямъ, и который подаетъ поводъ ко многимъ пререканіямъ и непріятностямъ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ, т. е., и священнику и его прихожанамъ. Многіе священники не довольны такимъ способомъ

обезпеченія своего содержанія,—не довольны во-первыхъ потому, что находятъ его неблаговиднымъ и унизительнымъ для себя, во-вторыхъ потому, что находятъ, что этотъ источникъ подверженъ разнымъ случайностямъ и поставляетъ ихъ въ прямую зависимость отъ прихожанъ, а въ-третьихъ потому, что не доставляя имъ обезпеченія въ той мѣрѣ, въ какой бы они желали, вынуждаетъ ихъ быть требовательными тамъ, гдѣ все должно быть предоставлено одной доброй волѣ. А прихожане часто тяготятся этою обязанностію давать плату своему священнику за его служеніе, и когда нужда заставляетъ ихъ обращаться къ священнику при святомъ религіозномъ дѣлѣ, если они бѣдны, ихъ немало безпокоитъ мысль о вознагражденіи, какое по обычаю слѣдуетъ священнику за его дѣло. Если при этомъ священникъ, прямо или чрезъ другихъ, напомнитъ прихожанину, что онъ не вполнѣ доволенъ даннымъ ему вознагражденіемъ,—пойдутъ пересуды и жалобы,—и нарушенъ добрый миръ между священникомъ и его духовными дѣтьми. Въ нашемъ народѣ, при всемъ его религіозномъ строѣ, ходитъ очень много поговорокъ, обидныхъ для чести священника, и онѣ обязаны своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что священникъ, если хочетъ имѣть средства къ жизни, волею или неволею долженъ принимать подаянія отъ своихъ прихожанъ.

Для устраненія лишнихъ поводовъ въ взаимнымъ неудовольствіямъ между священникомъ и прихожанами и для поставленія себя предъ ними въ болѣе независимое положеніе, многими священниками настоятельно заявлялось желаніе, чтобы они освобождены были отъ необходимости принимать доброхотныя подаянія, часто тяжелыя для той и другой стороны, т. е. для дающихъ и принимающихъ, и чтобы эти доброхотныя подаянія замѣнены были опредѣленнымъ денежнымъ жалованьемъ отъ казны. Мысль объ этой замѣнѣ доброхотныхъ подаяній жалованьемъ отъ казны была и у правительства, начиная съ императора Перта I;

въ особенности много думали надъ ея осуществленіемъ при Александрѣ 1, и съ тѣхъ поръ, какъ манны небесной, духовенство ожидало себѣ жалованья, которое бы улучшило его положеніе и въ которомъ оно видѣло наиболѣе благородный способъ обезпеченія своего содержанія. При Николаѣ I эта мысль частію приведена была въ исполненіе, когда введенъ въ дѣйствіе (1847 г.) проэктъ новыхъ штатовъ сельскихъ причтовъ, и когда во многихъ епархіяхъ стали выдавать изъ государственнаго казначейства причтамъ городскихъ и сельскихъ церквей опредѣленное жалованье. Нынѣ идетъ казенное жалованье церковнымъ причтамъ едва ли не въ большинствѣ епархій, и нѣтъ его во внутреннихъ епархіяхъ великороссійскихъ и сибирскихъ. Но и тамъ, гдѣ есть жалованье духовенству, не устранена необходимость принимать доброхотныя подаянія. Жалованье выдается не въ такомъ размѣрѣ, чтобы могло вполнѣ обезпечивать содержаніе причтовъ (за исключеніемъ нѣкоторыхъ привиллегированныхъ епархій); оно служитъ только подспорьемъ къ другимъ средствамъ содержанія, какими можетъ пользоваться наше духовенство. Наши священники увидѣли бы себя въ большомъ затрудненіи, если бы принуждены были довольствоваться однимъ жалованьемъ. А большимъ содержаніемъ, могущимъ покрыть всѣ нужды духовенства, не можетъ снабдить наши причты государственное казначейство при тѣхъ источникахъ доходовъ, какими оно располагаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ иные, и ревнующіе о благѣ Церкви и сочувствующіе положенію духовенства, находятъ ту невыгодную сторону въ порядкѣ обезпеченія духовенства казеннымъ жалованьемъ, что при немъ священникъ превращается въ гражданскаго чиновника, что при немъ ослабляются внутреннія связи священника съ своими прихожанами, и онъ становится гораздо дальше отъ нихъ, чѣмъ при прежнемъ порядкѣ обезпеченія его содержанія со стороны самихъ прихожанъ, а удаленіе священника отъ своихъ прихожанъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ вещь нежелательная.

Были проэкты, и нынѣ высказываются желанія случайныя доброхотныя подаянія прихожанъ за требы церковному причту замѣнить не казеннымъ жалованьемъ, а опредѣленнымъ годичнымъ взносомъ, назначаемымъ приходскою общиною и собираемымъ со всѣхъ членовъ этой общины въ извѣстномъ размѣрѣ не зависимо отъ того, сколько разъ и для какихъ требъ является священникъ въ тотъ или другой домъ. Обезпеченные условленнымъ содержаніемъ, доставляемымъ въ назначенные сроки, священники, при такомъ порядкѣ вещей, уже безмездно исполняли бы всѣ требы и не видѣли бы нпадобности брать поручную, часто копѣечную, плату за святое дѣло, совершаемое ими для прихожанъ. Еще въ Духовномъ Регламентѣ проэктировалась такая мѣра. Въ 22 пунктѣ Прибавленія къ Регламенту о правилахъ причта церковнаго мы читаемъ: „Намѣреніе есть Его Императорскаго Величества такъ церкви распорядить, чтобъ довольно ко всякой число прихожанъ было приписано, и опредѣлить, что всякой приходской человѣкъ долженъ въ годъ причту своея церкве, такъ чтобъ подаянія тѣхъ весь причетъ тотъ могли имѣть довольный трактаментъ. Того ради по Его Императорскаго Величества Указу Святѣйшій Правительствующій Синодъ, согласясь съ мірскими честными властьми, сочинитъ совѣтъ, и намѣренное опредѣленіе уставитъ. И когда сіе станется, то священники должны будутъ и малѣйшаго за службы своя, имъ опредѣленныя, награжденія не искать, развѣ кто съ доброхотства своего похощетъ нѣчто подарить, но и то, чтобъ не въ то время, когда священникъ потребу какую исправляетъ, но нѣсколько недѣль спустя.“ Какъ видитъ читатель, болѣе полутора вѣковъ назадъ въ правительственныхъ сферахъ проводилась мысль о замѣнѣ случайныхъ платъ за требы священнику опредѣленнымъ годичнымъ вознагражденіемъ отъ приходской общины. Но долгое время, протекшее отъ составленія Регламента, нисколько не приблизило осуществленія этой мысли, не смотря на то, что въ инославныхъ обществахъ есть примѣры такого вознагражденія духовенству за его служеніе,—и наши свя-

щенники по прежнему не могутъ избѣгнуть необходимости брать деньги отъ прихожанъ, когда совершаютъ для нихъ ту или другую церковно-религіозную требу. Попадаются по временамъ въ газетахъ извѣстія, что тамъ или сямъ земства или общества постановили обезпечить церковные причты, вмѣсто поручной платы за требы, достаточнымъ годичнымъ содержаніемъ, и такія извѣстія обыкновенно сопровождаются панегирическими комментаріями и пожеланіями, чтобы примѣръ, данный тѣмъ или другимъ обществомъ, нашелъ себѣ какъ можно больше подражателей. Но мы не видимъ и не слышимъ, чтобы такой порядокъ вознагражденія причтамъ входилъ въ общее употребленіе, и случаи переложенія доброхотныхъ случайныхъ поданій на постоянное опредѣленное годичное вознагражденіе отъ общины остаются явленіями единичными и исключительными. Да если бы и утвердился въ жизни такой порядокъ вещей, едва ли бы онъ онъ освободилъ окончательно нашихъ священниковъ отъ всякаго ропота на поборы и удалилъ отъ нихъ всякую тѣнь неудовольствія, возбуждаемаго въ прихожанахъ долгомъ вознаграждать священника за его служеніе. Съ крестьянъ или съ прихожанъ стала бы собираться сумма, которая должна идти на содержаніе и вознагражденіе причта. Всякій разъ, когда потребовали бы назначенной платы съ того или другаго прихожанина на жалованье причту, этимъ требованіемъ такъ же могли бы быть не довольны тѣ, которые нынѣ тяготятся долгомъ вознагражденія священника за требы, и такъ же, какъ и нынѣ, могли бы роптать на священника. И если бы это дѣло, т. е. опредѣленіе годичнаго вознагражденія священникамъ, предоставлено было всецѣло волѣ общинъ, развѣ нельзя ожидать того, что бы онѣ по возможности стремились къ сокращенію и уменьшенію этого вознагражденія?

Такимъ образомъ доброхотныя даянія прихожанъ священнику за его требы до сихъ поръ остаются необходимостію, которой долженъ подчиняться священникъ въ видахъ обезпеченія содержанія своего семейства, и этой необходимости не устранили

никакіе проэкты, составлявшіеся въ разныя времена, и никакія мѣры, предпринимавшіяся правительственными лицами или общественными дѣятелями. Нужно думать, что и въ будущіе вѣка эти доброхотныя даянія останутся однимъ изъ средствъ, пожалуй, и главныхъ, къ обезпеченію причтовъ церковныхъ, и въ рѣчи объ урегулированіи отношеній пастыря къ своимъ прихожанамъ неизбѣжно наталкиваетесь на вопросъ объ этомъ предметѣ.

Нѣтъ надобности стыдиться и сторониться этого способа вознагражденія священнику за его служеніе, и видѣть въ немъ униженіе священническаго сана. Это будетъ уже излишнею щепетильностію со стороны человѣка, не желающаго мириться съ принятыми условіями жизни. Въ обществѣ есть цѣлые классы лицъ, поставленные довольно высоко на іерархической лѣствицѣ, напримѣръ доктора или врачи, которые за свои врачебные совѣты или за свои визиты получаютъ извѣстную плату со своихъ пацієнтовъ, живутъ этою платою и ею составляютъ значительное состояніе. И они не стыдятся этого, и никто не видитъ въ этомъ униженія ихъ званія и профессіи, никто не отказываетъ имъ за это въ томъ уваженіи, какого они заслуживаютъ. Почему же то же самое не можетъ имѣть мѣста въ быту духовенства и въ отношеніяхъ его къ обществу, пользующемуся его услугами? Издавна, практикою многихъ вѣковъ, утвержденъ этотъ способъ содержанія духовенства, и онъ имѣетъ за себя основаніе въ самомъ священномъ Писаніи. Еще Господь сказалъ: *достоинъ есть дѣлатель мзды своея*, когда посылалъ своихъ учениковъ съ проповѣдію по городамъ и весямъ израильскимъ, и когда при этомъ не велѣлъ имъ брать съ собою ни золота, ни серебра, ни мѣди, ни сумы на дорогу, ни двухъ одеждъ, ни обуви, ни посоха, а разрѣшалъ имъ ѣсть и пить то, что найдется и что предложатъ имъ въ тѣхъ домахъ, въ какіе они принесутъ слово благовѣстія (Лук. X, 7 –8. Матѳ. X, 9—10). То содержаніе, какое они будутъ получать отъ принимающихъ ихъ, будетъ, по указанію Спаси-

теля, законнымъ вознагражденіемъ ихъ за тотъ трудъ, какой они несутъ для нихъ. Апостолъ Павелъ любилъ своими руками добывать себѣ пропитаніе во время своего служенія апостольскаго, чтобы не быть въ тягость другимъ (2 Сол. III, 8—9. Дѣян. XX, 33, 34), но онъ утверждаетъ за служителями Церкви законное право пользоваться пропитаніемъ и содержаніемъ отъ тѣхъ, для которыхъ они поставлены служителями. *Или мы не имѣемъ власти* (говоритъ онъ) *ѣсть и пить* (т. е. получать отъ другихъ нужное для пропитанія)?... *Какой воинъ служитъ когда либо на своемъ содержаніи? Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? По человѣческому ли только разсужденію я это говорю? Не то же ли говоритъ и законъ? Ибо въ Моисеевомъ законѣ написано: не заграждай устенъ вола молотящаго* (Втор. XXV. 4). *О волахъ ли печется Богъ? Или, конечно, для насъ говорится? Такъ, для насъ сіе написано: ибо кто пашетъ, долженъ пахать съ надеждою, и кто молотитъ, съ надеждою получить ожидаемое. Если мы посѣяли въ васъ духовное, велико ли то, если пожнемъ у васъ тѣлесное?... Развѣ не знаете, что священнодѣйствующіе питаются отъ святилища? что служащіе жертвеннику берутъ долю отъ жертвенника? Такъ и Господь повелѣлъ проповѣдующимъ евангеліе жить отъ благовѣствованія* (1 Кор. IX, 4. 7—14). И наша руководственная *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*, ссылаясь на приведенныя нами мѣста Писанія, замѣчаетъ, что доброхотному подаянію всячески должно быть, по словеси Господню... [1]).

Но пользуясь доброхотными подаяніями, утвержденными обычаемъ и дозволенными закономъ, священникъ въ этомъ случаѣ долженъ быть крайне остороженъ, чтобы не подать повода къ

---

[1]) 9 7 9, стр. 112—113.

неудовольствіямъ со стороны прихожанъ и не вызвать нареканія и обвиненій въ корыстолюбіи. Нужно, чтобы доброхотныя подаянія были въ полномъ смыслѣ доброхотными. Требованіе большаго отъ прихожанъ, чѣмъ сколько даютъ или могутъ дать они, торгъ съ ними изъ-за платы за совершеніе какой либо требы, отказъ совершить для нихъ то или другое богослужебное дѣйствіе въ случаѣ неуплаты ими такой или иной суммы вознагражденія,— вообще всякій видъ вымогательства дѣло, въ высшей степени недостойное священника, могущее и унизить его въ глазахъ прихожанъ и разстроить тѣ добрыя отношенія, какія должны быть у пастыря съ пасомыми. Даже обнаруженіе легкаго неудовольствія со стороны священника предъ прихожаниномъ, если онъ не дастъ ему обычнаго вознагражденія, или дастъ слишкомъ ничтожное, набрасываетъ на него тѣнь, а въ душѣ прихожанина поселяетъ не доброе чувство по отношенію къ своему пастырю. Въ особенности не умѣстна и даже прямо преступна притязательность священника, когда ему извѣстна бѣдность человѣка, обращающагося къ священнику за удовлетвореніемъ какой либо религіозной нужды: въ этомъ случаѣ мало того, чтобы не требовать платы за свой трудъ, —нужно отклонять усердіе добраго прихожанина, если онъ старается возблагодарить священника, наравнѣ съ другими болѣе достаточными лицами, выше силъ своихъ.

Соблюдая возможную осторожность при принятіи обычнаго вознагрвжденія церковному причту за его трудъ, и избѣгая при этомъ всякаго вида корыстолюбія, священникъ обязанъ показывать полное безкорыстіе, когда преподаетъ какую либо тайну своимъ прихожанамъ. Онъ можетъ принять отъ нихъ вознагражденіе, если оно, помимо его воли, предлагается ему усердіемъ прихожанина. Но требовать какой либо платы за совершеніе таинства и сообщеніе таинственной благодати—это и грѣшно, оскорбительно для святыни таинства, и противно канонамъ церковнымъ и можетъ подвергать его законному взысканію за симонію.

Никто изъ епископовъ, или пресвитеровъ или діаконовъ (читаемъ мы въ 23 правилѣ VI вселенскаго собора), *преподая пречистое причастіе, да не требуетъ отъ причащающагося за таковое причащеніе денегъ, или чего инаго. Ибо благодать не продаема: и мы не за деньги преподаемъ освященіе Духа, но неухищренно должно преподавать оное достойнымъ сего дара. Аще же кто изъ числящихся въ клирѣ усмотренъ будетъ требующимъ какого либо рода воздаянія отъ того, кому преподаетъ пречистое причастіе: да будетъ извержень, яко ревнитель Симонова заблужденія и коварства.* Имѣя въ виду это правило, *Книга о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ* [1]) дастъ священнику такое наставленіе: „При подаяніи таинъ должно и то пресвитеру помнить, что если святая продавать такъ запрещенно, что причащаяй тѣлу и крови Христовой священникъ, аще мѣдницы единой воспроситъ, извержению подлежитъ, то конечно слѣдуетъ крѣпко берегшись, чтобы не истязывать ничего за совершеніе таинъ, по словеси Господню: *туне пріясте, туне дадите* (Матѳ. X, 8), а довольствоваться доброхотнымъ подаяніемъ“... „Если (продолжаетъ эта Книга, отвѣчая на возможное возраженіе) священникъ съ причтомъ такъ убогъ, что къ содержанію своему лишится нужныхъ, то можетъ въ другое время, кромѣ подаянія таинствъ, требовать отъ прихожанъ вспомоществованія, по силѣ ученія апостольскаго: *кто воинствуетъ своими оброки когда*“?...

Но, можетъ быть, оскудѣетъ содержаніе и слишкомъ сократятся доходы священника, если не заявлять никакой требовательности касательно вознагражденія за исправленіе требъ церковныхъ? Едва ли можетъ быть состоятельно подобное опасеніе. Скорѣе можно ожидать, что притязательный священникъ получитъ

---

1) 9 7 9, стр. 112—113.

менѣе, чѣмъ священникъ, всегда довольствующійся тѣмъ, что ему предлагаютъ. Притязательность священника располагаетъ прихожанъ не къ увеличенію ему обычныхъ даяній, а къ возможному сокращенію ихъ: по естественному закону, усиленное требованіе съ одной стороны всегда вызываетъ съ другой соотвѣтственный отпоръ. Въ этомъ случаѣ имѣютъ приложеніе условія торга, хотя вовсе неумѣстнаго въ дѣлѣ служенія священническаго: чѣмъ больше проситъ одинъ, тѣмъ меньше хотятъ дать ему другіе. И если сойдутся въ количествѣ вознагражденія, въ существѣ дѣла даютъ священнику по его требованію такую же плату, какую дали бы и безъ его запросовъ, только послѣ запросовъ даютъ неохотно и съ неудовольствіемъ, и доброхотное подаяніе превращается въ непріятное и тяжелое вынужденное даяніе. Но если священникъ всегда и вездѣ руководится духомъ безкорыстія, съ готовностію идетъ на зовъ прихожанина совершать для него какую либо церковную требу, не разчитывая на то, много ли вознаградятъ его за это, и всегда довольствуется тѣмъ, что предлагаютъ ему, тогда онъ пріобрѣтетъ себѣ въ приходѣ нелицемѣрное расположеніе, и послѣ этого усердіе прихожанъ будетъ предупреждать его желанія. Довольные своимъ священникомъ и любящіе его прихожане окружатъ его своими попеченіями, и на его нужды будутъ доставлять ему больше, чѣтъ сколько онъ можетъ требовать, и если увидятъ его въ крайности, они будутъ готовы дѣлиться съ нимъ всѣмъ, что имѣютъ. Нельзя думать, что въ приходской общинѣ, если не будетъ внѣшнихъ возбужденій, утвердится уклоненіе отъ обязанности поддерживать свой причтъ церковный посильными приношеніями. Основываясь на данныхъ доступнаго намъ опыта, мы полагаемъ, что въ большинствѣ ея членовъ одно чувство долга въ силу прежнихъ преданій, безъ всякихъ запрашиваній со стороны священника, представляетъ довольно сильное побужденіе къ доставленію ему приличнаго вознагражденія во всякомъ случаѣ, когда священникъ служитъ чѣмъ либо для своихъ прихожанъ, и исполняетъ для нихъ какую либо требу.

Нѣкоторые священники изъ новыхъ стѣсняются совершать установленныя обычаемъ хожденія съ крестомъ и молитвословіемъ по домамъ прихожанъ въ извѣстные общіе или мѣстные праздники церковные—и не по лѣности и небрежности, а по излишней деликатности, чтобы этимъ не подать повода прихожанамъ къ лишнимъ подаяніямъ причту и не быть для нихъ въ тягость. Не можетъ быть оправдано подобное уклоненіе отъ стародавнихъ обычаевъ, хотя нельзя не признать нѣкоторой доли благородства за чувствами, руководящими подобными священниками. Нужно поддерживать добрые религіозные обычаи, гдѣ они существуютъ. На нихъ опирается и ими хранится существующая въ нашемъ народѣ привязанность къ вѣрѣ и Церкви и отеческое благочестіе. Если священникъ, по какимъ бы то ни было побужденіямъ, не будетъ блюсти этихъ обычаевъ и дастъ имъ заглохнуть въ народѣ, онъ тѣмъ самымъ будетъ способствовать умаленію въ немъ духа благочестія и охлажденію его къ Церкви. Пусть тяжело человѣку съ деликатною душею ходить изъ дома въ домъ и принимать часто копѣечныя подаянія. Что же дѣлать? Чего требуетъ долгъ или обычай, утвержденный временемъ и одобряемый Церковію, то нужно выполнять. Если требуется при этомъ жертва какая либо, ее нужно принесть, нужно подавить въ себѣ всякое смущеніе, какое можетъ происходить отъ щепетильно-деликатнаго чувства, при сознаніи неловкости положенія, создаваемаго обычаемъ. При томъ едва ли справедливо, при исполненіи этого обычая, на первомъ мѣстѣ ставить денежный прибытокъ причта. Первое, что здѣсь имѣется въ виду и что достигается явленіемъ священника въ извѣстный праздникъ въ домъ прихожанина съ знаменіемъ нашего спасенія,—это освященіе дома, принесеніе въ семейство благословенія Церкви, приданіе празднеству религіознаго характера. Денежный прибытокъ для священника при этомъ вещь болѣе чѣмъ второстепенная. Такъ смотритъ на это дѣло большинство православныхъ христіанъ. Потому священникъ уклоненіемъ отъ исполненія этого обычая не столько доставитъ удо-

вольствія прихожанамъ освобожденіемъ ихъ отъ обычной платы за его праздничное посѣщеніе, сколько оскорбитъ ихъ въ ихъ религіозномъ чувствѣ. Изъ сотенъ и тысячъ въ приходѣ развѣ единицы, потерявшія вѣру, будутъ довольны тѣмъ, что не видѣли въ своихъ домахъ въ извѣстный праздникъ священника, которому нужно что либо платить за это, а огромное большинство будетъ чувствовать горечь и досаду, что священникъ, уклонившись отъ прежняго обычая, лишилъ ихъ домъ того освященія и благословенія, къ какому въ извѣстные дни привыкли они, по преданіямъ отцовъ и дѣловъ.

Хорошо ли сдѣлаетъ священникъ, если будетъ совершенно отказываться отъ принятія такъ называемыхъ доброхотныхъ подаяній со стороны своихъ прихожанъ, и будетъ настаивать, чтобы ему никогда не платили за тѣ требы, какія онъ исполняетъ для нихъ? Это можетъ позволять себѣ человѣкъ обезпеченный, имѣющій независимое состояніе или получающій достаточное содержаніе отъ другихъ должностей, напримѣръ, учительскихъ или законоучительскихъ, соединяемыхъ нерѣдко съ званіемъ приходскаго священника. Но тамъ, гдѣ доброхотныя подаянія существуютъ, какъ узаконенныя средства къ обезпеченію церковнаго причта, и гдѣ они не замѣнены опредѣленнымъ годичнымъ вознагражденіемъ, тамъ и такой обезпеченный священникъ не долженъ бы дѣлать этого. Положимъ, онъ самъ не нуждается въ случайныхъ доходахъ, имѣющихъ неблаговидную форму подаяній, и легко можетъ обойтись безъ нихъ. Но онъ не себя только долженъ имѣть въ виду, долженъ блюсти не одинъ свой личный интересъ, а общій интересъ своихъ братій и сослужителей. Отказываясь отъ всякаго вознагражденія со стороны прихожанъ, онъ можетъ пріобрѣсть себѣ славу безкорыстія, и молва о немъ пойдетъ изъ одного прихода въ другой. Но рядомъ съ нимъ стоитъ другой священникъ, не имѣющій никакого обезпеченія, нуждающійся и многосемейный, который, если бы и хотѣлъ, никакъ не можетъ отказаться отъ принятія доброхотныхъ подаяній. Молва о безкорыстіи его сосѣда,

для котораго это безкорыстіе ничего не стоитъ, не будетъ ли ложиться тѣнью на его имени потому только, что онъ не можетъ подражать примѣру своего собрата? Не будутъ ли его прихожане, указывая на извѣстный имъ примѣръ безкорыстія чужаго священника, пенять на своего духовнаго отца за то, что онъ не такой, какъ этотъ, и хваля того, нарекать на него за то, что въ существѣ дѣла не можетъ заслуживать нареканія? Не хорошо, если священникъ, пріобрѣтая лестную славу себѣ и тѣмъ угождая своему самолюбію, вредитъ чрезъ то другимъ, несущимъ одинаковое съ нимъ званіе, но поставленнымъ въ менѣе благопріятныя жизненныя условія. Кромѣ сосѣдей, хорошо обставленному священнику не слѣдуетъ опускать изъ вида и интересъ своего преемника. Онъ не беретъ самъ подаяній отъ прихожанъ и отучитъ ихъ отъ платы священнику за требы. Но его мѣсто займетъ другой священникъ съ скудными достатками, для котораго доходы отъ прихожанъ существенно необходимы. Легко ли ему будетъ снова вводить то, что вывелъ его предшественникъ? И какъ отнесутся къ этому прихожане, уже забывшіе о той повинности, какая лежитъ на нихъ по отношенію къ своему духовному отцу? Они будутъ тяготиться тѣми, хотя и скудными, взносами, отъ какихъ отвыкли и какіе снова принуждены будутъ дѣлать. Сравненіе невольно заставитъ ихъ унижать преемника предъ предшественникомъ, и первый, по винѣ послѣдняго, сразу поставитъ себя въ неловкія отношенія къ прихожанамъ, которыя не такъ легко исправляются.

2. Отношеніе священника къ подчиненнымъ членамъ причта.

Другой разрядъ лицъ, съ которыми послѣ прихожанъ долженъ позаботиться священникъ устроить и поддерживать добрыя отношенія,— это члены причта, служащаго при одной съ нимъ церкви.

Члены причта извѣстной церкви соединены съ настоятелемъ ея-священникомъ единствомъ мѣста и совмѣстною службою. Ихъ дѣятельность является дополненіемъ дѣятельности, совершаемой священникомъ, и они въ своемъ служеніи неразрывные и необходимые помощники священника. Живя другъ подлѣ друга, видясь почти ежедневно за однимъ и тѣмъ же служеніемъ, въ одной и той же церкви, вращаясь среди однихъ и тѣхъ же прихожанъ, они должны составлять единое цѣлое, дышущее однимъ духомъ, и образовать собою одну семью, соединенную не внѣшнею только оффиціальною связію, но внутреннимъ союзомъ братолюбія. При этомъ братолюбіи они должны избѣгать всего, могущаго разстраивать ихъ добрыя отношенія,—великихъ разногласій, препирательствъ и ссоръ. При этомъ братолюбіи имъ естественно носить тяготы другъ друга, дѣлиться между собою, когда потребуетъ того надобность, всѣмъ, что относится къ житейскому обиходу, и оказывать возможную помощь другъ другу, когда тотъ или другой изъ нихъ окажется въ положеніи, вызывающемъ ближняго на какую либо поддержку. Священникъ, старшій въ причтѣ, и обладающій по своему званію большими средствами, и нравственными и матеріальными, чѣмъ подчиненные ему члены его причта, въ этомъ отношеніи долженъ показывать примѣръ имъ, давать тонъ и направленіе ихъ взаимнымъ отношеніямъ, и своимъ вліяніемъ,—своею готовностію всегда поддерживать ихъ,—охранять ихъ отъ тѣхъ непріятностей, какія могутъ угрожать имъ, или какія могутъ выпасть на ихъ долю.

Члены причта приходскаго,—діаконъ и псаломщикъ,—подчинены священнику, и онъ, какъ настоятель церкви, есть ихъ непосредственный начальникъ. Правила церковныя очень сильно выставляютъ на видъ это подчиненное отношеніе къ священнику другихъ низшихъ членовъ причта, и требуютъ, чтобы оно выражалось со стороны ихъ и внѣшними знаками почтенія. По постановленіямъ отцовъ, устроявшихъ на соборахъ благочинніе церков-

ное, діакопамъ нельзя сидѣть посредѣ пресвитеровъ, и если онъ можетъ сѣсть въ присутствіи пресвитера, то только съ его позволенія (18 правило I всел. собора, 20 прав. соб. лаодикійскаго, 7 правило VI всел. собора). Тѣмъ болѣе это имѣетъ свое приложеніе по отношенію къ причетникамъ. Не смотря на это, священнику не слѣдуетъ показывать ни превозношенія, ни заносчивости въ своемъ обращеніи съ подчиненными членами клира. Не хорошо сдѣлаетъ священникъ, если будетъ смотрѣть какъ на слугу, на своего діакона и псаломщика, и едва будетъ удостоивать ихъ своей бесѣды, обращаясь къ нимъ только съ жесткимъ повелительнымъ словомъ. Соборныя правила удерживаютъ за нимъ власть по отношенію къ нимъ и право требовать отъ нихъ возможнаго уваженія къ его сану. Но едва ли кто одобритъ его, если онъ безъ всякаго повода со стороны своихъ клириковъ, съ буквальною точностію будетъ держаться указанныхъ правилъ. Они занимаютъ хотя низшее положеніе по отношенію къ священнику, но все же, по своему служенію, и весьма часто и по происхожденію, братья его, хотя и меньшіе. Братскимъ обращеніемъ съ ними, полнымъ близкаго и теплаго участія къ нимъ, священникъ болѣе, чѣмъ другимъ чѣмъ либо, можетъ привязать ихъ къ себѣ и сдѣлать ихъ преданными и исполнительными слугами и помощниками себѣ въ разныхъ отношеніяхъ. Скажутъ, что пожалуй уважать не будутъ священника подчиненные члены его причта, если онъ слишкомъ приблизитъ ихъ къ себѣ и станетъ обращаться съ ними за панибрата. Едва ли это можно допустить по отношенію къ большинству лицъ, стоящихъ на низшихъ степеняхъ клира. У людей нельзя не предполагать сознанія своего положенія, и оно не дозволитъ имъ переступить границы должнаго почитанія своего настоятеля. Если же кто забудется, священникъ всегда можетъ напомнить такового о его зависимомъ положеніи и о томъ мѣстѣ, какое ему принадлежитъ въ ряду другихъ. Но и это, когда есть къ тому вызовъ, лучше дѣлать не строгимъ начальническимъ тономъ, а въ духѣ братскаго вразумленія. Послѣднее больше

можетъ подѣйствовать на забывающагося, тогда какъ начальническая строгость, при выговорѣ, можетъ оскорбить подвергшагося ему, и не столько исправить его, сколько возбудить въ немъ неудовольствіе на священника. Священнику не слѣдуетъ допускать, чтобы пренебрегали его саномъ въ особенности тѣ, которые ближе всѣхъ стоятъ къ нему при исполненіи имъ своихъ служебныхъ обязанностей, и которые должны показывать другимъ образецъ въ почитаніи служителей Божіихъ. Но этого можно достигнуть ровнымъ, безукоризненнымъ поведеніемъ, достойнымъ отправленіемъ своихъ обязанностей и духомъ пастырской любви, общительной со всѣми, а не стараніемъ держать себя подальше отъ другихъ, стоящихъ ниже. Не внѣшнее превозношеніе надъ другимъ можетъ возвысить священника, а его внутреннее достоинство, которое ни мало не умалится отъ того, что онъ скромно и близко держитъ себя по отношенію ко всѣмъ, и не имѣющимъ равнаго съ нимъ общественнаго положенія.

Пользуясь положеніемъ настоятеля, имѣющаго въ своемъ подчиненіи низшихъ членовъ причта, священникъ иногда злоупотребляетъ своими правами. Случалось часто прежде, пока въ псаломщики не поступали люди, получившіе образованіе, что священникъ для себя требовалъ отъ причетниковъ такихъ услугъ, къ какимъ они не были обязаны, и какія выходили изъ сферы ихъ служебныхъ отношеній. Имъ давались порученія часто хозяйственнаго свойства, исполненіе которыхъ отвлекало ихъ отъ ихъ собственныхъ частныхъ занятій; имъ навязывали работу или трудъ для удовлетворенія какой либо личной потребности священника, къ ихъ собственному ущербу. Причетники, зависимые отъ своего священника, не смѣли отказываться отъ такихъ дѣлъ, на нихъ возлагаемыхъ, боясь оскорбить своего настоятеля; но въ душѣ они чувствовали несправедливость навязчивыхъ требованій священника и въ тайнѣ роптали по этому поводу. Это уже нѣкоторое притѣсненіе низшей братіи, отъ котораго должно бы воздержать священника чувство справедливости и любви къ ней. Для

причетниковъ такое притѣсненіе тѣмъ чувствительнѣе, что по своему положенію они болѣе, чѣмъ священники, вынуждены трудами рукъ своихъ добывать и увеличивать средства содержанія своего и своего семейства, если оно есть у нихъ. Причетникъ, преданный своему настоятелю, по доброй волѣ готовъ оказать ему возможную съ своей стороны услугу. Никто не возбранитъ священнику воспринимать эту услугу и платить за нее, чѣмъ онъ знаетъ и можетъ, хотя бы однимъ благодарнымъ вниманіемъ. Но требовать отъ него для себя того, что не положено,—это уже своекорыстіе священника, могущее вести къ непріятностямъ и выходить за предѣлы закона и правила.

Инструкція благочиннымъ, касаясь упорядоченія отношеній между членами причта, предписываетъ (п. 26) „священнику діакона и причетниковъ не обижать, и доходовъ у нихъ не удерживать, и бить ихъ не дерзать“. Не думаемъ, чтобы въ современномъ, образованномъ и благовоспитанномъ пастырствѣ возможно было послѣднее, отъ чего предостерегаетъ священника *Инструкція благочиннымъ*, потому что возможность этого предполагаетъ такую грубость нравовъ и такую необузданность воли, какая не мыслима въ благочестивомъ и благонастроенномъ служителѣ Церкви. Притомъ Апостольское правило (27-е) повелѣваетъ *пресвитера* (равно какъ и епископа и діакона), *біющаго вѣрныхъ согрѣшающихъ, или невѣрныхъ обидѣвшихъ, и чрезъ сіе устрашать хотящаго, извергати отъ священнаго чина. Ибо Господь отнюдь насъ сему не училъ; напротивъ того Самъ бывъ ударяемъ, не воздавалъ ударовъ, укоряемъ, не укорялъ взаимно, страдая, не угрожалъ* (1 Петр. 11, 23). По раздѣлъ доходовъ нерѣдко даетъ поводъ къ пререканіямъ и жалобамъ на священника со стороны подчиненныхъ членовъ причта. Чтобы избѣжать этихъ пререканій и жалобъ, священнику слѣдуетъ строго держаться тѣхъ правилъ касательно раздѣла церковныхъ доходовъ между членами причта, какія на этотъ счетъ утверждены высшею влас-

тію [1]). Тогда онъ будетъ чистъ въ свой совѣсти и свободенъ отъ сторонних обвиненій. Если же и при этомъ возникаетъ какой либо споръ, священникъ, для прекращенія этихъ споровъ и для соблюденія взаимнаго мира между членами причта, можетъ поступиться нѣкоторою частію своихъ доходовъ, особенно когда видитъ бѣдность и нужду подчиненныхъ ему служителей церковныхъ.

Священникъ обязанъ заботиться о томъ, чтобы богослуженіе въ его церкви и приходѣ совершаемо было благообразно и по чину, съ соблюденіемъ устава церковнаго и съ возможнымъ благоговѣніемъ. Но онъ обыкновенно не одинъ совершаетъ богослуженіе, а при участіи псаломщика, и можетъ быть, и діакона. А такъ какъ самъ онъ является главнымъ совершителемъ и распорядителемъ священнаго дѣла, то и неисправность его псаломщиковъ, не имѣющихъ никакой самостоятельности въ дѣлѣ служенія церковнаго, лежитъ на его отвѣтственности и можетъ быть вмѣнена ему въ вину. Отсюда его долгъ дѣлать соотвѣтственныя указанія и наставленія подчиненнымъ членамъ клира, чтобы не было гдѣ какого либо упущенія и отступленія отъ утвержденнаго чина церковнаго, чтобы не было допущено ничего неблагопристойнаго и неблаговонѣйнаго. Священникъ напримѣръ не самъ долженъ мести и очищать церковь, но его дѣло смотрѣть затѣмъ, чтобы храмъ его содержался въ возможной чистотѣ и благопристойномъ видѣ. Это вмѣнитъ ему въ обязанность „Поученіе святительское“,

---

1) См. Высочайше утвержденныя 27 марта 1873 г. правила о мѣстныхъ средствахъ содержанія православнаго приходскаго духовенства и о раздѣлѣ сихъ средствъ между членами причтовъ, и указъ Св. Синода отъ 19—28 февраля 1885 г. о закрытіи Присутствія по дѣламъ православнаго духовенства и измѣненіи нѣкоторыхъ постановленій касательно устройства церковныхъ приходовъ и состава причта, въ которомъ указано новое положеніе относительно раздѣла кружечныхъ доходовъ между членами причта.

которое говоритъ: „церковь держи чисто, безъ пороха и паутины, паче же алтарь". Поэтому священникъ долженъ наблюдать затѣмъ, чтобы подчиненные ему церковно-служители по возможности часто очищали помостъ церковный отъ всякихъ уметій, также и стѣны и верхъ кровный отъ праха и паутины", и при этомъ онъ долженъ внушать имъ, чтобы самыя „уметія не были отметаемы на мѣста непотребныя, но или въ рѣку, или въ неходномъ и непопираемомъ мѣстѣ" [1]). Пѣніе и чтеніе клиросное не самъ священникъ исполняетъ; но онъ не долженъ оставлять безъ вниманія какую либо небрежность или неумѣлость, допускаемую въ этомъ отношеніи низшими клириками. И долгъ и іерейская совѣсть заставляетъ его внушать имъ, чтобы и пѣніе было по возможности благопристойное, и чтеніе не спѣшное, внятное и вразумительное, безъ самовольныхъ опущеній. Въ храмѣ и внѣ храма, при совершеніи какого либо богослужебнаго дѣйствія, священникъ обязанъ наблюдать полное благоговѣніе. Но онъ не за собою только долженъ смотрѣть въ этомъ случаѣ; онъ не долженъ допускать, чтобы и вспомогающія ему при этомъ лица держали себя не достойно священнаго дѣла. По Учительному Извѣстію, „алтарю служащія, сіесть пономаря, долженъ іерей зѣло учити, яко да великимъ страхомъ и трепетомъ, и всякимъ благоговѣніемъ входятъ во святый Божій алтарь, и свое имъ надлежащее дѣло сотворяютъ, вѣдуще, яко тамо присутствуетъ Христосъ Богъ нашъ на престолѣ" [2])... За свое поведеніе низшіе клирики сами отвѣчаютъ; но если они дозволяютъ себѣ какое либо безчиніе въ виду прихожанъ или сторонннхъ людей, производятъ шумъ, употребляютъ слова неприличной брани, забываютъ правила трезвенности и т. п., священникъ не долженъ смотрѣть на это равнодушно: униженіе, до какого иногда публично одинъ изъ членовъ причта, косвенно

1) Учит. Извѣст., стр. 56.

2) Учит. Извѣст., стр. 54—55.

касается всего причта. Долгъ настоятеля— остановить безчинствующаго и внушить ему, чтобы онъ велъ себя достойно того званія, которое на себѣ носитъ.

Священнику дано право [1]) штрафовать діакона и причетниковъ выговорами наединѣ и при другихъ, кромѣ того причетниковъ и поклонами въ церкви, а если они не вразумляются и не исправляются, доносить о нихъ благочинному или жаловаться епархіальному начальству, равно какъ и они сами, въ случаѣ обиды отъ священника, могутъ приносить жалобы благочинному или епархіальному начальству. Но нужно всячески стараться, чтобы дѣло между членами причта никогда не доходило до жалобъ начальству и до письменныхъ кляузъ. Если начались эти жалобы,—нарушенъ миръ и спокойствіе въ причтѣ, связанномъ единствомъ служенія, и водворилась вражда, которая будетъ препятствовать правильному теченію жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ не малый соблазнъ и для прихожанъ, когда они узнаютъ о несогласіяхъ и безпорядкахъ въ своемъ причтѣ, для устраненія которыхъ требуется содѣйствіе сторонней силы или высшей власти.

3. Отношеніе священника къ своимъ собратіямъ по служенію.

Послѣ прихожанъ и подчиненныхъ членовъ клира ближайшими лицами къ священнику являются его собратія, облеченные одинаковымъ съ нимъ саномъ и несущіе одинакое съ нимъ служеніе. Каковы должны быть ихъ взаимныя отношенія?

И единство сана, и единство служенія, и общность интересовъ располагаютъ священниковъ къ возможному сближенію между собою. Между ними должны быть гармонія, взаимное довѣріе и частыя братскія сношенія, если они живутъ и служатъ въ одной мѣстности, и внѣшнимъ образомъ не удалены одинъ отъ другаго. Отъ священниковъ, живущихъ вмѣстѣ или сходящихся между

---

1) Инструкція благочиннымъ п. 26—27.

собою, ожидается, что они, въ собраніяхъ и при частныхъ встрѣчахъ, и вездѣ, будутъ обнаруживать духъ мира и взаимнаго уваженія другъ къ другу, и чрезъ то будутъ служить добрымъ примѣромъ назиданія для людей сторонннхъ. Согласно съ духомъ мира и любви, какимъ должны быть одушевлены они, —оказывать имъ гостепріимство другъ другу и поддерживать общеніе между своими семействами. Но соблюдая братское общеніе, они не забудутъ при этомъ достоинства своего сана, и во взаимныхъ сношеніяхъ не оставятъ серьезности обращенія, къ какой обязываетъ ихъ положеніе, и не впустятся до цинническаго балагурства, грубыхъ и плоскихъ шутокъ и беззастѣнчиваго буршества. Если постигаетъ кого либо изъ священниковъ какое либо несчастіе, любовь собратій по служенію должна побуждать ихъ оказать посильную помощь и возможное утѣшеніе постигнутому несчастіемъ и предупреждать другихъ въ пособіи ихъ собрату. Если кто изъ священниковъ нуждается въ поддержкѣ нравственной, такой первѣе всего ему можно ожидать отъ людей одинаковаго съ нимъ положенія. Дѣлиться другъ съ другомъ всѣмъ, что можетъ предложить братская любовь, и чего можетъ требовать нужда,— долгъ, внушаемый священникамъ ихъ совѣстію по отношенію къ своимъ сослужителямъ. При единеніи внѣшнемъ желательно между ними самое искреннее единеніе внутреннее. Если гдѣ могутъ имѣть приложеніе прекрасныя слова Псалмопѣвца: *се что добро или что красно, но еже жити браніи вкупѣ* (Пс. CXXXII, 1), то въ особенности тамъ, гдѣ устрояются взаимныя отношенія проповѣдниковъ любви и служителей примиренія.

Между тѣмъ дѣйствительность нерѣдко представляетъ совершенно противное тому, что ожидается отъ взаимныхъ отношеній между людьми, призванными распространять и поддерживать въ окружающей средѣ начала любви христіанской. Въ особенности это несоотвѣтствіе идеалу замѣчается тамъ, гдѣ при одной церкви служатъ нѣсколько священниковъ. Лѣтописи тѣхъ мѣстъ, гдѣ

служатъ многосоставные причты, наполнены сказаніями о раздорахъ и непріятностяхъ между живущими совмѣстно священниками, возникавшихъ часто изъ-за мелочей, и нерѣдко доходившихъ до епархіальнаго начальства. Нельзя при этомъ не пожалѣть о потерѣ лучшаго блага здѣшней общественной жизни,—добраго мира, безъ котораго людямъ непріятно и тяжело жить рядомъ другъ съ другомъ. Кромѣ того чрезъ эти взаимные раздоры унижается и теряется авторитетъ священническій и ослабѣваетъ уваженіе къ нимъ среди ихъ прихожанъ, и жизнь священниковъ, долженствующая служить примѣромъ для другихъ, при такой постановкѣ способна производить дурное вліяніе на тѣхъ, которые видятъ раздоры своихъ духовныхъ отцовъ, или слышатъ объ ихъ крупныхъ несогласіяхъ.

Поводомъ къ раздорамъ и непріятностямъ между сослужителями бываетъ большею частію соперничество между ними въ любви и довѣріи прихожанъ, въ томъ уваженіи, какимъ они пользуются въ окружающей средѣ, во вниманіи начальства, въ наградахъ и т. под. Въ основаніи такого соперничества лежитъ естественная страсть человѣка, побуждающая его заботиться о томъ, чтобы въ жизни стоять не ниже, а выше другихъ, равныхъ себѣ. Но соперничество, достойное пастыря и служителя Церкви, все должно быть направлено къ тому, чтобы не уступать другимъ въ добродѣтельной жизни, чтобы со всѣмъ усердіемъ выполнять дѣло, ему порученное, и по мѣрѣ силъ своихъ заботиться о распространеніи въ паствѣ чистаго ученія и доброй нравственности. *Ищите прежде царствія Божія и правды его* (Мато. VI, 33), — вотъ правило, которымъ должны опредѣляться всѣ заботы священника о достойномъ поставленіи себя среди другихъ. А что будетъ слѣдствіемъ или плодомъ этихъ искапій, этихъ усилій честно и праведно вести свое дѣло,— пусть это будетъ предоставлено волѣ Божіей, которая не оставляетъ безъ вознагражденія никакого подвига, предпринимаемаго по чистымъ побужденіямъ и съ добрыми цѣлями. Если другой

успѣваетъ больше насъ, если его больше любятъ, больше цѣнятъ и больше награждаютъ,—ничего не будетъ благоразумнѣе, какъ въ смиреніи признать преимущества своего собрата, отличающагося усердною и вліятельною дѣятельностію, подавить въ себѣ голосъ зависти и присоединиться къ другимъ въ справедливомъ уваженіи достойнаго. Кому, какъ и священнику безропотно покаряться велѣніямъ Промыслителя, дающаго, по своему премудрому усмотрѣнію, одному одинъ талантъ, другому два, а третьему пять, одного ведущаго такимъ путемъ, а другаго другимъ? Но по твоему сужденію, несправедливо предпочитаютъ тебѣ другаго, рядомъ съ тобою стоящаго, собрата? Нельзя придавать большой цѣны однимъ нашимъ личнымъ представленіямъ. Не слѣдуетъ забывать, что въ сужденіяхъ о другихъ, въ ихъ сравненіи съ собою, мы часто поддаемся обольщеніямъ своего самолюбія, и свое обольщеніе желали бы навязать другимъ. А если бы и въ самомъ дѣлѣ мы терпѣли несправедливость и незаслуженное униженіе,—благоразумно ли, достойно ли служителя Божія изъ-за этого волноваться, и косвенными путями, попущеніями, интригами и происками дѣйствовать къ умаленію чести другаго, чтобы тѣмъ возстановить свою честь? Такимъ способомъ мы не возвысимъ, а скорѣе унизимъ себя. Свою награду мы должны носить въ своемъ сердцѣ, въ спокойствіи и мирѣ совѣсти. Этой награды никто не отниметъ у насъ, если мы преданы своему долгу, и съ усердіемъ дѣйствуемъ въ своемъ приходѣ во имя Божіе, во славу Церкви и во благо прихожанъ. Бѣда вся въ томъ при непріятныхъ явленіяхъ соперничества, что мы отвлекаемся своимъ вниманіемъ отъ главной цѣли, намъ указанной нашимъ служебнымъ положеніемъ, и разныя посторонніе нечистыя примѣси смущаютъ насъ и портятъ наше дѣло. Истинный пастырь, сосредоточенный на цѣли, ему указанной, знаетъ себя и овецъ своихъ, ввѣренныхъ его попеченію, и чувство исполненнаго долга для него дороже тѣхъ внѣшнихъ отличій, за которыми гоняется суетность человѣческая. Если болитъ кто въ священствѣ болѣзнію неудовлетворен-

наго честолюбія, то это происходитъ отъ отсутствія истинно-пастырскаго духа у людей, поддающихся мелкой страсти.

Между священниками есть старшіе и младшіе по лѣтамъ службы и положенію, есть облеченные довѣріемъ и полномочіями отъ епархіальной власти, напримѣръ, члены консисторіи и благочинные, и стоящіе въ нѣкоторомъ подчиненіи имъ рядовые приходскіе священники. При іерархическомъ равенствѣ ихъ между собою, лѣта, заслуги и положеніе ставятъ немалую разницу между ними, съ которою не могутъ не сообразоваться ихъ взаимныя отношенія. Старѣйшинство, въ особенности почтенная лѣтами старость въ священствѣ должны внушать къ себѣ уваженіе со стороны младшихъ представителей духовенства. Молодость, надменная новымъ образованіемъ, готова съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ относиться къ людямъ старымъ, какъ людямъ отжившимъ, мало знакомымъ съ потребностями новаго поколѣнія, и съ тѣми идеями, какими живетъ это поколѣніе, и въ какихъ заключаются ростки будущаго. Такое отношеніе противно требованіямъ нравственнаго закона, который повелѣваетъ молодости вставать предъ лицемъ сѣдаго и чтить лице старче. Люди прежняго отживающаго поколѣнія есть какъ бы общіе отцы наши. Своими трудами въ лѣта силы своей они не мало послужили и Церкви, и общему благу, и тѣмъ пріобрѣли себѣ право на наше вниманіе къ нимъ. Являясь на служеніе послѣ нихъ, мы вступаемъ во владѣніе наслѣдіемъ, если не созданнымъ, то сохраненнымъ ихъ заботами. Если малы и отсталы ихъ знанія въ сравненіи съ новыми пріобрѣтеніями, вынесенными нами изъ школы, если патріархальны и странны ихъ привычки, это не даетъ намъ повода къ кичению и превозношенію предъ ними. На этотъ разъ прекрасное наставленіе даетъ премудрый сынъ Сираховъ: *аще и разумомъ оскудѣваетъ* (отецъ твой), *прощеніе имѣй, и не обезчести его всею крѣпостію твоею* (Сир. III, 13). У молодыхъ священниковъ можетъ быть больше бодрости и энергіи, могутъ быть свѣжѣе

понятія. Но старые пастыри богаче ихъ опытностію, и весьма естественно начинающимъ служеніе обращаться за совѣтомъ къ старшимъ, и со вниманіемъ выслушивать ихъ указанія, въ уваженіи къ опытности и заслугамъ старца, и если эти указанія противорѣчатъ нашимъ убѣжденіямъ, безтактно было бы со стороны младшихъ выступать противъ этихъ указаній съ рѣзкими отрицаніями и безнравственно подшмать ихъ на смѣхъ, хотя бы въ ихъ отсутствіи.

Если младшій священникъ съ старѣйшимъ служитъ въ одной церкви и одномъ приходѣ, онъ долженъ предоставлять и воздавать старѣйшему во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они являются для совмѣстнаго служенія, подобающую честь первенства и соблюдать нѣкоторое нравственное подчиненіе ему. Было бы не благоразумно младшему идти наперекоръ желаніямъ и распоряженіямъ старшаго и выставлять свое я тамъ, гдѣ нужно дѣйствовать по обоюдному согласію, и гдѣ первое рѣшающее значеніе должно принадлежать пастырю, заслужившему честь первенства. Нѣтъ нужды возставать противъ установившихся порядковъ приходской жизни и мѣстныхъ обычаевъ и настаивать на ихъ измѣненіи, если въ нихъ нѣтъ ничего неблагопристойнаго и ничего противнаго законоположеніямъ церковнымъ. Если по нашемъ взглядамъ приходское дѣло можетъ быть поставлено лучше, если намъ не нравятся порядки, заведенные изстари въ той мѣстности, куда мы призваны служить вмѣстѣ съ другими, прежде насъ выступившими на чреду служенія, не нужно настойчиво навязывать свои взгляды другимъ, не нужно стремиться производить крутыя перемѣны, если ихъ не одобряютъ и если на нихъ несогласны старѣйшіе, болѣе знакомые съ мѣстными нравами и болѣе умудренные опытомъ. Иначе дѣло можетъ дойти до непріятностей и вражды, произойдетъ смута въ средѣ приходской, и вмѣсто улучшенія только разстроится порядокъ, существующій въ той или другой мѣстности. Рѣшать дѣла, въ особенности важныя, нужно общимъ совѣтомъ, и изъ нововведеній пастаивать

на приведеніе въ исполненіе только необходимыхъ, а не такихъ, которыя намъ кажутся полезными. У насъ въ виду должны быть не ломка и разрушеніе стараго, а продолженіе начатаго въ духѣ мира и любви.

Основаніемъ, упорядочивающимъ отношенія между священниками, изъ которыхъ одни облечены особеннымъ довѣріемъ власти, а другіе являются имъ подвѣдомыми и подчиненными, должно быть равенство ихъ въ іерархической степени. Противно духу Церкви и унизительно для священническаго сана, если подчиненный священникъ предъ другимъ, то же священникомъ или протоіереемъ, имѣющимъ нѣкоторое начальственное положеніе, является низкопоклонникомъ, заискивающимъ и угодливымъ безъ мѣры. Намъ случалось видать священниковъ, кланяющихся въ ноги своимъ старшимъ сослужителямъ и цѣлующихъ у нихъ руку, какъ у архипастыря. Подобное обращеніе съ равнымъ себѣ по сану не можетъ не казаться чрезмѣрною человѣкоугодливостію, оскорбительною для священническаго сана и слишкомъ унижающею его достоинство. Почтеніе можно и должно соблюдать по отношенію къ людямъ, заслуживающимъ чести и уваженія; но его нужно выражать въ приличныхъ формахъ, соотвѣтствующихъ положенію, занимаемому священникомъ, и если просьба есть какая къ собрату, имѣющему въ своемъ распоряженіи то, чего домогается проситель, ее можно изъяснить просто, не присоединяя къ этому изъясненію, для усиленія просьбы, формъ рабскаго низкопоклонства. Равнымъ образомъ и со стороны старшихъ представителей священства, облеченныхъ довѣріемъ власти, совершенно не умѣстна, по отношенію къ простымъ священникамъ, холодная важность и начальническая мина. Умный и уважающій свой санъ старшій представитель духовенства не заставитъ своего младшаго собрата по цѣлымъ часамъ дожидать, пока онъ выйдетъ къ нему, не приметъ его въ передней, не будетъ держать его на ногахъ предъ собою и не допуститъ, чтобы онъ въ присутствіи его для выраженія почте-

нія къ нему употребилъ что либо унизительное для своего достоинства. Братолюбія должны не забывать священники, отличенные отъ другихъ своихъ сослужителей нѣкоторыми преимуществами, и этимъ духомъ братолюбія должны опредѣляться всѣ отношенія ихъ къ своимъ младшимъ сослужителямъ.

4. Отношеніе священника къ высокопоставленнымъ лицамъ и представителямъ гражданской власти.

Священникъ можетъ быть поставленъ въ близкое соприкосновеніе съ именитыми высокопоставленными лицами, занимающими видныя мѣста въ гражданскомъ обществѣ. Они могутъ жить въ его приходѣ, и онъ по мѣсту своего служенія является для нихъ пастыремъ и духовнымъ отцомъ. Могутъ заставить его обратиться къ высшимъ представителямъ гражданской власти какія либо частныя дѣла, личныя или церковныя. Какъ держать ему себя предъ этими высокопоставленными людьми? Само собою понятно, что было бы признакомъ неблаговоспитанности и безтактности священника, если бы онъ въ сношеніяхъ съ именитыми лицами не оказывалъ имъ надлежащаго почтенія, былъ мало внимателенъ къ нимъ, а тѣмъ болѣе, если бы дозволялъ себѣ по отношенію къ нимъ какую либо дерзость и горделивость. И нашихъ пастырей, за весьма рѣдкими исключеніями, едва ли кто и обвинитъ въ недостаткѣ уваженія и почтительности къ лицамъ, занимающимъ высшія мѣста въ гражданской іерархіи. Скорѣе ихъ можно обвинить въ противоположномъ, именно въ излишнемъ смиреніи и униженіи предъ лицами высшаго свѣтскаго общества. Этого уничиженія себя со стороны священника такъ же не должно быть въ обращеніи съ свѣтскими высокопоставленными лицами, какъ и горделиваго пренебреженія къ нимъ и обнаруженія какой либо дерзости предъ ними. Священникъ всегда и вездѣ долженъ сознавать достоинство своего сана, и при этомъ сознаніи твердо и съ самоуваженіемъ держать себя, съ кѣмъ бы ни столкнула его

жизнь. Пастырь долженъ помнить, что онъ поставленный Церковію попечитель о спасеніи всѣхъ въ его приходѣ, что онъ отецъ, братъ и другъ не однихъ бѣдныхъ и низкихъ, но и богатыхъ и высокихъ, что ему дана власть и сила всѣхъ благословлять именемъ Божіимъ и на всѣхъ низводить божественную благодать, потребную всякому христіанину для преуспѣянія въ духовной жизни. Священный санъ его, если и не даетъ ему положенія въ гражданскомъ обществѣ, равнаго съ заслуженными представителями высшаго общества, имѣетъ въ себѣ достоинство, которое чтили не только благочестивые вельможи, но и цари. Въ нашемъ свѣтскомъ обществѣ, возвышенномъ надъ другими заслугами или богатствомъ, часто мало обращаютъ вниманія на своего приходскаго пастыря, не охотно принимаютъ его въ своемъ домѣ, и иногда съ явнымъ пренебреженіемъ встрѣчаютъ, когда онъ является въ то или другое семейство для выполненія какихъ либо церковныхъ требъ. Не умѣстно и безцѣльно въ такихъ случаяхъ изливаться предъ другими въ сантиментальныхъ плаксивыхъ жалобахъ и громко заявлять свое неудовольствіе на то, что вотъ не признаютъ священническаго авторитета, и пастырю Церкви не хотятъ оказывать того вниманія, какого онъ заслуживаетъ по своему сану и по высокому дѣлу, на него возложенному. Этими жалобами не расположите къ себѣ и не заставите уважать себя тѣхъ, которые привыкли слишкомъ свысока смотрѣть на скромнаго служителя Церкви, а только унизите себя предъ другими: къ подобнымъ жалобамъ прибѣгаетъ только тотъ, кто сознаетъ себя безсильнымъ завоевать себѣ лучшее положеніе въ обществѣ, и потому какъ бы выпрашиваетъ у другихъ снисходительнаго вниманія къ себѣ. Ведите себя достойно своего званія и не унижайте сами себя какими либо неблаговидными поступками, — вотъ все, что требуется отъ пастырей Церкви для снисканія себѣ подобающаго уваженія со стороны другихъ. И если этимъ вы не пріобрѣтаете вниманія и уваженія со стороны лицъ, выше васъ стоящихъ по своему общественному положенію, — вина за это падаетъ не на васъ,

а на тѣхъ, которые не умѣютъ поставить себя въ надлежащія отношенія къ своему духовному отцу и пастырю. Съ другой стороны не пристало служителю Божію, съ цѣлію снискать расположеніе свѣтскаго общества, быть слишкомъ человѣкоугодливымъ предъ нимъ, стараться усвоять себѣ манеры свѣтскаго человѣка, подлаживаться къ тону салоннаго разговора и стремиться къ полной ассимиляціи съ чуждымъ намъ кругомъ. Не нужно измѣнять тому своеобразному приличію, къ какому обязываетъ священника его санъ и его служеніе. Священникъ и свѣтскій салонный человѣкъ—два понятія, несовмѣстимыя между собою. Случалось видать священниковъ, которые, попавъ въ кругъ высшаго общества, какъ будто хотѣли заставить другихъ забыть, что они духовныя лица,—принимали на себя услуги, свойственныя молодымъ свѣтскимъ кавалерамъ, обращались къ собесѣдникамъ и собесѣдницамъ съ словами: messieurs, mes dames, mes demoiselles, разшаркивались съ ловкостію почти военнаго человѣка, и ни словомъ, ни жестомъ не напоминали о своей церковности,—и выходило нѣчто неестественное, можно сказать, грустно-смѣшное. Подобное обращеніе священника, если можетъ нравиться кому, то развѣ одному легкомысленному слою свѣтскаго общества, желающему видѣть въ священникѣ только веселаго собесѣдника, а не служителя Божія. Не этимъ напраснымъ стремленіемъ къ обезличенію священника можно снискать вниманіе и расположеніе серьезной и благомыслящей части свѣтскаго общества; имъ напротивъ можно только уронить достоинство священническое. Гораздо болѣе можетъ нравиться и гораздо болѣе можетъ располагать свѣтское общество къ священнику его простое естественное обращеніе, полное вѣжливости, но въ то же время чуждое всякой поддѣлки,—такое обращеніе, въ которомъ чувствовалось бы вѣяніе духа Церкви, которымъ въ особенности долженъ быть проникнутъ священникъ, и который отъ него долженъ передаваться другимъ. Не большая честь священнику, если его принимаютъ какъ про-

стаго знакомаго, и если въ немъ при этомъ не видятъ пастыря и служителя Божія.

Именитые прихожане иногда требуютъ отъ своего приходскаго священника подчиненія себѣ въ вещахъ, относящихся къ совершенію богослужебнаго чина, и заявляютъ ему желанія, съ которыми приглашаютъ его сообразоваться въ своей богослужебной практикѣ. Они напримѣръ назначаютъ часъ, когда должна начинаться литургія въ тотъ или другой праздничный день; другой разъ просятъ его сдѣлать какія либо измѣненія въ порядкѣ отправленія службъ церковныхъ; иногда зовутъ къ себѣ въ домъ отслужить всенощную наканунѣ какого либо праздника или совершить какое либо частное молитвословіе и т. под. Нельзя оставлять безъ вниманія подобныхъ желаній, чтобы не вызвать напраснаго неудовольствія со стороны сильныхъ прихожанъ, въ особенности если эти сильные прихожане преданы Церкви и являются главными благотворителями мѣстнаго храма. Но есть границы, далѣе которыхъ не должна простираться угодливость желаніямъ именитыхъ людей въ дѣлѣ церковнаго приходскаго служенія. Если въ этихъ желаніяхъ нѣтъ ничего, противнаго чину и уставу церковному, и если отъ исполненія ихъ не терпятъ религіозные интересы другихъ прихожанъ, отъ чего не сообразоваться съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ? Но какъ скоро они требуютъ чего-либо, клонящагося къ измѣненію или нарушенію установленнаго церковнаго чина, или когда они идутъ наперекоръ желаніямъ всего прихода, и когда въ случаѣ согласованія съ ними дѣйствій священника могутъ пострадать религіозные интересы другихъ прихожанъ и могутъ остаться безъ своевременнаго удовлетворенія ихъ религіозныя потребности, тогда онъ долженъ дѣйствовать такъ, какъ велитъ ему совѣсть и достоинство священника, а не соображенія человѣкоугодничества. Нельзя напримѣръ сѣѣшить на зовъ къ именитому прихожанину, когда зовутъ священника причастить тяжко больнаго, или когда ждутъ въ церкви

приготовившіеся къ принятію какого либо таинства,—крещенія, исповѣди, брака. Нельзя подъ великій праздникъ оставлять церковь и прихожанъ безъ всенощнаго богослуженія и идти совершать вечернюю службу въ домѣ вельможи по его желанію. Если онъ не можетъ придти въ церковь для участія въ общей молитвѣ, и если будетъ у него сильное желаніе выслушать на дому праздничное богослуженіе, можно сдѣлать это по окончаніи вечерней службы въ общемъ храмѣ, Нельзя отлагать начало литургіи въ какой либо праздничный день, по желанію сильнаго прихожанина, до поздняго часа, когда весь приходъ, обыкновенно постящійся до обѣдни, желаетъ, чтобы литургія совершалась раньше, и въ ранніе часы привыкъ ходить въ церковь для ея слушанія. Не благовидно долго не начинать литургіи или всенощной, въ ожиданіи прихода знатнаго прихожанина, когда собрался въ церкви весь народъ, и когда прошелъ обычный часъ, назначенный для начала церковнаго богослуженія. Нельзя въ церкви, въ угоду тому или другому прихожанину, выпускать извѣстныя чтенія или пѣснопѣнія, положенныя въ томъ или другомъ богослужебномъ чинѣ и т. п. Желанія людей, стоящихъ высоко и считающихъ себя главами прихода, бываютъ иногда очень капризны и прихотливы. Ниже достоинства священническаго безпрекословно подчиняться капризнымъ и прихотливымъ требованіямъ какого либо именитаго прихожанина. Онъ можетъ отклонять ихъ, опираясь на свое право, указывая на требованія долга, благо и желанія всего прихода, и выставляя неудобства, сопряженныя съ исполненіемъ прихотливыхъ желаній. Твердость и самостоятельность въ законномъ дѣлѣ не повредитъ священнику, и если разъ, другой—священникъ отклонитъ высокомѣрныя притязанія прихотливаго прихожанина, желающаго по своему распоряжаться въ области церковной приходской жизни, и укажетъ основательныя къ тому причины, пропадетъ у этого прихожанина охота предъявлять священнику свои прихотливыя и неумѣренныя желанія. Если при этомъ такой прихожанинъ человѣкъ серьезный и разсудительный,

онъ не будетъ гнѣваться на своего приходскаго священника за обнаруженіе имъ извѣстной доли самостоятельности въ отправленіи имъ церковной службы, а скорѣе почувствуетъ уваженіе къ нему, какъ человѣку независимому и дѣйствующему по сознанію своего долга.

5. Поведеніе священника, какъ члена гражданскаго общества.

Въ отношеніяхъ гражданскихъ отъ священника ожидается точное исполненіе всего, чего требуетъ законъ или долгъ вѣрноподданнаго, и полное подчиненіе всѣмъ, основаннымъ на законѣ распоряженіямъ установленныхъ властей. Какъ руководитель пасомыхъ, долженствующій служить для нихъ примѣромъ во всемъ,— въ исполненіи всѣхъ, лежащихъ на немъ, гражданскихъ обязанностей, онъ будетъ идти впереди другихъ, всегда и вездѣ будетъ показывать себя образцовымъ гражданиномъ и безупречнымъ сыномъ отечества. Онъ не позволитъ себѣ, опираясь на покровительство Церкви и особенность своего положенія въ обществѣ, уклониться отъ исполненія начальственныхъ распоряженій, вызываемыхъ условіями гражданской жизни, и не обнаружитъ ни упорства, ни ропотливаго недовольства, когда на него, вмѣстѣ съ другими, въ силу общественныхъ нуждъ или особенныхъ временныхъ обстоятельствъ, налагается какая либо повинность, кажущаяся ему обременительною, а тѣмъ болѣе не доведетъ себя до того, чтобы привлекли его къ отвѣтственности за неисполненіе законныхъ распоряженій власти. Чтить власть, повиноваться ей и воздавать всѣмъ должное онъ учитъ словомъ; то же самое онъ долженъ показывать и дѣломъ, въ своемъ примѣрѣ и поведеніи.

Не рекомендуетъ служителя Церкви бумажное сутяжничество, если онъ, безъ уважительнаго повода, вчинаетъ иски и жалобы, и призываетъ для рѣшенія какихъ либо мелочныхъ споровъ содѣйствіе гражданской, судебной или административной, власти. Распри-

и тяжбы совершенно не пристали служителю мира и проповѣднику любви, и унижаютъ его достоинство. А если жалобы и притязанія другихъ или важныя нарушенія его интересовъ или интересовъ церкви съ чьей либо стороны вынудятъ его обращаться къ властямъ и просить у нихъ защиты или возстановленія нарушеннаго права, онъ долженъ держать себя предъ властями безъ страсти, безъ обиды, спокойно и съ самообладаніемъ. Само собою понятно, что священникъ въ этомъ случаѣ будетъ говорить и отстаивать только честное и справедливое. И если власть не будетъ на сторонѣ священника, можно стойко защищать правое дѣло, смѣло выставляя все, клонящееся къ его освѣщенію, но было бы при этомъ не достойно священника дозволять себѣ неумѣренныя выраженія обидчиваго встревоженнаго чувства или унизительныя просьбы.

Дѣйствующими законоположеніями священники допускаются или приглашаются къ участію въ земскомъ или городскомъ самоуправленіи. Они могутъ участвовать въ выборѣ гласныхъ и сами являются въ качествѣ гласныхъ, и въ этомъ званіи вмѣстѣ съ другими рѣшаютъ дѣла, относящіяся къ пользамъ земства или города. Тамъ, гдѣ допущены выборы и гдѣ данъ просторъ общественному самоуправленію, весьма часто составляются партіи и идетъ борьба ихъ. Священнику не свойственно пристава къ той или другой партіи. Ему слѣдуетъ стоять выше духа партій и дѣйствовать самостоятельно и независимо, по своему убѣжденію. Своимъ независимымъ образомъ дѣйствій, руководящимся чистыми побужденіями, онъ несомнѣнно пріобрѣтетъ себѣ довѣріе и уваженіе общества. А когда онъ дозволитъ себѣ пристать къ какой либо партіи, поддастся вліянію ея вожаковъ и будетъ слѣдовать ихъ велѣніямъ,—онъ окажется игрушкою въ рукахъ другихъ, что ниже достоинства служителя Церкви, и вмѣстѣ съ униженіемъ себя вызоветъ противъ себя неудовольствіе со стороны другихъ, не принадлежащихъ къ той партіи, къ которой пристаетъ онъ.

Гдѣ дѣйствуетъ духъ партіи, тамъ есть мѣсто и интригѣ, извращенію дѣла, и своекорыстію, и пожалуй подкупу. Не одно прямое, а только косвенное прикосновеніе къ этимъ нечистымъ дѣламъ партіи марастъ имя и санъ священника, и пастырь, уважающій свое достоинство, будетъ держать себя вдали отъ всего, что можетъ навлечь на него нареканіе. Когда будетъ онъ призванъ къ участію въ дѣлахъ общественнаго самоуправленія,— первымъ долгомъ для себя долженъ поставить защищать интересы Церкви, вѣры и нравственности, и если видитъ, что другіе готовы оказывать пренебреженіе къ этимъ интересамъ, долженъ собрать всю свою энергію, чтобы не дать возобладать въ представительныхъ собраніяхъ недобрымъ, антицерковнымъ и антирелигіознымъ, стремленіямъ.

Въ средѣ, окружающей священника, могутъ открываться броженія и волненія общественно-политическаго свойства. Поставленный въ оградѣ церкви, вѣдающей дѣла царства не отъ міра сего,—царства Божія, а не человѣческаго, онъ, во вредъ себѣ, злоупотребитъ своимъ положеніемъ, когда дастъ увлечь себя этимъ волненіямъ. Священная каѳедра, на которой онъ является учителемъ, не создана для обсужденія вопросовъ политическаго свойства, тѣмъ менѣе для служенія страстямъ политическимъ. Во времена общественныхъ и политическихъ броженій дѣло пастыря Церкви—усмиреніе и укрощеніе возбужденныхъ умовъ, напоминаніе имъ о долгѣ, проповѣдь евангельскаго ученія о смиреніи и покорности властямъ, о взаимномъ примиреніи и прощеніи, склоненіе воли, готовой выдти изъ подчиненія, къ спасительнымъ требованіямъ вѣры и высокимъ обѣтованіямъ, указаннымъ намъ свыше.

6. Отношеніе священника къ своему архипастырю.

Мы ничего не говорили объ отношеніи пресвитера къ своему епископу. Но это отношеніе не входитъ въ кругъ частныхъ житей-

ских отношений священника, о которых мы теперь трактуем, а переходить въ сферу отношений чисто-служебных, и не только въ общемъ, но и въ подробностях точно опредѣлено канонами церковными. Если для полноты изображенія предмета, нами разсматриваемаго, нужно коснуться этих отношений, то въ этомъ случаѣ можно только напомнить тѣ церковныя правила, которыми опредѣляется надлежащее отношеніе пресвитера къ своему епископу. По этимъ правиламъ, священникъ долженъ оказывать полное повиновеніе своему епископу, какъ своему священно-начальствующему правителю, и вмѣстѣ съ тѣмъ во всѣхъ потребныхъ случаях воздавать ему подобающую честь. По 39 апостольскому правилу, *пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ. Ибо ему вверены людіе Господни, и онъ воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ*, и всякое своеволіе пресвитера по отношенію къ своему епископу строго осуждается и запрещается Церковью, если епископъ не обличенъ ни въ чемъ, противномъ вѣрѣ, благочестію и правдѣ (ап. пр. 31, карѳ. 10 конст. двукр. 13 и 15). Оскорбленіе или пренебреженіе, оказанное пресвитеромъ епископу, можетъ подвергать его изверженію изъ сана. *Аще кто изъ клира* (говоритъ 55 апостольское правило) *досадитъ епископу: да будетъ изверженъ. Князю бо людей твоихъ да не речеши зла* (Дѣян. XXIII, 5), (ср. конст. двукр. пр. 14). Въ случаѣ обиды или несправедливости, учиненной епископомъ пресвитеру, послѣдній имѣетъ право жаловаться областному собору, но до рѣшенія высшаго суда не можетъ оказывать ни противленія распоряженіямъ своего епископа, ни пренебреженія и непочтенія къ нему. *Аще обрящется* (читаемъ мы въ 14-мъ правилѣ сардикійскаго собора) *нѣкій епископъ, склонный ко гнѣву (что въ таковомъ мужѣ не должно имѣти мѣста) и внезапно бывъ раздраженъ на пресвитера, или діакона, восхощетъ изринути нѣкоего изъ Церкви: подобаетъ предохраненіе употребити, да не тотчасъ таковый будетъ осуждаемъ и лишаемъ общенія: всѣ епископы*

рекли: изверяемый да имѣетъ право прибѣгнуть къ епископу митрополіи тоя области... Ибо недолжно заграждати слуха отъ прослящихъ. А епископъ оный, праведно или не праведно извергшій таковаго, благодушно сносити долженъ, да будетъ изслѣдованіе дѣла, и приговоръ его или подтвержденъ будетъ, или получитъ исправленіе. Но прежде, нежели тщательно и вѣрно изслѣдованы всѣ обстоятельства, отлученный отъ общенія до разсмотрѣнія дѣла не долженъ присвояти себѣ общенія. Аще же сошедшися нѣкоторые изъ клира увидятъ въ немъ пренебреженіе власти и надменность: то (поелику не прилично попускати обиду или неправедное порицаніе) долженствуютъ нѣсколько суровыми и тяжкими словами обращати его къ порядку, да соблюдается покорность и повиновеніе повелѣвающему должное. Ибо какъ епископъ обязанъ являти подчиненнымъ искреннюю любовь и расположеніе: таковымъ же образомъ и служащіе обязаны не притворно исполняти долгъ служенія епископамъ. Жаловаться на епископа, помимо своего духовнаго начальства, свѣтской власти или царю не дозволяютъ правила церковныя. *Аще который епископъ, или пресвитеръ, или вообще кто либо изъ клира* (постановили отцы антіохійскаго собора), *безъ соизволенія и грамотъ отъ епископовъ области, и наипаче отъ епископа митрополіи, дерзнетъ отъити къ царю: таковый да будетъ отрѣшенъ и лишенъ не токмо общенія, но и достоинства, какое имѣлъ, яко дерзнувшій, вопреки правиламъ Церкви, стужати слуху боголюбезнѣйшаго царя нашего. Аще же необходимая нужда заставитъ кого ити къ царю: таковый да творитъ сіе съ разсмотрѣніемъ—соизволеніемъ епископа митрополіи и прочихъ тоя области епископовъ, и да напутствуется грамотами отъ нихъ* (пр. 11). *Аще который пресвитеръ или діаконъ, изверженный отъ своего сана своимъ епископомъ, или даже епископъ, изверженный соборомъ, дерзнетъ стужати царю: подобаетъ ему обрати-*

тися къ большему собору епископовъ, и то, чимъ мнится быти правъ, предложити множайшимъ епископамъ, и отъ нихъ пріяти изслѣдованіе и окончательный судъ. Аще же, сихъ пренебрегши, царю стужати будетъ, таковый да не удостоивается никакого прощенія, да не будетъ мѣста его защищенію, и да не имѣетъ онъ надежды возстановленія (пр. 12) (карѳ. пр. 15 II всел. соб. пр. 6).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТР.

ВВЕДЕНІЕ . . . . . 1—3

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Приготовленіе къ священству.

I. Необходимость приготовленія къ священству . . . . . 4—19

II. Лица, готовящіяся къ священству. . . 20—41

1. Побужденія къ избранію священническаго служенія 21
2. Вопросъ о призваніи къ священству . 31
3. Нравственныя качества, желательныя въ кандидатѣ священства 34
4. Тѣлесные недостатки, препятствующіе принятію священства 39

III. Образованіе кандидатовъ священническаго служенія . . . . . 42—72

1. Необходимость спеціальной школы для образованія кандидатовъ священства . 43
2. Съ какого времени духовная школа можетъ и должна начинать дѣло спеціальнаго приготовленія кандидатовъ священства? 45

СТР.

3. Причины, требующія выдѣленія духовной школы отъ свѣтской для юношей, избирающихъ для себя въ будущемъ служеніе Церкви 50

4. Чего нужно желать нашимъ семинаріямъ, готовящимъ священниковъ? 57

IV. Кандидатъ священства, по выходѣ изъ школы до поступленія на мѣсто . . 73—100

1. Взглядъ на порядокъ вещей, узаконившій переходное время для кандидатовъ священства, окончившихъ курсъ школьнаго образованія 72

2. На что лучше употреблять время кандидату священства въ промежуточный періодъ? 84

3. Кандидатъ священства въ должности псаломщика. 88

4. Кандидатъ священства въ должности учителя 95

5. Поведеніе кандидата священства, окончившаго курсъ школьнаго образованія . 97

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

СТР.

Жизнь священника.

I. Основное правило, какого долженъ держаться священникъ въ своемъ поведеніи . . . . . 101—110

II. Удовольствія и развлеченія, приличныя священнику . . . . . 111—135

1. Благоразумное пользованіе удовольствіями, дозволенными священнику . . . 111

2. Знакомства священника и время препровожденіе въ обществѣ близкихъ людей 115

3. Участіе въ пиршествахъ 122

4. Можно ли священнику посѣщать театры, цирки и мѣста общественныхъ гуляній и увеселеній? 126

III. Внѣшнее приличіе священника . . . 136—162

1. Необходимость соблюденія внѣшняго приличія священнику 136

2. Нарушенія внѣшняго приличія, унижающія священный санъ. 138

3. Забота о соблюденіи видимой благопристойности въ вещахъ, по видимому, безразличныхъ въ нравственномъ отношеніи 141

4. Одежда священника 146

IV. Семейная жизнь священника . . . . 163—192

1. Православный взглядъ на брачную жизнь священника. 163

стр.

2. Руководящія правила касательно устроенія семейной жизни священника. . . 170

3. Жена священника 172

4. Порядокъ жизни въ домѣ священника. 182

5. Воспитаніе дѣтей священника и поведеніе членовъ семьи священника. . . 186

6. Отношеніе къ слугамъ въ домѣ священника. 190

V. Домашнія и частныя занятія священника . . . . . 193—231

1. Занятія умственныя 194

2. Занятія педагогическія 210

3. Трудъ физическій и хозяйственныя занятія 216

4. Занятія, не дозволенныя священнику . 226

VI. Житейскія отношенія священника . . 232—275

1. Отношеніе священника къ прихожанамъ. 232

2. Отношеніе священника къ подчиненнымъ членамъ клира 251

3. Отношеніе священника къ своимъ собратіямъ по служенію. 258

4. Отношеніе священника къ высокопоставленнымъ лицамъ и представителямъ гражданской власти. 265

5. Поведеніе священника, какъ члена гражданскаго общества 270

6. Отношеніе священника къ своему архипастырю. 272

14

2005082010